

BOOKTRAN

БРЕНДОН САНДЕРСОН

АРХИВ БУРЕСВЕТА

ОСҚОЛОҚ ЗАРИ

Рисн, владелица «Странствующего паруса» – жемчужины тайленского флота, принимает деловое предложение Навани Холин. Королева Уритиру хочет отправить исследовательскую экспедицию в Акину – легендарную столицу погибшей Аймиа. У Рисн есть свой интерес в этой поездке. Ее ларкин чахнет с каждым днем, и она надеется, что на родине Чири-Чири станет лучше. Вместе с тайленцами в путешествие отправляются ветробегуны Лопен и Уйо, ревнительница Рушу и дочь Камня Струна.

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax, AndrewParf

Локализация обложки: zhuzh

Booktran, 2020 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе:

<http://www.vk.com/b.sanderson>.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на

<http://www.booktran.ru/>.

Внимание! Эта история разворачивается после событий романа «Давший клятву» и содержит спойлеры.

Приятного чтения!

Кэтлин Дорси Сандерсон

*Из всех, кого я знаю, она больше всех заслуживает собственного ларкина
(а пока эту роль придется выполнять ее кошкам).*

Благодарности

Я очень благодарен всем за эту книгу, ведь сообщество фанатов поддержало ее напрямую. Для тех, кто не знает, эта книга появилась на свет в результате успешной кампании на Kickstarter по выпуску «Пути королей» в кожаном переплете. Так что первая благодарность всем вам! Спасибо за столь активный интерес к этому циклу, который, как мне всегда казалось, слишком необычный и слишком огромный, чтобы стать популярным.

Чтобы выпустить «Осколок зари» так быстро, потребовались усилия многих людей. Важнейший из них – неутомимый Питер Альстром, шеф-редактор моей компании и главный редактор этой книги. Кэрен Альстром, редактор целостности повествования, проделала большую работу, помогая разобраться в хронологических тонкостях. Кристина Куглер приняла участие в качестве построчного редактора и проявила себя как всегда фантастически.

Обложка, иллюстрации и внутренний дизайн выполнены Беном Максуини и Айзеком Стюартом. Айзек Стюарт выступил в качестве арт-директора, а Бен работал над иллюстрациями, включая иконки в начале глав.

В писательской группе этой книги участвовали: Кейлинн Зобелл, Бен Олдсен, Алан Лейтон, Итан Скарстедт, Кэтлин Дорси Сандерсон, Эрик Джеймс Стоун, Дарси Стоун, Питер Альстром и Кэрен Альстром.

Особо отмечу группа экспертов по обеспечению доступности для инвалидов, от которой я получил массу полезных замечаний, отчего книга не только выиграла в этой конкретной области, но и стала более увлекательной в целом: Элиза Стоффер, Чана Ошира Блок, Уитни Сивилл, Сэм Литал и Тоби Коул.

Команда бета-ридеров: Элис Арнесон, Ричард Файф, Дарси Коул, Кристина Гудман, Дина Уитни, Рави Персо, Пейдж Вест, Трей Купер, Дрю Маккефри, Бао Фам, Линдси «Лин» Лютер, Эрик Лейк, Брайан Т. Хилл, Никки Рэмси, Пейдж Филлипс, Леа Зайн, Сэм Литал, Джессика Эшкрафт, Иан Макнатт, Марк Линдберг, Джесси Белл, Дэвид Беренс, Уитни Сивилл, Чана Ошира Блок, Натан Гудрич, Марни Петерсон, Элиза Стоффер и Тоби Коул.

В гамма-ридеры вошло множество бета-ридеров, а также: Бао Фам, Аарон Форд, Фрэнки Джером, Шеннон Нельсон, Линнеа Линдстром, Сэм Бэскин, Росс Ньюберри, Евгений «Серебро» Кирилов, Дженнифер Нил, Тим Чэлленер, Тед Герман, Крис Макграт, Глен Вогелаар, Пунам Десэй, Тодд Х. Сингер, Сьюзен Мусин, Гэри Сингер, Кристофер Коттингем, Джошуа Харки, Донита Ордерс и Линтинг «Ботаника» Сью.

Следует отметить, что многие из них приступили к этой книге сразу после того, закончили бета/гамма вычитку «Ритма войны», чтобы успеть вовремя. Искренне ценю их мудрость, вдумчивые отзывы и старания.

Брендон Сандерсон

Пролог

Нет ничего лучше, чем висеть на вантах в десятках футов над палубой, когда в лицо бьет морской ветер, а внизу сверкает бескрайняя водная гладь. Необъятный океан – открытая дорога. Персональное приглашение к новым открытиям.

Люди боятся моря, но Ялб никогда этого не понимал. Ведь море такое гостеприимное, такое радушное. Проявляй к нему уважение, и оно отнесет тебя, куда пожелаешь. Оно даже будет кормить тебя по пути и петь колыбельные по ночам.

Он вдохнул полной грудью, чувствуя привкус соли и глядя, как мимо скользит спрен ветра, и расплылся в ухмылке от уха до уха. Да, с этим ничто не сравнится. Но выиграть несколько сфер у новичка... почти так же приятно.

Док вцепился в канат, как человек, который не хочет упасть, – то ли дело расслабленная хватка того, кто уверен, что не упадет. Парень оказался смышленным для аleti. Большинство из них никогда не ступали на палубу корабля, разве что если требовалось пересечь особенно большую лужу. Однако этот не только отличал левый борт от правого, но и мог правильно отдать швартов и зарифить парус, не удавившись снастями.

Но цеплялся за веревку он слишком крепко. А еще хватался за ограждение во время качки. И на третий день свалился с морской болезнью. Док почти стал настоящим моряком, но пока не совсем. И поскольку Ялб последнее время взял за правило присматривать за новыми матросами, ему выпало помочь Доку путем доброго розыгрыша. Если королева аleti хочет, чтобы ее люди учились у тайленцев морскому делу, придется научиться и этому. Такой вот образовательный процесс.

– Вон! – Ялб высунулся и показал рукой, раскачиваясь на ветру. – Видишь?

– Где? – Док забрался выше, внимательно разглядывая горизонт.

– Вон там! – снова показал Ялб. – Большой спрен в воде рядом с солнечными бликами.

– Не вижу.

– Ха! Он прямо там, Док. Огромный спрен моряков. Видимо, ты не...

– погоди! – Док заслонил глаза от солнца. – Вижу!

– Правда? И как он выглядит?

– Громадный желтый спрен? Торчит из воды? Размахивает большими щупальцами. И... у него на спине ярко-красная полоса.

– Бросьте меня за борт и зовите рыбой! – воскликнул Ялб. – Если ты его видишь, значит, настоящий моряк! Получается, ты выиграл спор.

Конечно, матросы проследили, чтобы Док услышал, как они шепотом обсуждают мнимого «спрена моряков», и знал, что описывать. Ялб выудил из кармана несколько грошей и отдал Доку. Легкий начальный выигрыш, чтобы затянуть парня в дальнейшую игру. Теперь он будет видеть «спрена моряков» повсюду, пока не поставит большую сумму на то, что поймает одного, тогда-то ему и скажут, что таких спренов не бывает, и все славно посмеются.

По мнению Ялба, если парень наивен настолько, что ведется на розыгрыши, то рано или поздно лишится всех своих сфер. Так почему бы не проиграть их товарищам?

Кроме того, эти сферы пойдут на выпивку для всех, включая Дока. Как-никак настоящим моряком становишься только после всеобщей попойки. К тому же очень может быть, что, поднабравшись, они все увидят стаю ярко-желтых спренов с щупальцами.

Док прижался к канату.

– Ялб, а правда, что ты однажды утонул?

– Утонул корабль, – ответил Ялб. – Я всего лишь оказался на борту.

– А я слышал другое. – Голос Дока был приправлен легким алетийским акцентом.

– Разве ты не рассказывал, что весь шквальный корабль просто исчез из-под ног?

– Да я выхлебал половину океана, покуда меня выловили. Что с меня взять в таком состоянии, а?

И Ялб найдет того, кто повторяет эту историю, и зашьет ему гамак. Знают же, что он не любит говорить о ночи, когда затонула «Услада ветра». Это был отличный корабль, с лучшей командой. Их выжило всего трое.

Двое других рассказывали ту же жуткую историю, которую помнил Ялб. Убийцы в темноте – куда хуже бунта. А потом... корабль просто исчез. Несколько месяцев Ялб считал себя сумасшедшим. Но потом весь шквальный мир сошел с ума: вернулись пустоносцы, разразилась новая буря, и все отправились на войну.

Теперь вот алетии на его корабле. Поэтому он будет присматривать за всеми новичками, на всякий случай. Впрочем, Док вроде парень неплохой, так что Ялб решил обойтись с ним помягче, разыграв пожестче.

Ялб высунулся еще дальше, пытаясь вернуть хорошее настроение.

– Теперь, когда ты видел спрена моряков, тебе можно...

Он нахмурился. Что это там портит бескрайнюю синюю красоту?

– Что? – нетерпеливо спросил Док. – Что мне можно, Ялб?

– Тихо, – велел Ялб, забираясь выше, к угревому гнезду, чтобы помахать дежурившему там Брекву. – На три румба по левому борту!

Бреков повернулся в нужную сторону, подняв подзорную трубу. И тихо выругался.

– Что там? – спросил Ялб.

– Корабль. Погоди минуту, поднимется на волну... Да, корабль, паруса в клочья. Кренится на левый борт. Как ты его вообще углядел?

– Какой флаг?

– Никакого. – Бреков протянул подзорную трубу вниз.

Плохой знак. Почему он там один во время войны? Корабль Ялба – быстрый разведчик, поэтому они и плавают в одиночку. Но торговому судну в такие времена требуется охрана.

Ялб навел трубу на корабль. На палубе ни души. Бури! Он вернул трубу Брекву.

– Хочешь доложить? – спросил тот.

Ялб кивнул и заскользил вниз по канату мимо удивленного Дока. Спрыгнув, он побежал по палубе и, перескакивая через ступеньки, в три прыжка оказался рядом с капитаном.

– В чем дело? – спросила капитан Смта, высокая женщина с кудрявыми бровями под стать волосам.

– Корабль, – сказал Ялб. – На палубе никого. Три румба по левому борту.

Капитан бросила взгляд на рулевую и кивнула. Полетели приказы матросам. Корабль повернул к замеченному собрату.

– Ялб, возглавишь команду высадки, – приказала капитан. – На случай если понадобятся твои особые навыки.

Особые навыки. Слухи врут, но все им верят. Шептались, будто Ялб много лет плывал на корабле-призраке, потому он со временем и затонул. Не зря же никто не нанимал троих выживших вместе, им пришлось разделиться.

Ялб не жаловался на отношение. Капитан проявила доброту и приняла его в команду. Так что, когда она отдавала приказ, он его выполнял. И впрямь, хоть он и простой матрос, не имеющий права командовать, даже первый помощник смотрел на него в ожидании указаний, когда они наконец подошли к чужому кораблю. Паруса висели лохмотьями. Сам корабль кренился на одну сторону, на палубе не было даже призраков.

Он не исчез у них из-под ног во время осмотра. Через час поисков они вернулись с пустыми руками. Ни следа судового журнала, ни следа команды – никого ни живого, ни мертвого. Только название – «Первые сны». Первый помощник припомнил, что слышал о таком частном корабле. Тот пропал пять месяцев назад во время какого-то загадочного путешествия.

Пока капитан и остальные обсуждали, что делать дальше, Ялб ждал у борта и разглядывал несчастный, беспомощно дрейфующий корабль. Суждено ли было именно ему обнаружить его? Человек, корабль которого исчез, теперь связан с кораблем, у которого исчезла команда? Капитан захочет развернуть запасные паруса и доставить его домой. Ялб не сомневался. Идет война, и каждый корабль на счету.

И его отправят на борт. Он знал, что отправят. Этого потребует, скорее всего, сама шквальная королева.

Море и правда удивительная хозяйка. Гостеприимная. Радужная. Манящая. Иногда даже слишком.

1

Некоторые посчитали бы скучным подбирать новую торговую экспедицию, но для Рисн это была захватывающая охота. Да, она сидела в кабинете, заваленная кипами бумаг, но все равно чувствовала себя охотницей.

Во всех этих отчетах было столько любопытных подробностей: детальные описания товаров, слухи о портах, где нуждались в том, что трудно доставить из-за войны. Где-то в мелочах скрывалась прекрасная возможность для ее команды. Она перебирала их подобно разведчику, который тихо и осторожно крадется в зарослях, выискивая идеальное место для атаки.

К тому же, когда с головой ныряешь в нечто столь запутанное, отвлекаешься от других забот. К сожалению, как только эта мысль пришла Рисн в голову, она не удержалась и глянула на Чири-Чири. Покрытый панцирем, с большими перепончатыми крыльями, ларкин обычно проводил дни, выклянчивая у Рисн еду или попадая в разные

переделки. Но сегодня, как и все последнее время, Чири-Чири спала, свернувшись клубочком на дальнем конце длинного стола, у горшка с травой из Шиновара.

Чири-Чири выросла: от мордочки до основания хвоста около фута, да еще дюймов пятнадцать хвост. Она стала такой большой, что Рисн приходилось держать ее обеими руками. У ларкина появился впечатляющий профиль с заостренными жвалами и глазами хищника. В последнее время коричнево-лиловый панцирь потускнел почти до мелового цвета. Слишком белый – и это не просто линька. Что-то не так.

Рисн скользнула по скамье. В прошлом она отдавала предпочтение крошечному кабинету, подальше от остальных. Теперь ей казалось, что так она поступала подсознательно, поскольку хотела спрятаться.

Больше этому не бывать. Теперь у нее большой кабинет, в котором она приказала поменять обстановку. Из-за несчастного случая два года назад Рисн лишилась возможности ходить, однако травма затронула позвоночник не столь сильно, как у других людей, с которыми она вела переписку. Она может сидеть самостоятельно, хотя от этого устают спина, если не на что опереться. И все равно ей казалось, что полезно сидеть и укреплять мышцы.

Вместо стульев она поставила длинные скамьи с высокими спинками, по которым можно скользить. По ее приказу их разместили вдоль нескольких длинных столов. Еще в кабинете было много окон, и создавалось ощущение простора и свободы. Поразительно, что раньше она предпочитала тесное и темное помещение.

Рисн добралась до гнезда из одеял в конце скамьи. Отложила перо, вытащила из ближайшего кубка бриллиантовую сферу и подтолкнула ее к Чири-Чири. Сфера ярко светилась, приглашая ларкина полакомиться буресветом.

Чири-Чири лишь приоткрыла серебряный глаз и едва пошевелилась. Вокруг Рисн появилось несколько спренов тревоги, похожих на черные кресты. Бури! От ветеринаров толку мало: они считают, что ларкин болен, но болезни у разных видов сильно различаются. А Чири-Чири – единственный представитель своего вида, которого они встречали в жизни.

Стараясь не впасть в отчаяние, Рисн оставила сферу у пасти Чири-Чири и заставила себя вернуться к охоте. Она уже отправила через даль-перо запрос человеку, который, по ее мнению, мог помочь. Оставалось только дожидаться ответа. Рисн передвинулась по скамье, чтобы вернуться к работе. Однако тут же поняла, что забыла перо, и потянулась обратно.

Никли незамедлительно бросился к ней от своего места у двери. Не успела Рисн передвинуться, как чересчур усердный слуга уже протягивал перо.

Рисн вздохнула. Никли был новым главным носильщиком – человеком, который переносил ее с места на место, когда ей требовалась помощь. Он родился где-то на западе региона макабаки, и, даже несмотря на неплохой тайленский, ему было трудно найти работу. Слишком уж выделялись белые татуировки на лице и руках.

Никли всеми силами стремился не потерять это место, и хоть Рисн ценила инициативу...

– Спасибо, Никли. – Она приняла перо. – Но в следующий раз, пожалуйста, подожди, пока я попрошу о помощи, прежде чем ее оказывать.

– О! – Он поклонился. – Прошу прощения.

– Все в порядке.

Рисн махнула, чтобы он вернулся ко входу. Его отношение не редкость. Когда она объяснила, зачем ей скамьи в кабинете, первой реакцией было недоумение. «Но зачем?» – спросил старший плотник.

Вот как раз чтобы избавиться от этих «но зачем».

Ее действия всем казались странными. Она торгмастер, с собственным кораблем и командой. Она может приказать слугам принести все, что нужно. И время от времени ей и правда требуется помощь.

Все дело в том, что помощь требовалась не всегда. Она была вынуждена выучить этот урок, поэтому не винила Никли за промах. Рисн прогнала остатки раздражения и сосредоточилась на задаче, пытаясь снова поймать радостное возбуждение.

Это будет ее второй рейс в качестве владелицы корабля. Первый, завершившийся две недели назад, представлял собой обычную прямую поставку и дал возможность ей и команде привыкнуть друг к другу. Все прошло... хорошо. Прибыль отличная, и команда это оценила. Они зарабатывали себе на жизнь благодаря сделкам, которые она заключала.

И все же что-то в поведении моряков и капитана не давало Рисн покоя. Некая неохотность в общении с ней. Возможно, они просто привыкли к Встиму, а ее методы слегка отличались от методов бабска. А может, им хотелось отправиться в более захватывающий, более выгодный рейс.

Рисн перебирала варианты, пока в итоге не остановилась на трех разных предложениях. Любое может принести выгоду, но какое выбрать? Она немного поразмыслила, потом выписала за и против по каждой сделке, как учил ее Встим.

В конце концов она потеряла виски, лишь тихонько звякнули бровные украшения. Она решила сделать перерыв и занялась последними сообщениями по даль-перу от женщин по всему миру, которые, как и она, потеряли возможность пользоваться ногами.

Разговоры с ними приносили радость и ободрение. Эти женщины переживали те же эмоции и с готовностью делились всем, чему научились. Азирка Мура, проявив недюжинную смекалку, разработала несколько интересных приспособлений для повседневной жизни. Крючки и кольца – и вещи, висящие на прищепках, – чтобы легко до всего доставать. Специальные обручи, проволока и изогнутые прутья, чтобы одеваться самой.

Читая последние письма, Рисн не могла не воодушевиться. Раньше она ощущала себя оторванной от мира, а теперь понимала, что многие люди вопреки своей удивительной невидимости для всех остальных сталкивались с теми же трудностями. Их истории приободряли, и по их советам Рисн приказала поменять кое-что на корабле: установить неподвижное сиденье и навес от солнца на шканцах, недалеко от штурвала, а также добавить кое-что в каюте, чтобы проще перемещаться и одеваться.

Пока корабль стоял в порту, плотники воплощали в жизнь ее задумки. Однако сколько же недоуменных взглядов... И опять этот ужасный вопрос.

«Но зачем?»

Зачем, если можно остаться на берегу и поручить переговоры заместителю? Если дело дойдет до контракта, она может торговаться по даль-перу. Зачем ей кресло на шканцах, если можно путешествовать в комфортной каюте? Зачем устанавливать блочный механизм для спуска и подъема на шканцы, если есть носильщики?

Зачем, зачем, зачем? Зачем ты хочешь жить, Рисн? Зачем улучшать свое положение? Она просмотрела присланные Мурой рисунки – недавняя разработка ревнительницы из Йа-Кевода, кресло на колесах другого типа. Рисн пользовалась обычным креслом, с маленькими колесиками на задних ножках. Носильщик должен был немного наклонить кресло назад, словно она сидела в тачке, и толкать его в нужном направлении. Подобную конструкцию применяли много веков.

А тут кое-что новенькое. Кресло с большими колесами, которые можно вращать самостоятельно. Нужно заказать такое. На корабле от него толку мало, да и улицы Тайлена, пожалуй, чересчур неровные, с кучей ступеней, но даже если получится перемещаться по комнатам в доме, это уже прогресс.

Рисн написала ответ Муре и еще раз взвесила все три возможные сделки. Партия рыбьего жира, ковры или бочки с водой. Все три такие будничные. Ее корабль «Странствующий парус» построен для великих свершений. Безусловно, из-за войны самый простой рейс опасен. Однако лучший в своем деле учил ее искать возможности, которые больше никому не по плечу.

«Ищи потребность, – всегда наставлял Встим. – Не будь моллюском, который просто присасывается к деньгам везде, где только можно, Рисн. Найди неудовлетворенное желание...»

Она решила начать все заново, но ее прервал тихий стук во входную дверь. Рисн с удивлением подняла голову – она никого не ждала. Никли, поймав ее одобрительный взгляд, исчез в прихожей, чтобы открыть.

Секундой позже в кабинет вошел улыбающийся мужчина. Потрясенная Рисн выронила бумаги.

У него была смуглая кожа, волосы заплетены в две длинные, ниспадающие на плечи косы. Талик облачился в традиционную набедренную повязку и сорочку с кистями, оставив грудь обнаженной. После двух лет общения она знала, что во время путешествий он обычно носил отличный тайленский костюм. Если на нем традиционное одеяние, значит, он намеренно хочет подчеркнуть, откуда прибыл.

Рисн утратила дар речи. Он живет за тысячи миль отсюда. Как он здесь оказался? Она запнулась, не зная, что сказать.

– Ах вот как, раз ты теперь важная кораблевладелица, – произнес Талик, – то для такого, как я, не можешь найти и пары слов? Ну, тогда я, пожалуй, пойду... – Однако на его губах расползалась ухмылка.

– Иди сюда и садись. – Рисн передвинулась на дальний конец стола, не так сильно заваленный бумагами, и махнула Талику на стул напротив. – Как, во имя Рошара, ты так быстро добрался? Я написала тебе всего три дня назад!

– Мы уже были в Азимире, – объяснил он, присаживаясь. – Король хочет встретиться с этим вашим Далинаром Холином и сам посмотреть на Сияющих рыцарей.

– Король покинул Релу-на? – У Рисн отвисла челюсть.

– Странные времена. По миру бродят кошмары, воринские народы объединяются под одним знаменем, причем ни больше ни меньше под знаменем аleti. Пора уж.

– Они... мы не под знаменем аleti, – возразила Рисн. – Мы объединенная коалиция. Так, давай налью тебе чая.

Она взяла палку-хваталку, подцепила ею ручку чайника и перетянула его через стол. Талик, который так сурово вел себя, когда они впервые встретились, вскочил, чтобы помочь. Он взял чайник и налил чай в две чашки.

Рисн охватила благодарность. И еще досада. Когда не можешь ходить, испытываешь раздражение, и люди вроде бы это понимали. Но мало кто понимал, какое смущение чувствуешь от того, что являешься бременем, хоть и знаешь, что так быть не должно. Рисн ценила участие, которое ей выказывали, но она столько трудилась, чтобы обрести способность делать что-то самой. Когда это нечаянно зарубают на корню, сложнее не обращать внимания на лживый голосок внутри. Голосок, нашептывающий о том, что если в некоторых областях у нее получается хуже, чем у других, значит, она никчемная.

Последнее время она справлялась лучше. Больше не появлялись спрены стыда. Но все равно хотелось отыскать верный способ объяснить, что она не ребенок, с которым нужно нянчиться.

– Вездесущие боги, – Талик подал ей чашку и сел на место, – поверить не могу, сколько времени прошло. Два года, как ты к нам приезжала? После несчастного случая? Словно все произошло пару месяцев назад.

– А для меня словно вечность.

Рисн глотнула чая и протянула ладонь к Чири-Чири. Обычно ларкин запрыгивал на руку и нюхал ее. Сегодня он едва пошевелился, тихонько застрекотав.

– Что ж, наверстаем упущенное позже, – сказал Талик. – Можно ее осмотреть?

Рисн кивнула, оставила чай и придвинулась к ларкину, чтобы взять его на руки. Чири-Чири пару раз хлопнула крыльями и успокоилась. Талик перенес стул вокруг стола и подсел рядом. Рисн держала ларкина так, чтобы Талик мог его рассмотреть.

– Я показывала Чири-Чири многим ветеринарам, – сказала Рисн. – И все они сбиты с толку. Если кто и слышал о ларкинах, то думал, что они давно вымерли.

Талик осторожно дотронулся до макушки Чири-Чири.

– Такая большая... – прошептал он. – Я и не предполагал.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда Аймия пала, На-Алинд – семья решийских богов-большепанцирников – дала приют последним ларкинам. Большепанцирники думают и разговаривают не как люди, образ мышления наших богов необычен. Можно лишь сказать, что они дали обещание – защищать ларкинов, своих кузенов. Я видел еще только двух. Обоим было по много десятилетий, но они выросли не больше человеческой ладони.

– Чири-Чири прожорливая, – отметила Рисн. – И весьма. По крайней мере, была раньше...

– В древние времена ларкины вырастали крупными, – продолжил Талик. – В наши дни они должны оставаться маленькими. Неприметными. Иначе люди снова начнут на них охоту.

– Но что мне делать? Как ей помочь?

– Когда мы получили твое письмо три дня назад, я написал нашим на острове. Супруг короля воззвал к Релу-на. Ответ незамысловат, Рисн, но не прост. Совсем не прост.

– Какой?

Талик встретился с ней взглядом.

– Остров сказал отвезти ее домой.

– На Решийские острова? Что ж, я вполне могу съездить. Как вы пробрались через оккупированные территории? Кружным путем через восток? Мы... – Рисн замолкла, заметив угрюмое выражение его лица. – О, под «домом» ты имеешь в виду Аймиа. Ну, в этом нет ничего невозможного. Королевский флот разместил несколько наблюдательных пунктов на главном острове.

– Не на главный остров Аймиа, Рисн. Нужно отвезти ее в Акину. Потерянный город. – Талик покачал головой. – Это невыполнимое путешествие. Много поколений никто не ступал на остров.

Рисн нахмурилась, поглаживая Чири-Чири и размышляя. Акина. Где она недавно видела это название? Она махнула Талику, опустила Чири-Чири и передвинулась обратно к бумагам.

Несколько минут спустя Рисн нашла то, что искала.

– Вот.

Она подняла листок так, чтобы Талик мог наклониться и прочитать. Он не придавал значения воринским запретам. Впрочем, как и Рисн, пусть последнее время она без возражений носила перчатку.

Два месяца назад тайленское военное судно обнаружило корабль-призрак. Чиновники отследили его до экспедиции в мифический город Акину. Королева Уритиру Навани Холин подала запрос, согласно которому другой корабль должен отправиться в Аймиа и исследовать определенный регион. В этом регионе бушевал необычный шторм и, по слухам, скрывались руины Акины.

Королева Навани обещала награду, но пока никто не откликнулся. Рисн глянула на Талика, и тот ободряюще кивнул.

Похоже, Рисн пора посетить Уритиру.

2

В Уритиру Рисн встретили старший слуга-проводник и четверо носильщиков – посланцы светлости Навани. Значит, Рисн ждали и ее визиту придавали большое значение. Носильщики поставили на землю одноместный паланкин и усадили на ее кресло на колесиках.

– Светлость Рисн предпочитает передвигаться на собственном кресле, – произнес Никли за ее спиной.

Это правда, но Никли, несмотря на все свои старания, опять допустил промашку.

– Почту за честь воспользоваться вашими услугами, – сказала Рисн. – Никли, они знают Уритиру гораздо лучше нас. Пусть они меня понесут. Однако буду признательна, если ты захватишь кресло – вдруг оно понадобится позже.

– Конечно, светлость, – смущенно проговорил он.

Она терпеть не могла поправлять, но эти люди считали своим долгом прислуживать ей. Рисн знала, что в торговых переговорах очень важно принимать гостеприимство.

Никли перенес ее в паланкин. Она подавила чувство уязвимости и бесполезности, которое по-прежнему возникало всякий раз, как ее перетаскивали, будто мешок с лависовым зерном.

«Хватит себя жалеть, – решительно подумала она. – Ты уже перевыполнила план много месяцев назад».

Когда она устроилась, Никли открыл корзинку с Чири-Чири. Рисн вытащила ларкина и посадила рядом. Несмотря на периодические промахи, Никли заслуживал похвалы, предвосхищая ее нужды. Немного времени, и он разберется во всех мелочах.

– Спасибо, Никли.

– Мы рядом, светлость, если вам что-нибудь понадобится.

Носильщики алети зашагали по пандусу Клятвенных врат. Шторки паланкина были раздвинуты, и Рисн обзревала окрестности. Перед Уритиру – грандиозным, высеченным в горе городом-башней Сияющих рыцарей – располагались десять платформ, которые с помощью Клятвенных врат соединялись с городами по всему миру. Но истинным чудом была сама десятиярусная башня, вздымающаяся к небу. Говорят, в ней почти две сотни этажей. Интересно, как нижние этажи не обрушиваются под таким весом?

Любопытно, что не все чудеса этого города древние. Рисн внимательно рассматривала секретный проект алети, о котором рассказывал Встим. Она заметила его, как только ее внесли на плато, к которому сходились десять пандусов Клятвенных врат. С обеих сторон плато круто обрывалось, и инженеры сооружали там две большие деревянные платформы.

Официально это был огромный лифт. Он работал благодаря сопряженным фабриалам по новому способу, который разработала Навани Холин: когда одна сторона опускается, другая поднимается. Благодаря общению с бабском, занимавшим пост тайленского министра торговли, до Рисн доходили чрезвычайно интересные слухи о тайном назначении платформ.

Если слухи правдивы... Если эти фабриали и правда действуют так, как утверждает королева Навани...

Чири-Чири пошевелилась в ее руках, высунула в окошко гладкую, покрытую панцирем голову и с любопытством прищелкнула.

– Тебе интересно? – с надеждой спросила Рисн.

Чири-Чири застрекотала.

– В этой башне много фабриалей. Если ты начнешь их выпивать, как в прошлый раз, мне опять придется тебя запретить. Честно предупреждаю.

Рисн не знала, как много понимает Чири-Чири. Похоже, маленькая проказница чувствовала настроение хозяйки и иногда отвечала в тон. Но сегодня она лишь устроилась поудобнее и вернулась ко сну. Такая вялая. У Рисн едва не разорвалось сердце.

Чтобы отвлечься, она уложила ларкина на подушку и взялась за заметки об увиденном в Уритиру. С прошлого визита почти ничего не поменялось: коридоры все так же заполнены людьми самых разных национальностей. Пока они шли, старший слуга-проводник отвечал на вопросы и рассказывал об архитектуре. Наконец они добрались до атриума с огромным стеклянным окном, выходящим на мерзлые пустоши. Рисн невольно задумалась о роли этого места. Не каждый день создается новое королевство, тем более в мифическом городе Сияющих рыцарей.

Благодаря небольшим размерам паланкина они свободно лавировали по коридорам и все поместились в один из чудесных фабриалевых лифтов в атриуме. И вот Рисн взмывает вверх, на десятки этажей. Носильщики внесли ее в небольшую комнату, где проводила встречи Навани Холин – недавно коронованная правительница Уритиру. Впечатляющая женщина: высокая, как все алети, черные с проседью волосы заплетены в замысловатые косы, короной уложены на голове и украшены сияющими сапфирами.

Большинство коллег Рисн вступали в торги с вопросом «Что я буду с этого иметь?». Ее отвадили от подобных мыслей еще в самом начале обучения. Бабск втолковывал ей иначе смотреть на мир, наставлял задавать вопрос «Какую потребность я могу удовлетворить?».

В этом заключается истинная цель торговца – отыскать взаимные потребности и перекинуть между ними мостик так, чтобы все остались в выигрыше. Секрет не в том, что можно получить от людей, а в том, что можно им дать.

Потребности есть у всех. Даже у королев.

Носильщики опустили Рисн. Она оставила Чири-Чири в паланкине, и Никли перенес ее в кресло перед столом Навани. В подобных ситуациях она предпочитала воспользоваться предложенным местом, хотя ее кресло на колесиках аккуратно стояло в дальнем углу.

Носильщики и проводник удалились, но Никли остался у входа на случай, если Рисн что-нибудь понадобится. Молодая женщина за конторкой неподалеку вела протокол, два охранника наблюдали за дверью. Не считая их, Рисн осталась в одиночестве перед взором этой невероятно царственной женщины.

Хорошо, что она почти справилась с ощущением уязвимости, иначе было бы не просто страшно, а очень страшно. Навани изучала ее, словно Рисн – чертеж корабля. Проницательные глаза королевы будто проникали в самую душу.

– Итак... – произнесла Навани по-тайленски. – Еще раз, кто вы?

– Светлость? – удивилась Рисн. – Э... меня зовут Рисн Фтори. Ба-Встим. Прибыла обсудить ваш запрос.

– Ах да. Корабль-призрак.

Навани протянула ладонь, и помощница поспешно подала ей нужные записи. Королева встала и принялась читать, расхаживая взад-вперед. Рисн ждала.

Наконец остановившись, Навани бросила внимательный взгляд на кресло в глубине комнаты и уселась перед Рисн. Маленький жест, но оцененный по достоинству. Рисн не возражала, когда в ее присутствии стояли, но Навани проявила определенную внимательность, расположившись так, чтобы во время разговора их глаза находились на одном уровне.

– По словам королевы Фэн, вы лично осмотрели корабль? – спросила она.

– Да, светлость. Я посетила его вчера, после того как решила согласиться на ваш запрос. Его привели в порт несколько недель назад и ремонтировали. Я обошла его в поисках чего-нибудь необычного.

Навани бросила взгляд на кресло на колесиках.

– Меня несли, светлость, – пояснила Рисн. – Уверяю вас, с моими носильщиками я вполне мобильна.

– Знаете, у нас есть Сияющие, которые специализируются на так называемом Восстановлении...

– Мое увечье оказалось слишком старым для исцеления, светлость. – При этих словах у Рисн внутри все перевернулось. – Я обратилась к ним, как только узнала об их способностях.

– Разумеется. Прошу прощения.

– Не нужно извиняться за то, что предложили помощь, светлость.

«А вообще, хорошо, что вы заметили. Потому что есть еще кое-что, что вы можете для меня сделать». Но время торгов еще не пришло.

У Рисн есть потребность. Даже несколько. Лучше понять, что нужно Навани и почему, прежде чем они начнут свой танец.

– Позвольте вернуться к рассматриваемому вопросу, ваше величество...

– Да, – согласилась Навани. – Этот корабль. Очень любопытный. Вы обнаружили что-нибудь интересное во время осмотра?

– Те, кто бросил его на произвол судьбы, пытались его затопить, – сказала Рисн. – Но они не знали, что современные тайленские суда так просто не потонут из-за одной-двух пробоин в корпусе. Здесь явно что-то нечисто, светлость. Судовые журналы пропали.

– Кровь на палубе?

– Мы не заметили, светлость.

– А... пропавшая духозаклинательница?

Рисн рассказали об этом лишь в последний момент: на корабле-призраке «Первые сны» в качестве пассажира плыла беглая духозаклинательница. Не Сияющий рыцарь, а женщина, обученная пользоваться древним устройством, которое превращает одни материалы в другие.

– Духозаклинательницу мы не нашли. Как и устройство. Скорее всего, кто-то узнал, что беглянка на борту, напал на корабль и перебил команду, чтобы заполучить духозаклинатель.

Эти устройства были редкими и чрезвычайно могущественными. Большинство королевств владели лишь несколькими духозаклинателями, а то и ни одним. Многие

тайленцы связывали военные успехи аleti не столько с выучкой и доблестью войск, сколько с множеством духозаклинателей, которые обеспечивали эти войска провиантом.

Но такие вещи не обсуждают между союзниками. Особенно когда они сражаются в полномасштабной войне против древних чудовищ из Пустоты.

– Да... возможно. – Навани скрутила свиток и похлопала им по ладони. – Я разговаривала с князем Лиафора. По его словам, духозаклинательница считала, что в Аймиа – древней родине духозаклинателей – скрываются тайны, благодаря которым она сможет исцелить свои недуги. Более того, капитан корабля Вазрмеб был помешан на легендарных сокровищах Акины, погибшей столицы Аймиа.

Любопытно. Королева знает больше Встима. Похоже, ее осведомленность соответствует ее репутации.

– Аймиа пустынна, – осторожно сказала Рисн. – Ее тщательно разведали. Сотни капитанов с горящими глазами пытались отыскать на острове загадочные сокровища. Все они вернулись с пустыми руками.

– С большого острова – да, – согласилась Навани. – А что насчет малых островов? Что насчет тайного острова, который окутан загадкой и штормом?

– Скала Секретов. Мифическая Акина. Некоторые считают ее просто легендой.

– То же самое говорили об Уритиру. Некоторые ученые считают остатками Акины руины, найденные в других местах, но их доводы не выдерживают критики. Наши ветробегуны докладывают о необычной погодной аномалии в определенном месте океана – в том самом месте, куда держал курс корабль-призрак перед крушением. Я убеждена, что Акина располагается внутри этой погодной аномалии. В любом случае нужно разобраться. Мой муж беспокоится, что ветра скрывают вражескую крепость.

– Ветробегуны? – переспросила Рисн. – А... почему бы им не слетать на остров и не разобраться?

Этот пункт смущал ее больше всего, из-за него она и отправилась в Уритиру, чтобы выяснить все лично. Зачем Сияющим рыцарям помощь обычного парусного судна?

– На этом острове есть... нечто, – сказала Навани. – Нечто способное развеять силы Сияющих рыцарей. Мои солдаты доложили, что видели, как в облаках роятся маленькие тени. А в легендах об Аймиа говорится о мифических существах, которые питаются буресветом.

Рисн невольно глянула на паланкин с Чири-Чири. Навани спокойно наблюдала за ней, слегка приподняв уголок губ. Она знает. Ну конечно знает. Рисн даже не пыталась спрятать Чири-Чири, да та бы никогда и не позволила.

– Могу я взглянуть на существо? – спросила Навани. – Обещаю, я не буду забирать его у вас.

Что ж, Рисн понимала, что ей будет трудно направлять эту беседу. Переговоры не всегда ведут с позиции силы. Поэтому она жестом велела Никли принести Чири-Чири.

Со временем Рисн начала понимать всю стратегическую важность буресвета как источника энергии для фабриалей и Сияющих рыцарей. Кроме того, у врага есть создания, известные как Сплавленные, которые используют свет самой Пустоты. Чири-Чири пила его так же охотно, как и буресвет.

Неужели существо, которое она держит как домашнего питомца, опаснее и важнее, чем ей кажется? Рисн взяла Чири-Чири на руки, та привстала и развернула крылья. Миниатюрное грациозное чудовище. Несмотря на белесый панцирь, она не уступит в величии любому большепанцирнику. И впрямь, Чири-Чири выглядела более энергичной, чем раньше. Наверно, ей лучше.

Навани наклонилась, и вокруг нее кольцами голубого дыма взмыли спрены благоговения.

– Оно великолепно, – прошептала она. – А в самом ли деле...

Словно в ответ Чири-Чири защелкала и взлетела, быстро хлопая крыльями. Она пронеслась по комнате до стены и вцепилась в крепление светильника. Ахнув, Рисн прижала ладонь к губам, когда Чири-Чири без малейшего смущения выпила из него буресвет. В комнате заметно потемнело.

– Простите, светлость, – произнесла Рисн. – Мы старались отучить ее пить свет из светильников. Но в последнее время ей нездоровилось, и она обо всем позабыла.

Навани просто наблюдала, вытаращив глаза, а потом высыпала на стол несколько бриллиантовых грошей. К счастью, Чири-Чири решила, что это более легкая добыча, с глухим стуком шлепнулась на стол и занялась буресветом. Осушив пару грошей, она укусила одну сферу и принялась играть с ней, то отпуская, то подскакивая и хватая пастью прежде, чем та упадет со стола.

– Это он? – прошептала Навани. – Способ, с помощью которого тайленские артефакторы умеют столь тщательно выверять количество буресвета в фабриках? Вы где-то прячете десятки таких зверей?

– Что? – переспросила Рисн. – Нет, светлость. Мне подарили Чири-Чири в торговой экспедиции на Решийских островах. Кроме нее я вообще не видела других ларкинов. Это диковина, а не секретное оружие.

– Все равно мне бы очень хотелось его изучить.

Рисн невольно потянулась к Чири-Чири, чтобы защитит, но сдержалась. Однако королева заметила. Она не стала повторять обещание не забирать ларкина, да в этом и не было необходимости. Рисн вполне ей доверяла. Навани Холин не воровка. Однако она из тех, кто в конце концов получает то, чего хочет.

Остается надеяться, есть другой способ удовлетворить эту ее потребность.

– В моих записях говорится, что вы владеете необычным кораблем, – сказала Навани. – Вокруг Акины бушует ужасный неослабевающий шторм. Как думаете, ваш корабль сможет его преодолеть?

– Если какой корабль и способен на это, то только «Странствующий парус», – ответила Рисн. – У нас есть фабриальные помпы и современные успокоители качки. Но ваши сведения внушают мне беспокойство. Место, куда боятся лететь Сияющие? Я должна заботиться о благополучии команды.

– Понимаю. Но я не могу рисковать и посылать ветробегунов в одиночку: если их силы вытянут прямо в полете, они упадут в океан и утонут. Следовательно, мне нужен корабль. Полагаю, ваша королева тоже одобрит это задание. Надеюсь, получится свести опасность к минимуму. От вас мне нужно лишь доставить в этот регион одну из моих письменоводительниц, преодолеть шторм и дать ей разведать местность. Чтобы все

осмотреть и собрать несколько артефактов, у нее уйдет не больше одного дня. После этого вы можете возвращаться. Я прослежу, чтобы вас снабдили всем необходимым перед путешествием и вознаградили после.

Навани протянула контракт с щедрыми условиями оплаты. Рисн не пропустила пункт о традиционных выплатах команде в случае, если будет найдено что-нибудь ценное. Но и без того цифры привели ее в трепет. Если бы она плыла в Акину самостоятельно, пришлось бы сделать множество остановок по пути для покупки и продажи товаров, чтобы выручить средства на содержание корабля и команды. Однако благодаря покровительству Навани можно следовать прямым курсом.

Рисн тосковала по приключениям. Во время обучения она непрестанно жаловалась на то, что бабск таскает ее по всему Рошару. Она думала, ее ждут богатые клиенты и торговля шелками во дворцах, но вместо этого оказывалась то в одном захолустье, то в другом. Они путешествовали по всевозможным труднодоступным местам, которые никто другой не считал бы достойными посещения.

Рисн не уставала удивляться тому, что бабск не вышвырнул ее за борт после первого дня жалоб, не говоря уж о сотнях таких дней. Повзрослев, она обнаружила, что искренне скучает по тем поездкам. Отправиться в новое место? Исследовать торговые возможности мифического острова? И возможно, попутно спасти Чири-Чири? Подобная перспектива будоражила.

Тем не менее оставались некоторые проблемы.

– Светлость, – сказала Рисн, – у меня прекрасная команда, опытная и хорошо обученная. Но вы должны понимать, что моряки бывают суеверны. Мы поплывем к запретному острову вскоре после того, как оттуда вернулся корабль-призрак... Признаться, я целый день ломала голову над тем, как преподнести им эту идею. Она внушает страх.

– Я могу отправить с вами одного-двух Сияющих для поднятия морального духа, – предложила Навани.

– Это поможет, – согласилась Рисн. – Вы не могли бы кое о чем попросить королеву Фэн? Вы сказали, что она одобрит это задание. Личная просьба нашей королевы имеет большой вес для моряков. Тогда они отправятся не в обычный рейс, а в рейс по королевскому предписанию.

Кроме того, это усилит авторитет Рисн на корабле. По идее она в этом не нуждается, но после того, как своеобразно к ней отнеслись в первом плавании... что ж, не помешает, если ее слова подкрепит королевское предписание.

– Этот вопрос я решу. Мы с королевой Фэн давно обсуждали подобную экспедицию, и я уверена, что она охотно напишет вашим морякам. – Навани прищурилась. – А что насчет вас, капитан? Я поручаю вам нелегкое задание. Достаточно ли плата? Могу ли я предложить еще что-нибудь женщине, которая владеет собственным кораблем и держит в качестве питомца мифическое существо?

Рисн посмотрела на Чири-Чири. Той уже надоело играть, и она вместо того, чтобы грызть, тихонько похлопывала сферу лапой. Заметив взгляд Рисн, она взмыла в воздух и полетела к паланкину отдыхать.

Потребности. И взаимосвязи.

– Буду честной, светлость. Чири-Чири... нездорова. Мне кажется, эта экспедиция ей поможет. Поэтому я готова отправиться в плавание только ради нее. Мне не нужно особой платы. Однако, если вы готовы выслушать, я кое о чем попрошу.

– Говорите свободно, – предложила Навани.

Свободно, как летает Чири-Чири... На что похожа такая свобода? Когда ты ничем не скована?

– Правда ли, – начала Рисн, – что вы изобрели платформы, которые могут подниматься высоко в небо?

– Да. С них стреляют наши лучники во время боя.

– Но вы этим не ограничиваетесь? Например, конструкция снаружи, которая считается лифтами?

– Я поделилась планами с королевой Фэн, – сказала Навани. – Не понимаю, что еще вы хотите от меня...

Она осеклась, видимо, заметив, как Рисн отвернулась от Чири-Чири и уставилась на нечто другое – на свое кресло на колесиках.

Кресло давало ей некоторую свободу, но все равно его нужно толкать. Рисн надеялась заполучить кресло с большими колесами, которые она могла бы вращать сама. Удивительная конструкция, но чересчур громоздкая. Кроме того, не так много дорог и полов подходят для человека на колесах. Даже если катить кресло самой, ее способность к передвижению будет сильно ограничена.

А вот если вместо этого парить? Может, не так хорошо, как получается у Чири-Чири, но почти все что угодно лучше, чем кресло на колесах. Кресло означает свободу, но еще все время напоминает, что мир не приспособлен для таких людей, как Рисн.

– Мои ученые работают над опытными образцами, которые могут вас заинтересовать, – сказала Навани. – Поскольку я все равно отправляю в экспедицию письмоводительницу, можно назначить ее из числа тех, кто сведущ в наших новых фабриальных разработках. Она проведет несколько экспериментов на корабле и продемонстрирует вам возможности этой технологии.

– Это подойдет, светлость, – отозвалась Рисн. – Остальные ваши условия очень щедрые. Они приняты. Считайте, что сделка состоялась. «Странствующий парус» в вашем распоряжении.

3

Лопен никогда не думал, что в мире столько разновидностей людей.

О, разумеется, он ожидал, что их много, но не столько же. В Уритиру можно полюбоваться на кого угодно. Как они одеваются, как говорят, как едят. Сегодня он пронесся мимо стинцев, которые перевязывают бороды шнурками, отчего те напоминают длинные колбаски. Мимо женщин ташикки, которые носят цветастые накидки. Мимо торговцев из Нового Натанана, кожа которых отливает синевой, словно в венах прячутся сапфиры.

Все такие разные. Лопен решил, что, само собой, люди должны быть как горы. В том плане, что издали они все одинаковые. Взлети повыше, пронесись над ними на

всей скорости, и некогда присматриваться. Заостренные. Покрытые снегом. Горы. Ясно-понятно.

Подлети поближе, и у каждой найдутся свои неповторимые зубцы и голые пяточки, где проглядывают скалы. На некоторых даже растут цветы, у разломов, из которых выходит теплый воздух. С людьми проблема в том, что все смотрят на другие народы издалека. Видят их как большие, похожие на горы пятна. Чужеземцы. Странные. Ясно-понятно.

Вблизи так на людей не посмотришь. Каждый человек неповторим.

Его спрен Руа выскочил из бокового коридора и от радости заложил петлю. Похоже, нашел решы. Лопен должен был встретить их сегодня. Отлично! Он сплетением увеличил скорость, пронесшись в паре футов над головами прохожих в коридоре. Некоторые испуганно вздрогнули. Само собой, он делал одолжение: им нужно привыкать к ветробегунам над головой. Чего от него ждут? Что он пойдет пешком?

Руа принял один из своих излюбленных обликов – летающий чулл с размашистыми крыльями – и пристроился рядом с Лопеном. На следующем перекрестке он свернул налево. Они вылетели в атриум: у большого открытого пространства не было крыши, только десятки ярусом с балконами и огромное окно.

Лопен наконец разыскал гостей решы. Бури! Как они умудрились забраться так далеко внутрь за столь короткое время?

– Молодец, нако, – похвалил он Руа, потом сплел себя с землей и опустился рядом с гостями.

Лопен зашагал к ним, разведя руки.

– Приветствую! Я Лопен – ветробегун, поэт и ваш покорный слуга. Должно быть, ты король Релу-на!

Его предупредили, что король будет одет в мантию. Это был невысокий мужчина с седеющими волосами, впрочем, спереди его одеяния расходились, обнажая крепкие грудные мышцы. Его сопровождала группа свирепых, вооруженных копьями мужчин в набедренных повязках.

– Я говорю от имени короля, – произнес высокий мужчина на хорошем алету. Волосы у него были заплетены в две длинные косы. – Можешь называть меня Талик.

– Само собой, Талик! – отозвался Лопен. – Любишь летать?

– Не знаю что и сказать, – ответил Талик. – Не ты ли должен...

– Поболтаем позже.

Лопен сграбастал Талика под руку, зарядил его бурсесветом, махнул остальным, и оба взмыли в воздух.

Они неслись вдоль окна, оставляя позади один этаж за другим. Лопен держал крепко. Этот парень Талик – важное лицо, так что не стоит его ронять или еще чего. Талика окружили спрены потрясения в форме бледно-желтых треугольников. Стало быть, наслаждается полетом.

– Слушай, как я понял, ты живешь на гигантском крабе посреди океана? – спросил Лопен, пока они летели. – На по-настоящему большом крабе. Больше города. Один мой кузен, само собой, клялся, что у него жил краб, у которого в роду были чуллы, но вряд ли это возможно, хоть он и доставал мне до колен. Шквальный краб и правда был большим,

но дом у него на спине не построить. Офигеть, вело! Ты заслуживаешь уважения, если живешь на гигантском крабе. Кто вообще живет на крабе? Обычные люди не живут. Только такие, как ты.

Наверху, примерно в тысяче футов над землей, где атриум наконец кончился, Лопен замедлился. Отсюда открывался лучший вид из окна: невероятные горы с заснеженными вершинами. С такого расстояния все они и правда кажутся одинаковыми. Само собой, не стоит забывать, что это не так, и перспектива издали не такая, как вблизи.

Бывает, что вблизи различия раздражают. Но если помнить, что издали все кажется одинаковым... в общем, это тоже важно.

– К чему все это? – спросил Талик. – Пытаешься меня запугать?

– Запугать? – Лопен глянул на Руа, который отрастил шесть рук и бил всеми ими себя по лбу от подобной глупости. – Вело, ты живешь высоко на гигантском крабе. Я решил, ты любишь высоту.

– Я ее не боюсь, – сказал Талик, сложив руки на груди.

– Ага, хорошо. Слушай, вид ведь отличный? Ты такого наверняка никогда не видал. Я слышал о Решийском море – один мой кузен жил на побережье и рассказывал, как там жарко. Снега нет и в помине.

Они висели в воздухе. Талик оглядел Лопена, потом развернулся и выглянул из окна, любуясь красотой гор.

– Весьма... зрелищно.

– Видишь? Я сказал Каладину: «Я слетаю с этими реши наверх», а Каладин ответил: «Не думаю, что это хорошая...», но я не дал ему закончить, потому что он собирался бурчать, так что я сказал: «Нет, ганчо, у меня все под контролем. Им понравится». И тебе понравилось.

– Я... не знаю, что о тебе и думать, – признался Талик.

– Да ладно, вело, все ты знаешь. Я Лопен. – Он указал на себя. Руа показался Талику и махнул на Лопена всеми шестью руками, потом для пущего эффекта отрастил еще две. – Так что думаешь? Стоит поднять сюда твоего короля? Само собой, я тоже был королем, правда всего пару часов. Так что на самом деле не знаю, что любят короли.

– Ты... был королем?

– Пару часов, – подтвердил Лопен. – Длинная история. Но тогда моя рука только-только отросла, так что какое-то время была исключительно королевской. И никогда не королевской. Офигеть, да?

Талик глянул вниз, поболтал ногами.

– Сколько...

– О, ты в безопасности, – заверил Лопен. – Если упадешь, лететь долго. Я успею тебя поймать.

– Не слишком обнадеживает... – Талик глубоко вздохнул и окинул Лопена изучающим взглядом. – При других обстоятельствах я бы решил, что человек, который притащил меня сюда, хочет вывести меня из равновесия перед переговорами. Но ты... ничего такого не имеешь в виду, верно?

– Можем спуститься, если хочешь. Я просто подумал... в смысле, тебе ведь нравится?

– Нравится, – улыбнулся Талик. – Признаюсь, меня подбодрило присутствие гердазийца среди Сияющих рыцарей. Я несколько лет жил среди твоего народа, ветробегун. Ответь мне на один вопрос. По твоему мнению, им правда есть до нас дело? Алети, веденцам, азирцам? Столетиями они не обращали внимания на острова. А теперь, посреди войны, пишут нам? Просят о встрече с нашим королем? Лопен, мы народ гордый, но маленький и незначительный. Мы привлекаем внимание чужаков необычностью и тем, как можно нас использовать ради выгоды. Я учился в Тайлене. Я знаю, как на нас смотрят. И знаю, что в прошлом к вам относились так же. Итак, можешь объяснить, почему величайшие короли Рошара вдруг проявили к нам интерес?

– А, это. Ну да, они думают, что, вероятно, враг начнет перемещать войска по морю, чтобы вторгнуться в Йа-Кевед с востока. Поэтому Далинар и Ясна решили, что не помешает привлечь вас на свою сторону.

– Значит, все дело исключительно в политике.

– Исключительно? – Лопен пожал плечами, а вслед за ним и Руа. – Они пытаются быть хорошими, вело. Но, сам понимаешь, это алети. Завоевывать других парней – по сути часть их культурного наследия. Нужно время, чтобы они научились смотреть на мир по-другому, но они слушают. После того как я объяснил, что мы практически кузены, – Решийские острова ведь недалеко от Гердаза, – они согласились, чтобы с вами поговорил я.

Талик кивнул.

– Я был одним из тех, кто посоветовал написать вам, – продолжил Лопен. – Видишь ли, многие наши народы – гердазийцы, реши, даже в какой-то мере тайленцы – маленькие. Но вторжение охватило весь мир, не только большие страны. А из маленьких народов складываются большие числа, вело. Поэтому я сперва хотел поговорить с тобой, попросить выслушать, что скажут алети.

– Я посоветую королю прислушаться к тебе, Лопен. – Талик протянул руку. – Ценю твою искренность, не ожидал ее встретить в этом городе.

Лопен пожал ему руку.

– Прежде чем спустишь меня, я хотел бы задать тебе еще один, довольно деликатный вопрос. Наш король и мой родитель недавно испытал необычные физические превращения. Он кардинально изменился, и сначала мы подумали, что это дар нашего бога, потому что король родился не таким, как выглядит сейчас. Теперь мы понимаем, что изменения связаны со спреном, которого он видит. Именно поэтому он согласился на столь долгое путешествие.

– Ваш король – Сияющий! – воскликнул Лопен. – Какой разновидности?

– Он будто умеет объять пламенем сам воздух, – ответил Талик. – И видит спрена, который прожигает предметы причудливыми ветвистыми узорами.

– Пыленосец. Мы надеялись обнаружить еще кого-нибудь из них. Слушай, это здорово. Но не рассказывайте об этом нашим пыленосцам, ладно? Все запутано, но мы бы предпочли, чтобы вы шли своим путем, без чужого вмешательства.

– Я не понимаю.

– Я тоже не особо. Пусть ваш король поговорит об этом с Далинаром. Но больше никому не рассказывайте. Политика. Самой дурной разновидности.

– А есть еще какая-то?

Лопен ухмыльнулся.

– Ты мне нравишься, вело.

Он ухватил Талика под руку и спустился с ним на пол, где несколько реши громко ругались с солдатами Далинара, показывая вверх. Их окружали лужицы спренов гнева. Бедняги. Наверно, расстроились, что их не взяли полетать.

Появился Каладин, так что Лопен подтащил к нему Талика и представил:

– Это мой кузен Талик. Само собой, он сын короля. Не обижай его, ганчо.

– Постараюсь, – сухо отозвался Каладин. – Надеюсь, экскурсия Лопена по башне была познавательной.

– Экскурсия?..

Талик глянул на Лопена, который незаметными жестами призывал его к молчанию. Не вина Лопена, что он задержался на обеде и не успел поприветствовать реши по прибытии. Все эта стряпня Струны.

– Да... – продолжил Талик. – Весьма познавательной.

– Великолепно, – сказал Каладин. – Я запланировал для вашего короля встречу с Далинаром и Навани Холин, правителями башни. Хотя, наверно, сначала стоит разобраться с тем, что тут случилось...

Он указал на ругающихся воинов короля реши. Талик бросился их успокаивать, а Каладин остался с Лопеном.

– Где Уйо? – спросил Каладин.

– Он занят. Так что я пошел один.

Каладин наградил его страдальческим взглядом. Уйо и Лопен убедили его в том, что реши лучше отреагируют, если их встретят гердазийцы, и это правда. Так в чем проблема?

– Я рассчитывал, что Уйо немного придержит тебя в узде, Лопен. Ты ведь не натворил глупостей? Ты спросил его, прежде чем полетел с ним наверх?

– Э-э-э...

– Лопен, – тихо произнес Каладин. – Тебе нужно больше думать о том, что ты говоришь и делаешь. Пожалуйста, будь осторожнее.

– Буду, – быстро пообещал Лопен. – Слушай, все вышло как надо, ганчо! Этот Талик хороший парень. Позаботься о нем. Эти реши знают кое-что интересное, тебе понравится, и они тебе об этом расскажут, если будешь хорошо себя вести.

– Что? А почему ты не расскажешь?

– Не могу, ганчо. Они рассказали мне по секрету.

– Лопен, – вздохнул Каладин с этим своим мученическим капитанским выражением. – Тебя отправили как раз на разведку.

– Само собой, я и разведаль. Но не могу выдать их секреты. Гон, они мои кузены.

– Они тебе не кузены.

– Гердаз граничит с Реши. Так что мы кузены.

– Алеткар тоже граничит с Гердазом, – возразил Каладин. – Значит, я такой же твой кузен, как и они.

Лопен похлопал его по плечу и подмигнул.

– Наконец-то до тебя начинает доходить, ганчо. Молодец!

– Ладно, это к делу не относится. Я хочу тебя кое о чем спросить. Королева приказала мне отправить нескольких ветробегунов на задание по...

– О! – перебил Лопен. – Выбери меня. Я хочу.

– Лопен, ты даже не знаешь, что за задание.

– Все равно вызываюсь добровольцем. Наверняка это что-то особенное.

– Мы посылаем еще одну группу в Акину.

– Это где Лейтен упал в океан?

Лин и Сигзил едва сумели спасти парня после того, как что-то выпило его буресвет.

– Туда, – подтвердил Каладин. – На данный момент у нас мало ресурсов, но Навани убеждена, что на острове скрывается нечто важное. Мы посылаем разведывательную группу на корабле. На всякий случай я посоветовал взять ветробегунов, которые умеют плавать. То есть тебя и Уйю.

– Выбери меня!

– Я буквально только что это сделал.

– Знаю. Это я по старой памяти.

– Навани посылает письмоводительницу, – продолжил Каладин, – и тебе стоит прислушиваться к ее советам. Кроме того, я подумал, неплохо отправить Камня. Из Четвертого моста, кроме гердазийцев, еще только он умеет плавать, а в отчете Лейтена упомянуты странные спрены в облаках. Возможно, они связаны с тем существом, что питается буресветом. Если там прячутся еще и спрены пустоты, Камень пригодится.

– Камень не поедет, – сказал Лопен. – На следующей неделе у них с женой годовщина. Мы можем взять Струну. Она тоже видит спренов и хочет больше узнать о мире. К тому же Руа она по душе.

Каладин глянул на спрена чести, который прыгал по земле в виде рубигончей в натуральную величину.

– Лопен. Меня беспокоит это задание. Что-то с ним не так. Я бы поехал сам, но...

Лопен понял. Каладин и так разрывался между линиями фронта в южном Алеткаре и Азире. Еще в его обязанности входили организация патрулей, присматривающих за флотами коалиции с неба, и обучение солдат в башне. Число ветробегунов росло, все больше первых членов Четвертого моста набирали собственных оруженосцев.

Одному человеку непросто со всем этим управляться. Каладин уже давно не мог отправиться с каждым отрядом, чтобы проследить за всем самостоятельно. И его словно разрывало изнутри, когда приходилось передавать ответственность.

– Эй, ганчо. – Лопен положил ладонь на плечо Каладина. – Я позабочусь, чтобы все вернулись обратно. Не волнуйся.

– Позаботься, чтобы ты сам тоже вернулся. Сходи выясни, согласны ли Уйю и Струна. Потом доложись Рушу, ревнительнице, которую вы будете сопровождать. Она расскажет кое-какие секретные подробности, которые я не хочу обсуждать на публике. После этого отправляйтесь через Клятвенные врата в Тайлен, завтра утром вы должны быть в доках. И будьте осторожны.

– Ганчо, я всегда осторожен.

– Неужели?

– Конечно. – Лопен указал на себя. – Что? Думаешь, такое могло выйти случайно?

Он ухмыльнулся, махнул Руа и отправился изводить Уйю тем, что отправляется на специальное задание. Потом, само собой, он скажет, что Уйю тоже едет.

4

Рисн предупреждали никогда не путать тайленские морские традиции с морским уставом. Устав все-таки штука официальная, и потому его намного легче изменить. Она размышляла над этим, пока Никли с помощником заносили ее на борт «Странствующего паруса». Ее корабль. И в то же время не ее.

Это было необыкновенное судно. Хорошо оснащенное, построенное из легкой, но прочной духозаклятой древесины. На нем стояла баллиста с зажигательными снарядами, чтобы воспалять вражеские корабли, а в случае подобной опасности со стороны противника можно было быстро спустить паруса и маневрировать на веслах. Грозное на войне, быстрое в торговых экспедициях. В глубине души Рисн до сих пор не верила, что корабль принадлежит ей.

Но так и есть. Она его владелица, хотя с тайленскими торговыми кораблями в этом плане все непросто. Встим, ее наставник и друг, заказал постройку судна, но деньги вложили и другие люди. Поскольку теперь он министр торговли, то подарил корабль Рисн – точнее, передал во владение, оставаясь основным инвестором.

Значительная часть прибыли пойдет инвесторам, в том числе Встиму или его наследникам, но он вручил ей документ о праве собственности и символический капитанский шнур с ее цветами. Это самое строгое определение права собственности, и никто его не оспорит.

Тем не менее она никогда не прикасалась к штурвалу. Рисн была не настолько наивной, чтобы считать, что у нее получится управлять кораблем, но Встиму, когда они путешествовали вместе, обычно давали возможность недолго постоять за штурвалом в начале плавания. Символический ритуал, но, похоже, он всегда доставлял ему удовольствие.

В своем первом плавании в прошлом месяце Рисн попросила о такой же привилегии. Она не понимала, что бабск заслужил эту привилегию, много лет заботясь о командах своих кораблей. Капитан четко объяснила Рисн разницу и не терпящим возражений тоном запретила спрашивать об этом снова.

Рисн приказывала, куда плыть, но к штурвалу ее не подпускали. Разница, которую она никогда не понимала. А значит, несмотря на то, что говорится в документах, корабль не ее. Она им владела. Распоряжалась. Но он не ее, по крайней мере, по морской традиции.

Традиции. Крепче духозаклятой древесины. Если бы нашелся способ строить из них корабли, они бы не боялись ни волн, ни ветра.

Капитан по имени Дрлвэн была невысокой женщиной с острым носом и необычайно светлыми волосами. До недавнего времени Рисн не осознавала, что женщины-офицеры во флоте других стран воспринимаются странно. В тайленском

флоте женщины-капитаны – обычное дело, хотя большая часть моряков – мужчины, обученные стрелять из баллисты и идти на abordаж. Вдобавок интендантов и штурманов традиционно набирают из женщин.

На «Странствующем парусе» бойцами командовал старпом Кстлед, приходившийся капитану братом. Пока Рисн заносили на шканцы, капитан и старпом церемонно поклонились. Никли с помощником остановились у ее нового места – прикрученного к палубе высокого сиденья с навесом от солнца. В стороне от штурвала, зато с него открывается прекрасный вид на главную палубу и океан.

– Что скажешь? – спросила она Никли.

– Выглядит превосходно, светлость. – Он потер подбородок. – Хотите столик или еще лучше что-нибудь с ровной поверхностью и ящичками, которые можно запирать?

– Хорошая идея.

– Если хотите, принесем из каюты тумбочку. Потребуется лишь немного столярной работы. Мы постараемся не слишком вас беспокоить, пока будем ее устанавливать.

Рисн благодарно кивнула и попросила перенести ее на новое место из передвижного кресла, которое можно было пристегнуть поблизости. Сиденье оказалось снабжено ремнем, что вовсе не лишне в качку. По ее просьбе к нему также прикрепили ремни для ног, чтобы те не болтались, когда море неспокойно, хотя в целом она ремнями пользоваться не собиралась.

Никли убрал кресло на колесиках, а Рисн пристегнулась. Когда подошла капитан, здоровяк носильщик ничего не сказал, но смерил ее взглядом. Ему явно не нравилось, как обращаются с Рисн на борту, хотя он ничего не говорил по этому поводу.

– Ребск. – Капитан Дрлвэн использовала официальный титул Рисн, который означал «хозяин корабля» или «владелец». – Я официально приветствую вас на борту.

– Спасибо, – отозвалась Рисн.

– Я бы посоветовала вам остаться на берегу. Вы не нужны в этой экспедиции.

Рисн сразу ощутила вспышку раздражения.

– Почему вы так решили, капитан?

– Ваша работа – вести торговые переговоры. Этим заниматься не придется. У нас разведывательное задание. Возможно, опасное, и потому разумнее, если вы останетесь на берегу, в целостности и сохранности. Мы будем поддерживать с вами связь по даль-перу.

– Ваша забота о моем благополучии весьма похвальна. – Рисн прилагала усилия, чтобы голос звучал ровно. – Но это задание поручено мне, и я лично прослежу за его выполнением от начала до конца.

– Что ж, – произнесла капитан и вернулась на свое место. Согласно традиции ей не обязательно ждать, пока Рисн ее отпустит. Она никогда и не ждала.

Подошел Никли с дремлющей Чири-Чири.

– Не думаю, что капитана хоть немного заботит ваша безопасность, светлость, – негромко сказал он. – Вы просто ей не нравитесь.

– Согласна.

Рассеянно почесывая шею Чири-Чири, Рисн наблюдала, как капитан болтает со старпомом.

– Думаете, это из-за того... какая вы?

– Возможно. Но обычно с такими, как я, держатся неловко или снисходительно, а не с открытой враждебностью. Мои отношения с другими людьми не всегда объясняются моим состоянием.

Почему же многие члены команды словно обижены на нее? Рисн сомневалась, что выдержит еще одно путешествие, постоянно чувствуя на себе их взгляды.

– Не хотел говорить, – добавил Никли, – но, возможно, лучше отложить плавание и поискать другую команду. Как раз и столик вам установим.

Рисн покачала головой.

– Мне нужно научиться работать с этой командой. Мой бабск набрал ее из самых доверенных и опытных моряков. Кроме того, они ходили на этом корабле – проводили пробные заплывы еще до того, как его официально спустили на воду.

Кивнув, Никли отошел к трапу в ожидании приказаний. Рисн продолжала почесывать Чири-Чири, погрузившись в размышления. Прибыл отряд королевы Навани: два ветробегуна, письмоводительница-ревнительница и рогоедка лет двадцати – Рисн решила, что это служанка. Моряки осыпали их приветствиями и даже радостными криками.

– Странная реакция, – пробормотала Рисн. Она велела установить сиденье повыше, но борт в средней части корабля все равно частично закрывал обзор. Как ни печально, обычное дело. – Не ожидала радостных криков.

– Всегда не лишне иметь под рукой одного-двух ветробегунов, ребск, – заметил проходящий мимо старпом. – Никогда не откажусь от таких пассажиров.

Война показала, насколько уязвимы корабли перед летающими врагами. Крупные камни, сброшенные с большой высоты, потопят даже самые крепкие корабли. Но такая реакция, такой восторг со стороны команды... не скрывают ли они чего? Рисн учили следить за перевозбуждением во время торгов. Порой купец пытается продать товар или идею чересчур усердно. Поведение моряков напоминало именно это.

– Капитан? Что случилось? Почему моряки так взвинчены?

– Ничего особенного, ребск, – ответила Дрлвэн.

Рисн прищурилась. Поначалу она не сочла это примечательным – мало ли, может, капитан любит броскость, – но сегодня Дрлвэн облачилась в парадную форму. Белоснежный мундир с блестящими медалями, устрашающего вида треуголка, из-под которой свисают завитые брови. Капитан ушла в отставку с военной службы, но военный и торговый флот на самом деле две стороны одной карты, звания и награды у них одинаковые.

Сегодня эта форма – демонстрация силы. Символ.

– Все равно скажите.

Дрлвэн вздохнула.

– Сегодня утром корабельную питомицу нашли мертвой.

Корабельной питомицей была небоугорь, отличная охотница на крыс. По прошлому плаванию Рисн знала, что ее любит большая часть команды.

– Плохая примета, – пробормотал сзади Кстлед.

Дрлвэн одарила его сердитым взглядом. Современные тайленцы не настолько суеверны, как их предки, по крайней мере, так считается. Теперь они добрые воринцы. И приход пустиносцев, чьи обычаи и верования до неприличия походили на тайленские Стремления и церемонии, вовсе не сыграл на руку старым религиям. Рисн и сама отошла от подобного мировоззрения, стараясь следить за своими убеждениями.

Строго говоря, тайленцы не обращают внимания на приметы. Можно сказать, что такие вещи официально считаются чепухой. Но традиция есть традиция, и когда уходишь в море, спрены логики остаются на берегу.

– А ветробегун на борту – это добрая примета? – спросила Рисн.

Кстлед кивнул. Его гладкие брови были заправлены за уши.

– Можно сказать, что это замена мертвому небоугрю. Контрпримета к утренней примете.

– Все это ерунда, – заметила капитан. – Я сто раз говорила команде, что не потерплю подобных разговоров.

– Да, это разумно, – согласилась Рисн. – Скажите, вы известили команду о пункте нашего назначения?

– Да.

– Кто-нибудь выразил беспокойство?

Капитан фыркнула.

– Перед собранием им приказали не задавать вопросов и не роптать. Сама королева Фэн прислала указ в поддержку экспедиции. Так что мы полны решимости.

– Понятно, – произнесла Рисн. – Доведите до сведения команды мое решение. Скажите, что, если у кого-то есть дурные предчувствия относительно пункта назначения, они могут остаться на берегу и присоединиться к нам после возвращения. Их не накажут.

Дрлвэн сжала губы в тонкую линию. Ей не нравилось, когда Рисн отдавала распоряжения команде, хотя владелица корабля имеет на это полное право.

– Хорошо, ребск. – Дрлвэн кивнула брату.

Он поклонился Рисн и убежал передать ее слова.

– Возможно, придется задержать отплытие, – заметила капитан.

– Значит, так тому и быть, – сказала Рисн. – Я понимаю, что команда до сих пор сомневается во мне, учитывая мой недостаток опыта.

– Встим выбрал вас и передал вам этот корабль в знак своего расположения. Ни один моряк и слова поперек не скажет.

«Но это вовсе не противоречит моему замечанию, ведь так, капитан?»

В этот миг Рисн пришла в голову одна мысль. Она судила обо всем случившемся – Встим передает ей корабль, ее повышают до ребска – со своей точки зрения. Однако ее учили смотреть на мир иначе. Чего хочет капитан? Почему она недовольна?

«Ты нашла ответ мгновение назад, – сказала она себе. – Этот корабль был укомплектован задолго до того, как его передали тебе. Эта команда ходила на нем несколько месяцев. Значит...»

– Капитан, вы знали, что Встим собирается в отставку?

– Он говорил мне об этом. И остальным, кто ему служит.

– Тем не менее он набрал команду на новый корабль. Дорогой корабль, жемчужину его флота. Лучший из тех, что знало море. Он велел вам подготовить команду, набраться опыта с кораблем.

– И?

– Вы решили, что он передаст его вам? – Рисн смягчила тон. – Вы не знали, что он собирается передать его мне.

Капитан напряглась.

– Ни один моряк не осмелится предположить, что такой человек, как Встим, просто передаст ему корабль.

– Но он ведь упоминал, что переходит на роль инвестора? Встим знал, что королева предложит ему назначение, а значит, он больше не сможет плавать в экспедиции. Поэтому он подготовил вас заранее. Он всегда внимателен к тем, кого нанимает.

Капитан, избегая встречаться с Рисн взглядом, изобразила едва заметный кивок.

Бури, вот оно. Вот почему. Должно быть, внезапное повышение Рисн и ее прибытие на корабль в качестве новой владелицы застало всю команду врасплох. Встим не подготовил их к этому, поскольку сомневался, примет ли она назначение.

Весь день Рисн размышляла о том, что корабль на самом деле не ее. А Дрлвэн, наверно, думала о том же все прошлое плавание.

– Это все, что вы от меня хотели, ребск? – осведомилась капитан.

– Да. Спасибо.

Капитан отошла посмотреть, как ее брат собирает команду, чтобы передать распоряжения Рисн. Никли, всегда готовый услужить, принес чашу некрепкого оранжевого вина.

– Слышал? – спросила Рисн.

– Что они избалованные дети? И злятся на то, что кто-то посмел принять назначение через их голову?

– Это очень поверхностное заключение, Никли. – Рисн отпила вина.

– Прошу прощения, светлость. Просто стараюсь вас поддержать.

– Ты можешь поддержать меня, не принижая других. Подумай, каково им. Ты новичок у меня на службе, поэтому, наверно, не знаешь, какая у меня репутация.

– Я слышал, что вы были непростой ученицей.

– Непростой? – улыбнулась Рисн. – Я была избалованным ребенком, Никли. Я жаловалась в каждой экспедиции, хотя мой наставник – один из самых знаменитых торговцев в стране – прекрасно со мной обращался. Моряки, служившие Встиму, сами видели, что я из себя представляла. А если кто и не видел, то наверняка слышал.

– В юности все ведут себя заносчиво.

– Верно. Но ты бы все равно не обрадовался, если бы корабль, который ты считал своим, отдали заносчивой девчонке.

Она снова почесала шею Чири-Чири, и та тихонько и довольно застрекотала в ответ.

– Так что же нам делать? – спросил Никли.

– Я делаю то же, что и Встим. Всю жизнь стараюсь заслужить доверие окружающих. Капитан, скорее всего, думает, что из нее получится неплохой торгмастер, но она обнаружит, что вести переговоры гораздо сложнее, чем кажется. У Встима есть причины доверять мне. Просто нужно делом доказать, что я достойна его доверия.

– Не знаю, светлость. – Никли глянул на собравшуюся команду и громко говорившего с ними старпома. – Мне кажется, вы слишком хорошо о них думаете. Я помню, как эти моряки отнеслись ко мне в предыдущем плавании. Они меня не любят. У меня странные татуировки, я чужестранец. Я пробовал разговаривать с ними, но...

– Команда корабля – это семья, – объяснила Рисн. – Они бывают враждебны к чужакам. Я тоже это чувствую. Но если ты и правда хочешь стать своим, спроси у Фленда – сегодня он дежурит в угревом гнезде, – не видал ли он спрена моряков.

– И что изменится? – нахмурился Никли.

– Это наведет его на мысль о ритуале, которому часто подвергают новых матросов. Они любят разыгрывать новичков этим старым способом.

– Ритуал, – повторил Никли. – Светлость... что за безвкусица. Мы не должны поощрять подобное поведение.

– Возможно. Поначалу я считала, что это жестоко. А потом узнала о старых ритуалах. Они были частенько унижительными, иногда опасными. Поговорив с бабском, я начала кое-что понимать. Порой ты заключаешь нежеланные сделки, потому что альтернатива еще хуже. В идеальном мире нет ритуалов для новичков. Но я читала, что попытки искоренить эту практику в армии привели к еще большим проблемам. Из-за запрета подобных ритуалов матросы боялись, что их поймают на горячем, но это не мешало им действовать тайком, без предупреждения, отчего ритуалы стали еще опаснее. Поэтому оставили несколько наиболее безобидных, на которые офицеры закрывают глаза.

– Компромисс с моралью, – заметил Никли.

– Неидеальное решение для неидеального мира. Разумеется, я тебя не заставляю. Но если ты хочешь подружиться с остальными, последуй моему совету. Подыграй их затее, и я возьму тебе все, что они из тебя вытянут, – это будет не так много. Они знают меру.

Никли отошел, задумавшись. На шканцы наконец вернулся Кстлед. Пока он докладывал Рисн, к нему присоединилась капитан.

– Только трое приняли предложение, ребск, – сказал Кстлед. – И я думаю, мы обойдемся без них. Личный состав увеличен на случай нападения, и двое Сияющих с лихвой компенсируют потерю трех мечей. Хотя среди тех, кто решил остаться, Нлан, наш кок.

– Это проблема, – заметила Дрлвэн.

– И я так же подумал, – согласился Кстлед. – Но Сияющие говорят, что одна из их спутниц – превосходная повариха. Так что можно воспользоваться ее услугами.

– Думаю, это то, что нужно, – заключила Рисн. – Капитан?

– Команда готова, ребск. Ждем вашего слова.

– Тогда отплываем.

Даже при попутных ветрах путешествие от Тайлены до Аймиа длится недели. К счастью, Рисн было чем заняться: нужно подготовить будущие сделки, ответить парализованным людям со всего мира. Она искренне надеялась, что однажды встретится со всеми друзьями по переписке лично.

От великих бурь и Бури бурь корабль укрывался в бухтах, и Рисн удавалось ненадолго сходить на берег, чтобы отправить послания по даль-перу. «Странствующий парус» выстроили так, чтобы он не боялся непогоды, однако без чрезвычайной необходимости плыть в бурю не стоило.

Бежали дни, Рисн старалась больше узнать о людях на корабле, хотя общение с командой складывалось непросто. В их неприязни она теперь видела проявление сочувствия к капитану, которой, по их мнению, должен был достаться корабль. Но и без этого разговаривать с ними оказалось нелегко. Она их ребск, ее положение еще выше, чем у старшего по званию. Когда она пробовала завязать беседу, ей отвечали уклончиво или замолкали.

Такой проблемы не наблюдалось только у Лопена.

Он был занятным. Рисн представляла Сияющих, даже видела издали, но мало кого знала лично. Больше всего она общалась с тихим, мрачным мужчиной, к которому обратилась с просьбой исцелить ноги. Он объяснил, что не умеет лечить раны, которым больше нескольких месяцев. Он показался ей неприветливым, хотя явно проявил сострадание.

Рисн наблюдала, как ветробегуны парят над головой, и воображала их великими воинами. Люди-легенды, которые прославились благодаря смелым свершениям в битве, героическим деяниям. Больше чем жизнь. Словно высеченные из камня, вылепленные подобно статуям в храмах Вестников в Тайлене.

– Понимаешь, – произнес Лопен, гарцуя вокруг ее кресла на карачках, – чтобы правильно ползать, нужны две руки. Само собой, когда у меня была одна рука, я изобрел собственный способ. Но он больше напоминает ерзанье. Видишь?

Он заложил одну руку за спину и пополз только с помощью второй.

– По-моему... очень похоже на ползание, Сияющий Лопен, – сказала Рисн.

– И все же отличается, – не согласился тот. – Говорю тебе, я скучал по этому.

– По ползанию?

– Само собой. Лежу в постели и думаю: «Лопен, ты был великим ползуном. Эти увальни понятия не имеют, как им повезло, если можно ползать, когда пожелаешь».

– Не могу представить, что если вдруг верну себе ноги, то захочу заниматься такими глупостями, как ползать взад-вперед.

Лопен шлепнулся на палубу у ее кресла, перекатился на спину и поднял голову.

– Ну да, возможно. Но ведь здорово, когда сметишь людей тем, что делаешь, а не тем, чем не можешь управлять. Согласна?

– Я... Да, согласна.

Корабль подпрыгнул на волне. Море сегодня беспокойное, хотя бури не ожидается. На белых барашках в мерцающей синеве танцевали спрены волн. Рисн

сидела на своем обычном месте на шканцах, надежно пристегнутая в уголке под навесом. Никли не бросал слов на ветер, и теперь справа от нее возвышалась привинченная к палубе тумбочка с запирающимся ящичком, где хранились книги и письменные принадлежности.

Капитан косилась на нее каждый раз, проходя мимо, и Рисн чувствовала, что у той на уме. Кто так непрактично выбирает место? До Рисн, когда она там сидит, долетают ветер и редкие морские брызги. Почему не остаться в каюте, как посоветовала Дрлвэн?

Люди с невозмутимым видом говорили подобные вещи, не замечая лицемерия, в то время как в них самих летели ветер и морские брызги. Рисн хотела находиться наверху, где ее видно, где можно наблюдать за горизонтом. Ей хотелось слушать звуки моря: брызги, грохот волн и крики моряков за работой.

Неподалеку стояла на коленях перед коробкой и возилась с фабриями письмоводительница королевы Навани – стройная ревнительница по имени Рушу. Путешествие продолжалось уже несколько недель, однако Рисн так и не дождалась обещанной демонстрации, хотя надеялась, что она состоится сегодня.

– Так что... – произнес Лопен на алету, по-прежнему лежа на спине у ее кресла и пялясь в облака, – знаешь какие-нибудь хорошие тайленские шутки про безногих?

– Ничего заслуживающего внимания.

– С шутками про одноногих полегче. Как назвать одноногого тайленца? Костыль? Не, совсем не похоже на настоящее имя. Хм-м...

– Лопен, – сказала Рушу, не отрываясь от работы, – не стоит мучить светлость Рисн своей болтовней.

Лопен рассеянно кивнул. Потом его глаза расширились.

– О! Почему безногий тайленец несчастлив? Потому что его обули на три броума. Ха! Эй, Уйо, послушай-ка.

Рисн не сдержала улыбки, а Лопен отправился пересказывать шутку на гердазийском своему кузену – коренастому лысому парню с широким круглым лицом и крепкими руками. Исходя из своего ограниченного запаса гердазийского, Рисн решила, что ему придется объяснять смысл шутки, а значит, полностью ее испортить. Однако Лопен говорил с таким энтузиазмом, так настойчиво хотел, чтобы его заметили, что она расслабилась. Даже воодушевилась.

Кузен Лопена, напротив, был тихим. Любопытно, что Сияющий Уйо провел большую часть путешествия, помогая с разными судовыми обязанностями. Он умел вязать узлы и управляться со снастями, будто родился на корабле. Сегодня он просто весело покивал на шутку Лопена и продолжил распутывать веревку. Подобные задания обычно поручали проспавшим допоздна матросам, но вот перед вами Сияющий рыцарь, который сам взялся за работу.

– Лопен, – повторила Рушу, – это неподобающе.

– Все в порядке, ревнительница Рушу, – сказала Рисн.

– Вам не стоит это выслушивать, светлость, – не согласилась та. – Недостойно насмехаться над вашим недугом.

– Недостойно – это как к нам относятся некоторые, – заметил Лопен. – Рисн, тебя когда-нибудь спрашивают, как все случилось? И потом сердятся, если отказываешься обсуждать?

– Все время. Очи Эш, одни меня тыркают, словно я загадка и существую лишь для их развлечения. Другие при виде меня смолкают, им становится неловко.

– Ага. Я ненавижу, когда парни вели себя так, будто я в любой момент могу сломаться.

– Как хрупкая ваза, которая свалится с полки, если ее тронуть. Меня они не видят, только кресло.

– От их поведения так неуютно, – продолжил Лопен. – Они отводят глаза, стараются не упоминать об увечье, но над разговором словно висит шквальный спрен. Однако с хорошей шуткой...

– А почему светлость Рисн должна шутить над собой ради того, чтобы кто-то не испытывал неловкости от собственных комплексов? – спросила Рушу.

– Ага, верно, – согласился Лопен. – Не должна.

Рушу коротко кивнула, словно выиграла спор. Однако Рисн поняла тон Лопена. Она не должна так поступать, но жизнь несправедлива, и ситуацией управляешь как можешь. Странно, сколько мудрости в человеке, которого она сперва посчитала глупым. Рисн глянула, как Лопен развалился на палубе, и тот в знак солидарности вскинул кулак.

– Сияющий Лопен, – сказала Рисн, – ...как назвать тайленца, который не может ходить?

– Не знаю, ганча.

– Доходягой. Да как ни назови, он тебя все равно не догонит.

Лопен широко ухмыльнулся.

– Разумеется, – добавила Рисн, – я ничего подобного не поддерживаю.

Лопен едва не лопнул от смеха. Он снова позвал кузена и перевел шутки. На этот раз Уйо усмехнулся.

Рушу фыркнула, но передвинулась ближе к Рисн с коробкой самосветов и проволочных клеток.

– Итак, светлость, я вполне готова к демонстрации.

– Я же тебя знаю, селла, – подал голос Лопен. – Ты была готова и вчера, и позавчера, и за день до этого. Что случилось? Отвлеклась на размышления, как дышат рыбы?

– Мы знаем, как дышат рыбы, Лопен. – Рушу разложила снаряжение на столе Рисн. И залилась краской. – Я... отвлеклась на новый отчет о любопытном взаимодействии спренов огня и спренов логики. Сделаны невероятно интересные открытия. Прошу прощения, светлость. Иногда я теряю счет дням. Но теперь я готова.

Она вручила Рисн серебристый обруч с прикрепленной сверху половинкой сияющего рубина.

– Вытяните его перед собой, руку прямо. Вот так, отлично.

Рушу отступила и взяла похожий обруч.

– Теперь поверните оправу самосвета, чтобы они сопряглись.

Рисн так и сделала. Рушу отпустила обруч, и тот остался висеть в воздухе. Обруч в руке Рисн немного потяжелел.

– Вы наверняка знаете о подобном применении рубинов. – Рушу шагнула под навес. – Так изготавливают даль-перья. Две половинки рубина, в которых сидят две половинки одного и того же спрена, можно заставить двигаться одновременно. Однако мало кто догадывается, что самосветы можно сопрягать так, что они двигаются в противоположном направлении. Традиционно мы использовали для этого аметисты, но рубины тоже подходят – а у нас их избыток благодаря фермам на Расколотых равнинах. Теперь подвигайте обручем по кругу, но осторожно, поскольку сопряженный обруч может двигаться не так, как вы ожидаете.

И правда, когда Рисн опустила свой обруч, второй переместился вверх. Повела обруч влево – второй двинулся вправо. Похоже, идеальная транспозиция.

– Об этом известно довольно давно, – объяснила Рушу. – В последних изобретениях мы больше занимаемся различным применением знаний, чем инновациями. Ушли месяцы на создание оправы для фабриалей, которая не создает нагрузку на самосветы сверх меры, и мы наконец приступили к разработке решеток, которые позволяют работать с большим количеством самосветов. Так мы создаем летающие платформы. В каждой есть решетка из рубинов, сопряженная с другой решеткой, которая установлена в подходящем месте, например, на плато с крутым обрывом. Можно опустить решетку в обрыв и тем самым поднять платформу на далеком поле боя вместе с разведчиками или лучниками.

– Но даль-перья не действуют на кораблях в море. – Рисн повернула обруч по кругу, наблюдая, как реагирует сопряженный. – Почему работает этот?

– Проблема с даль-перьями в том, что корабль всегда покачивается и перемещается, – объяснила Рушу. – Если держишь даль-перо в руке и пишешь, тебе кажется, что ты в неподвижности, но корабль не стоит на месте, и сопряженное перо трясется и скачет вверх-вниз. Колебательных движений слишком много, чтобы использовать даль-перья. Однако сейчас оба обруча на одном корабле. Они передвигаются и покачиваются вместе.

– Но когда корабль опускается, – Рисн указала на второй обруч, – разве он не должен подниматься?

– Теоретически да. Но этого не происходит. На него влияют только ваши движения. Мы считаем, это связано с системой отсчета человека, который перемещает обруч. Надо отметить, что спрены довольно любопытно воспринимают нас и наши движения. Вы видите эти обручи в одной системе отсчета, поэтому они действуют вместе. По этой же причине на даль-перья не влияют вращение и изгиб планеты. Доказано, что человеку с даль-пером на корабле невозможно увидеть себя в той же системе отсчета, что и его собеседнику. Возможно, есть способ научиться, но его пока никто не открыл. На это влияют даже размеры корабля. Например, если провести подобный эксперимент в шляпке, результаты другие.

Рисн не видела во всем этом большого смысла. Однако очевидно, что движение корабля не влияет на обручи. Оба они перемещаются вместе с кораблем в отличие от

случая, когда один остается на месте, а другой уплывает за сотни футов в противоположном направлении.

Фабриали. Они всегда очаровывали ее бабска. Возможно, Рисн стоит поучиться такому же отношению.

– И как это поможет? – спросил Лопен, усевшись у ее кресла. – О! Привяжем их к ногам, другой человек будет расхаживать вокруг, и она якобы тоже!

– Ну, – произнесла Рушу, – вообще мы думали поднять сиденье в воздух.

– Да, это логичнее, – согласился Лопен, но вид у него был все равно разочарованный.

Рисн покачала головой.

– Понятно, почему светлость Навани не спешила с обещаниями. Даже если мы поднимем кресло со мной в воздух, толку будет немного, верно? Его нужно сопрячь с решеткой с самосветами, и если я захочу передвинуться вперед, кто-то должен передвинуть эту решетку. Так что мне все равно понадобятся носильщики.

– К сожалению, вы правы, светлость.

Рисн попыталась скрыть разочарование. В мире появляется все больше чудес: мужчины и женщины взмывают в воздух, корабли строятся с молниеотводами прямо в мачтах. Иногда складывалось впечатление, что все развивается с сумасшедшей скоростью.

И в то же время ничто из этого не может ей помочь. Удивительное исцеление... но только если рана свежая. Потрясающие фабриали... но только пока хватает людей управляться с ними. Рисн позволила себе помечтать о парящем кресле, которым могла бы управлять самостоятельно, чтобы ее не таскали взад-вперед, как рулон парусины.

«Осторожнее, – подумала она. – Не свались обратно в летаргию и апатию». Ее жизнь улучшилась. Она научилась приспособливать окружающую обстановку под свои нужды. Каждое утро она сама одевается и с помощью крючков проделывает это с легкостью. К тому же у нее есть собственный корабль! Вернее, она им владеет. В любом случае это лучше, чем сидеть в унылом кабинете и корпеть над отчетами.

– Спасибо за демонстрацию, ревнительница Рушу, – сказала Рисн. – Технология замечательная, хотя не слишком для меня полезная.

– Светлость Навани составила список испытаний, которые я должна провести. Она поразмыслила, как можно помочь в вашей конкретной ситуации. Возможно, вам захочется взглянуть на мир с высоты угревого гнезда? Мы можем поднять вас наверх. Или смастерить маленький подъемник, чтобы поднимать и опускать вас на шканцы. Это легко устроить с помощью противовесов и рычага, который будет время от времени взводить моряки.

Бледная тень ее мечтаний, но Рисн все равно выдавила улыбку.

– Спасибо. Я с радостью поучаствую в экспериментах.

Рушу деактивировала обручи и вернула их обратно в коробку вместе с другим снаряжением, в том числе несколькими серебристыми металлическими листами разной толщины.

– Алюминий, – пояснила она, когда Рисн заглянула внутрь. – Он блокирует общение по даль-перу, мы узнали об этом совсем недавно. Навани хочет, чтобы я

поэкспериментировала с толщиной слоя и выяснила, в какой степени он влияет на то, как сопряженные рубины реагируют на естественные движения корабля. У меня даже есть немного фольги, чтобы... О, я, наверно, увлеклась техническими подробностями? Прошу прощения, со мной бывает.

Она глянула на Рисн, потом на Лопена. Тот сидел и потирал подбородок.

– Погоди, – сказал он. – Вернись-ка назад. Объясни мне кое-что.

– Лопен, – начала Рушу, – я думаю, что вряд ли смогу...

– Как дышат рыбы?

Рисн улыбнулась на раздражение Рушу. Рушу подумала, что это шутка, но Лопен, похоже, искренне заинтересовался, так как настоял на объяснении.

Рисн отвлеклась, когда Кстлед стремительно взбежал на шканцы и прошептал что-то капитану, которая болтала с дежурным рулевым. Рисн сосредоточила на них внимание – на взволнованном лице Кстледа, на том, как капитан тут же нахмурилась.

Не забудут ли поставить ее в известность, что бы там ни случилось? Капитан отдала приказ и начала спускаться по трапу. На полпути она глянула на Рисн и поняла, что та смотрит прямо на нее.

Раздраженная капитан вернулась.

– В чем дело? – с тревогой спросила Рисн. – Что случилось?

– Темное духозаклинание. И плохие приметы. Наверно, вам стоит взглянуть лично, ребск.

6

Струна, девушка-рогоядка, запустила руку в бочку с лависом: сквозь пальцы потекли крупные зерна. Показались черви: такого же цвета, что и зерно, на поверхности они извивались и раскручивались, а потом снова зарывались в лавис.

– Все бочки? – спросила Рисн.

– Все до единой, – подтвердил Кстлед и кивнул морякам открыть еще две.

– Я пошла достать припасы, – сказала рогоядка на алету с сильным акцентом. – И выяснила. Они... все в этих штуках.

Рисн обеспокоенно наблюдала, как моряки убеждаются в наличии червей в каждой бочке. Она давно собиралась поболтать со Струной, но та проводила все время на камбузе, помогая кормить команду. Рисн только укрепилась в своем изначальном предположении насчет того, что она служанка. Но Сияющие не относились к Струне как к служанке. Так кто же она и почему оказалась на борту?

– Зерно прокляли, – пробормотал Кстлед. – Темное духозаклинание, его принесли злые Стремления во время бури.

– Или, – сказала Рисн, пытаясь сохранять спокойствие, – мы просто купили партию со спящими личинками.

– Мы тщательно проверили, – возразил Кстлед. – Мы всегда проверяем. И посмотрите, первая бочка осталась от начальных припасов, которые мы взяли в Тайлене. Эта – из недавнего пополнения, а эту мы купили всего пару дней назад. Теперь во всех черви.

Рисн заметила, как двое матросов кивнули, забормотав о темном духозаклинании. Проблема не в червивом зерне – в дальних рейсах частенько приходится есть такое. Но вот то, что черви неожиданно появились после недавнего пополнения припасов и заразили все бочки? Это посчитают за приметку.

Все эти тайленские суеверия уходили корнями в прошлое. Считалось, что Стремления изменили мир.

– Самопроизвольное зарождение жизни опровергали множество раз, старпом, – сказала Рисн Кстледу. – Это не из-за того, что на борт проник темный духозаклинатель.

– Может, это из-за места нашего назначения, – отозвался Кстлед. – Парни видят ужасные сны, полные предостережений, и их жуткое Стремление проявляется в приметах.

Остальные моряки снова кивнули. Бури, после этого, а еще после смерти корабельной питомицы за день до отплытия... что ж, сама Рисн почти поверила.

Нужно быстро поменять их настроение.

– Кстлед, кто из команды знает?

– Все, ребск, – ответил тот, глянув на рогоедку.

– Мои сожаления, – сказала Струна. – Я не знала, что эта штука была... она была плохой... Я спросила остальных...

– Знают – значит, знают. – Рисн повернулась к Никли. – В мою каюту, быстро.

Татуированный носильщик и его помощник быстро перенесли ее на верхнюю палубу. Да... Рисн легко представила, как удобно было бы с маленьким подъемником, работающим с помощью фабриала.

У каюты ее поджидал Лопен.

– Что-то не так, ганча?

– Испорченные припасы, – пояснила Рисн. Никли держал ее кресло, пока помощник открывал дверь. – Этот вопрос нужно решить сейчас же.

– Могу слетать к одному из наших наблюдательных пунктов. – Лопен последовал за ней в каюту. – Сплету зерно с воздухом и доставлю на борт.

– Хорошее предложение, – сказала Рисн, пока Никли устраивал ее за столом. Она тут же принялась рыться в тетрадах на дне ящика. Чири-Чири вяло выглянула из своей коробки и беспокойно застрекотала. – Однако мне кажется, нам нужно другое решение.

Она вытащила нужную тетрадь и кивком отпустила Никли. Тот поклонился и встал с помощником у входа снаружи. Лопен задержался, подождав, пока щелкнет дверь. Рисн посмотрела на него. Он все время вел себя так расслабленно, его легко недооценить.

– Дело не только в том, что мало еды, ганча, – догадался Лопен.

– Какое пронизательное наблюдение. – Рисн листала тетрадь. – В море одна из самых серьезных опасностей – потерять связь с командой.

– Как с той командой на корабле-призраке, которая потеряла связь со всеми...

– Я не имела в виду ничего столь трагического. Но если команда начнет думать, что я веду их на самоубийственное задание, ситуация резко ухудшится.

Парадокс морской жизни. Иногда хорошие, отлично обученные команды поднимают бунт. Об этом рассказывал бабск, и она прочитала кучу историй. Когда моряки проводят столько времени в океане, в изоляции, их эмоции подпитываются друг

другом. То, что абсурдно в более светлые дни, начинает казаться разумным. Эмоции могут зажечь собственной жизнью, как спрены, и хорошие команды вдруг становятся взбалмошными.

Лучшая защита в таких случаях – дисциплина и срочные меры. Рисн искала в тетради заметки об одной экспедиции, в которой побывала вместе со Встимом несколько лет назад. Тогда она была настоящей паршивкой, но по крайней мере паршивкой, которая записывала, как все ее раздражает.

«Вот», – подумала она, отыскав заметки. Экспедиция в глушь Хекси. Встим за сущие гроши купил червивое зерно в Триаксе, и Рисн решила, что он двинулся умом. Ну кто покупает зерно с червями?

Однако в этом поступке Встима, как и в любом другом, заключался недвусмысленный урок. Как он время от времени вдавливался в нее, смысл торговли не только в том, чтобы покупать и продавать товары. Смысл в том, чтобы найти неудовлетворенную потребность. Это своего рода духозаклинание: берешь всякий хлам и превращаешь его в ярчайшие самосветы. Он заставил сделать список мест...

– Приведи ко мне капитана, – рассеянно сказала Рисн, разворачивая одну из карт.

Только когда Лопен ушел, она осознала, что отдала приказ Сияющему рыцарю. Не оскорбится ли? Но когда Лопен вернулся с Дрлвэн, он не выглядел ни капельки оскорбленным, просто любопытным – заглянул через ее плечо на карту.

– Ребск? – позвала капитан.

– Нам нужно сделать небольшой крюк. – Рисн указала на карту.

Рисн позаботилась о том, чтобы вся команда собралась на палубе, когда она пригласила на борт кочевников хекси. Это был тихий, не интересующийся мировой политикой народ. Они заплетали волосы в косы и слегка пахли животными, которых считали священными. Их жрецы не ели мясо, поскольку дали соответствующую клятву, но личинки и насекомые у них считались растениями, а не животными.

Это было одно из шести племен в списке, которым можно продать червивое зерно. Чтобы начать торговлю, Рисн зачитала фразы, которые заставил записать Встим. Кочевники перебрали бочки и удостоверились в качестве: почти не съеденное червями зерно, а сами черви толстые и мясистые.

Стараясь не злоупотреблять доверием кочевников, Рисн торговалась быстро, но твердо. В итоге зерно обменяли на большой запас вяленого мяса, которое кочевники заготавливали после смерти своих животных и хранили специально для подобных сделок. За одеяла с надписью «Для удостоенных чести», переданные Рисн в подарок из-за почтительных фраз, которые она произнесла вначале, тоже можно будет выручить неплохие деньги. Кочевники покинули корабль с бочками зерна, попрощавшись песней.

– Они и правда купили червивое зерно. – Капитан почесала в затылке. – Признаюсь, ребск, я до последнего вам не верила.

– Как я понимаю, Встим вас сюда ни разу не приводил, – сказала Рисн.

– А! Это и правда пахнет его махинациями. Интересно, почему никто особо не в курсе. Казалось бы, торговцы должны расталкивать друг друга локтями, чтобы с прибылью сбыть старое зерно.

– Казалось бы. Но от Встима я узнала другое. К племенам хекси нужно подходить осторожно, и их язык трудно выучить. Высокомерие их отвращает. К тому же зерно должно быть хорошим и свежим, но с червями. Они не купят гнилье с кучей спренов разложения.

– И все же.

И капитан права. Этот рынок почти не освоен. Но кто захочет торговать червивым зерном, когда можно пускать пыль в глаза роскошными коврами и драгоценностями? Кто захочет отправиться в глушь Хекси, когда рукой подать до больших базаров Марата?

Только человек, который понимает потребности и истинную душу торговца.

«Спасибо, бабск», – подумала Рисн, оглядывая команду. Спренов тревоги гораздо меньше. Моряки успокоились. Последние несколько дней выдались напряженными, но команда вернулась к работе повеселевшей.

Оставалось надеяться, что Рисн обратила приметку. Это традиционный способ развеять подобные предзнаменования – извлечь из них пользу. Для тех, кто следует Стремлениям, все выглядит так, будто судьба на их стороне, даже если путь омрачен дурной приметой. Темные Стремления всегда можно победить оптимизмом и решимостью. Даже самая ужасная буря приносит свежую воду.

Рисн пришла к выводу, что все это ерунда, но самой занимательной разновидности из-за скрытой в ней правды. Приметы ненастоящие. Однако реагируют на них очень даже по-настоящему. Все дело в точке зрения. Например, полная червей бочка ничего не стоит или высоко ценится в зависимости от точки зрения.

По ее просьбе Никли поднял ее: ради несложных перемещений он носил ее на руках, а не на перевязи, в которой она могла сидеть. По пути к шканцам двое матросов помахали ему и выкрикнули беззлобную шутку, на что он улыбнулся.

– Как вижу, все получилось, – сказала Рисн, когда он усадил ее в кресло под навесом. – Кажется, у тебя появились друзья на борту.

– Я... – Никли склонил голову. – Наверно, не стоило сомневаться. Да, светлость. Теперь они едят со мной, спрашивают о родине. Они не такие предвзятые, как я думал.

– Они и такие и не такие одновременно. Как я говорила, моряки на корабле отличаются сплоченностью. Но моряки, выбравшие «Странствующий парус», предпочитают дальние путешествия, в которых можно повидать новые места. Они не станут недолюбливать человека только за то, что он выглядит немного иначе. Уж точно не больше, чем человека, который не принадлежит к их корабельной семье. Тебе нужно было просто стать частью этой семьи.

Никли опустился на колени у ее кресла, и она пристегнулась.

– Вы тоже не такая, как я ожидал, светлость. Мне казалось, работа на торговца потребует... В общем, спасибо вам. За то, как вы обращались с кочевниками, и за то, как относитесь ко мне. За вашу мудрость.

– Если бы это была моя мудрость, Никли. Меня очень хорошо выучил наставник, которого я не заслужила и которого никогда не буду достойна.

– Светлость, по-моему, у вас получается весьма неплохо.

Рисн была благодарна за добрые слова. Однако когда знаешь, как относится к тебе команда, все труднее заглушить внутренний голос, который шепчет, что ты недостойна владеть кораблем. Она его не заслужила. Не выручила кучу денег, доказав свою деловую хватку, не пробились во владельцы корабля. Ей все преподнесли на блюдецке.

В том, какой видела ее капитан, заключалась доля неприятной истины. Рисн не проходила проверку. Даже победы вроде той, что она одержала сегодня, достигнуты благодаря Встиму и его урокам. Разумеется, она на этом не остановится. Пройгнорировать то, чему ее учили, из-за капризов и досады – именно так она бы и поступила в юности.

Но голос не смолкал.

– Знаете, – Никли по-прежнему стоял на коленях у кресла, оглядывая корабль, – это странно и, наверно, эгоистично, но в глубине души мне не хотелось, чтобы я понравился команде. Проще было всех их считать сволочами. – Он опустил взгляд к палубе. – Это недостойно.

– Нет, просто по-человечески, – сказала Рисн. – Знаешь, ты ведь задолжал мне историю о том, почему покинул родину. Не надейся, что я забыла.

– Это не самая интересная история, светлость. Мой народ жил в маленькой деревне. Ничего примечательного.

– Я бы все равно хотела послушать.

Никли мгновение поразмыслил. Рисн объехала полмира, но ни разу не видела таких татуировок: кожу словно изрезали, дали ей зажить, а потом поверх шрамов нанесли белые рисунки.

– Меня предал тот, кому я доверял, – наконец произнес Никли. – Вскоре одному из нас нужно было ехать в Тайлену. Мой народ хоть и маленький, но хочет знать, чем живут великие мировые державы. Я вызвался добровольцем, чтобы оказаться подальше от того, кто так со мной обошелся.

У Рисн возникло лишь еще больше вопросов. Она не стала давить. Это казалось неправильным.

– Ваш учитель делился мудрыми мыслями по поводу предателей? – спросил Никли. – Как поступать с тем, кому ты доверял и кто обернулся против тебя?

– Встим говорил всегда читать контракты с друзьями на один раз больше, – тихо ответила Рисн.

– И все?

– Как-то потом я попросила его объяснить. Он сказал: «Рисн, когда тебя надувают, это ужасно. Хуже, только когда тебя надувает тот, кого любишь. Обнаружить такой обман – все равно что оказаться в темных глубинах океана в окружении бесформенных теней, которые раньше были понятны и приятны. Словами эту боль не выразить. Однако это не причина притворяться, что подобное никогда не случится. Поэтому перечитывай такие контракты. Просто на всякий случай».

Никли фыркнул.

– Не та мудрость, что я ждал. Я решил было, что ваш наставник посвятил жизнь благотворительности.

– Встим хороший и честный. Но если у тебя репутация хорошего и честного человека, некоторые тут же увидят возможность тебя обмануть.

Встим предупреждал ее и об этом, и она часто гадала, какие именно события послужили для него столь болезненными уроками. Бабск никогда не делился подробностями.

– Светлость, – сказал Никли. – Не знаю, стоит ли говорить об этом, но... мне кажется, вы должны знать. Я из тех, на кого обычно не обращают внимания, и я хорошо умею слушать. И много чего слышу. Мне кажется, светлость, что Сияющие и их друзья что-то от вас скрывают.

– С какой стати?

– Не знаю. Но я слышал, как ревнительница сказала одному из них вести себя потише, иначе команда – или вы – услышите. Что-то насчет задания. Это все, что я разобрал. Но не забывайте, что именно рогоедка обнаружила червей. И Сияющие до сих пор толком не объяснили, зачем взяли ее в экспедицию.

– На что ты намекаешь?

– Ни на что. Просто делюсь тем, что услышал.

– Думаю, Сияющим рыцарям можно доверять.

– Не сомневаюсь, что так же думали две тысячи лет назад. – Никли вздохнул и поднялся на ноги. – Наверно, не стоило ничего говорить. Светлость, мне нужно отойти в галльюн, но я скоро вернусь.

Рисн прогнала мысль о том, что червей подбросили Сияющие. Но некоторые вопросы не давали ей покоя. Откуда столь внезапно появились черви? И как погибла корабельная питомица? Рисн поняла, что так и не спросила.

Корабль отплыл, и она задумалась. Явно не она одна понимала, что приметы, пусть это и ерунда, оказывают мощное воздействие на людей, которые в них верят. Если кто-то хочет помешать их заданию, лучшего способа, чем устроить несколько примет, не найти.

«Осторожнее с выводами», – сказала она себе. Верное решение – наблюдать.

Если она права, скоро появится очередная «примета».

Никли закрыл за собой дверь галльюна и отключил обоняние, чтобы не страдать из-за запахов. Поднял руку этого тела и сжал ее в кулак, довольный тем, сколько продержалась форма. Потом расслабился, швы на коже разошлись, и прохладный воздух коснулся роящихся внутренностей: они облегченно зашевелились после столь долгого времени в полной неподвижности.

В то же время Никли закрыл самую явную пару глаз – его человеческие глаза, которые и правда могли видеть, чем Никли гордился. Большинство Неспящих использовали бутафорские глаза, отчего поле зрения сдвигалось, и это было легче заметить.

С закрытыми глазами проще ощущать свои далекие части. Они разбросаны по всему Рошару. Никли мог заставить их общаться с остальными, издавая жужжание, напрямую говорить с другими разумами – его жужжание интерпретировалось специально созданными для этого ордлецами.

«У нас проблема», – отправил Никли остальным.

«В самом деле, Никлиасорм, – ответил Алалавитадор низким сердитым жужжанием. – Они не поддаются на твои намеки повернуть обратно. Ты потерпел неудачу. Потребуется другие меры».

«Проблема не в этом, – возразил Никли. – Проблема в том, что они начинают мне нравиться».

«Это не так уж неожиданно, – прислал Йеламаизсин. Плавное, успокаивающее жужжание. Первый, самый старший рой на Рошаре. Никли был двадцать четвертым, самым молодым. – Например, мне нравится узокователь, хотя я знаю, что он нас уничтожит».

«Не уничтожит, – не согласился Зиардиль. Его жужжание было прерывистым и резким. – Он принял решение Чести».

«Поэтому он нас и уничтожит, – отозвался Йеламаизсин. – Теперь он еще более опасен».

«Это другая тема, – сказал Алалавитадор. Третий рой, почти такой же старый, как Йеламаизсин. – Тебе нравятся эти люди, Никлиасорм. Это хорошо. Мы так плохо притворяемся ими, а ты многому научился в своих путешествиях. Остальным нужно больше изучать людей, чтобы лучше их копировать».

«К тому же, – добавил Йеламаизсин, – мы должны испытывать сострадание к тем, кого обязаны убить. Хорошо, что тебе нравятся люди».

«А мы все-таки обязаны их убить?» – спросил Никли.

«Люди как пожар, который нужно сдерживать, – спокойно прожужжал Йеламаизсин. – Ты молод. Во время катастрофы ты еще не отделился».

«Я хочу еще раз попробовать развернуть их обратно», – отправил Никли.

«Что за неразбериха, – сказал Алалавитадор, самый сердитый рой. – Нельзя доводить до такого. Нужно было убить их раньше».

«Они не должны были обнаружить корабль, – прислал Зиардиль. – Все осталось бы в тайне, если бы не нашелся корабль».

«Он должен был утонуть, – сказал Алалавитадор. – Он не мог выжить в бурях без посторонней помощи. Его обнаружили не случайно».

«Арклomedариан снова перешел нам дорогу, – прислал Йеламаизсин, первый рой. – Он вмешивается все чаще. Он встретился с этими новыми Сияющими».

«Мы уверены, что это к худшему? – спросил Никли. – Возможно, это мудрый шаг».

«Ты молод, – прислал Йемаизсин, спокойный и уверенный. – В молодости есть свои преимущества. Например, ты учишься быстрее нас».

Никли удавалось изображать людей гораздо лучше, чем остальным. Когда рой, который стал Никли, отделился, в нем уже были ордлецы, отвечающие за подобные хитрости. Никли развил их еще больше и не сомневался, что теперь может обойтись без татуировок, скрывающих швы на коже.

«Аркломедариан опасен, – отправил Никли. – Я это понимаю. Но он не так опасен, как истинные предатели».

«Одинаково опасны и те, и другие, – прислал Йеламаисзин. – Доверься нам. На твоей памяти нет шрамов, которые остались у старших роев».

«Мы должны прислушиваться к молодежи, – огрызнулся Зиярдиль. – Они не закаменели в старых обычаях! Люди, пришедшие в этот раз, не пираты в поисках наживы. Они более настойчивы. Если убьем их, придут другие».

«Мой план наилучший, – напористо прожужжал Алалавитадор. – Пусть прорвутся через шторм».

«Нет, – не согласился Йеламаисзин. – Нет, нужно это предотвратить».

На этом этапе спора вопрос отправили остальным роям – всем двадцати, которые по-прежнему признавали лидерство первого. Не пора ли потопить человеческий корабль?

Подсчитали ответы. Спор зашел в тупик. Половина хотела, чтобы люди добрались до шторма, и тогда их либо сокрушат ветра, либо им удастся попасть в королевство Неспящих. Половина хотела убить их немедленно, до шторма. Несколько, как и Никли, воздержались от голосования.

Рой Никли жужжал в облегчении и удовлетворении из-за неуверенности остальных. Это была благоприятная возможность.

«Я хочу еще раз попробовать развернуть их обратно, – повторил Никли. – У меня есть идея, и, мне кажется, она сработает, но мне понадобится помощь».

Его предложение отправили на голосование, и тела Никли – не на корабле, а те, что на расстоянии, – нетерпеливо завибрировали.

«Да, – пришло решение. – Да, нужно разрешить Никли попробовать еще раз».

«Нам больно убивать Сияющих, а тем более одну из Зрячих, – сказал Йеламаисзин, первый рой. – Попробуй свой план. Но если он провалится, я проведу еще одно голосование, и ты должен быть готов принять более решительные меры».

7

– Тебе не кажется, что команда странная? – Лопен повис в трех футах над палубой рядом со Струной, заложив руки за голову.

Коренастая рогоедка что-то смешивала, и пахло это неплохо. Как стряпня со специями Камня, не острая, а просто... наполненная вкусами. Интересными вкусами. Однако в этом блюде чувствовался запах океана, который, по словам Струны, исходил от водорослей. Кто ест водоросли? Разве ее народу не полагается есть панцири?

– Странная? – переспросила она. – Команда?

– Ага. Странная.

Несколько матросов протопали мимо. Все так же зыркают. Руа увязался следом за ними, невидимый никому, кроме Лопена и Струны. Она, как и отец, видела всех спренов.

– Ты странный, – призналась она. Каждое слово выходило с трудом, но ее аleti становился лучше.

– Главное, чтобы самым странным был я, – сказал Лопен. – Само собой, это одно из моих более привлекательных качеств.

– Ты... очень странный.

– Отлично.

– Очень сильно странный.

– Сказала девушка, которая любит жевать водоросли. Это не еда, мисра, это то, что ест еда. – Лопен нахмурился, когда мимо прошли еще несколько матросов и двое сделали в его сторону странные тайленские жесты. – Видела?! Они обрадовались, когда мы поднялись на борт. А теперь ведут себя необычно.

Все повеселели после остановки в Хекси, где они продали червивое зерно. Лопену понравилось вяленое мясо. Но теперь как раз близилась середина путешествия, и все стало странным. Непонятные полутона в каждом разговоре, и он не мог взять в толк, что они означают.

Лопен глянул вверх: Уйо пронесся над головой и опустился на палубу. Он вручил Струне письмо – скорее всего, от родителей – и сунул еще несколько во внутренний карман мундира для Рисн. Она попросила его слетать на остров неподалеку и получить письма за день.

– Спасибо, – сказала Струна Уйо, взяв письмо. – Счастье держать его.

– Пожалуйста, – отозвался Уйо. – Это легко. Не проблема.

Забавно наблюдать, как они общаются на алетти. Почему в мире так много языков и почему бы всем просто не выучить гердазийский? Это отличный язык. В нем есть названия для всех разновидностей кузенов.

– Уйо, – позвал Лопен на алетти, чтобы Струна тоже понимала, о чем разговор, – команда не относится к тебе как-то странно?

– Нет, – ответил он. – Э-э, не знаю?

– Не знаешь? – переспросил Лопен.

– Да, не знаю.

Уйо опустил на палубу сумку с даль-перьями и другим снаряжением, порылся в ней и вытащил коробочку с алюминиевыми пластинами и фольгой. Рушу вручила ее ему, чтобы провести кое-какие эксперименты по связи с кораблем с берега.

– Вы знаете это? – спросил Уйо.

– Алюминий, – ответил Лопен, по-прежнему паря в нескольких футах над палубой. – Ага, странная штука. Блокирует осколочный клинок, если достаточно толстая, как говорит Руа. Его получают с помощью духозаклинания, но таких устройств мало, так что он довольно редкий.

– Можно получить из торговли, – сказала Струна. – На Пиках. Мы торгуем.

– Торгуем? – переспросил Уйо. – Кто торгует?

– Люди в мире спренов, – ответила Струна.

Склонив голову набок, Уйо потер подбородок.

– Он странный металл, – добавила Струна. – Делает странные вещи со спренами.

– Странный, – согласился Уйо.

Он вернул коробочку в сумку и пошел прочь. Оставалось надеяться, что он отнесет ее Рушу, а не начнет играть с алюминием. Иногда Уйо попадал из-за этого в неприятности.

– Струна, твой народ. – Лопен развернулся в воздухе, словно возлежал на диване.
– У вас есть вода в этих ваших пиках. Откуда? Там ведь холодно?

– Холодно далеко от города. Около города тепло.

– Ха! Интересно.

– Да. – Она улыбнулась. – Я ее люблю. Нашу землю. Не хотела уезжать. Пришлось уехать с матерью. Чтобы найти отца.

– Если хочешь, можешь вернуться, – сказал Лопен. – Ветробегун быстренько тебя доставит.

– Да. Но сейчас и здесь опасно. Хорошо опасно. Я не хочу уходить. Слишком люблю дом, да? Но теперь, когда вижу его, не хочу вернуться. Не когда здесь опасность, для людей. Опасность, которая пойдет в мой дом. – Струна отвернулась от кастрюль и посмотрела на океан. – Я боялась мест, которые не дом. А теперь... Я думаю, что штуки, которые пугают, еще и интересные. Я люблю интересные штуки. Я это не знала.

Лопен кивнул. Какой интересный способ познавать мир. В целом ему нравилось ее слушать: акцент придавал словам Струны приятный ритм, и она по-особенному произносила некоторые гласные. К тому же, она высокая, а высокие женщины самые лучшие. Он очень удивился, когда узнал, что она всего на несколько лет младше него. Неожиданно.

Увы, он уже трижды приклеивал Уйо к стене, но Струну это не сильно впечатлило. Еще он сделал ей чуту, но она и так готовила ее лучше него. В следующий раз нужно ухитриться продемонстрировать, насколько он хорош с картами.

– Любопытно, – сказал Лопен. – Тебе нравится то, чего ты боишься?

– Да. Но я не осознавала эту штуку. Что боюсь. Да?

– Ты не осознавала, что нечто страшное, нечто непривычное может быть настолько упоительным. Мне кажется, я понял, о чем ты говоришь.

Задумавшись на миг, Лопен выпил свет из большого самосветного граната. Ему казалось, что разные цвета различаются по вкусу, хотя остальные считали, что это глупость.

Он оглядел Струну. Впечатлило ли ее, с какой легкостью и небрежностью он парит в воздухе? Не узнать, пока не спросишь, а тут уж легкостью и небрежностью не пахнет. Так что он заложил руки за голову и поразмыслил об ее словах.

– Струна, твой отец. Он и правда в опасности из-за того, как поступил? Спас Каладина? Убил Амарама?

С того случая прошло несколько месяцев, и Каладин убедил Камня пока остаться в Уритиру. В основном чтобы его семья отдохнула после утомительного путешествия. Однако это не продлится вечно. Камень все больше укреплялся в своем намерении вернуться на родину и предстать перед судом.

– Да, – тихо проговорила Струна. – Но из-за него. Его поступка. Его желания.

– Он выбрал помочь Каладину, но не выбирал, каким по счету родиться.

– Но его выбор вернуться. Его выбор просить... Я не знаю слово. Просить выбор?

– Правосудия?

– Да, наверно. – Она улыбнулась. – Не бойся за моего отца, Лопен. Он выберет свой выбор. Если он должен идти домой, я останусь. И Дар останется. Мы сделаем его работу. Мы посмотрим за него.

– Посмотрим? Ты имеешь в виду, посмотрите спренов?

Струна кивнула.

– А сейчас есть какие-нибудь вокруг?

– Руа. – Струна указала на спрена Лопена, который пронесся мимо в облике причудливого летающего корабля. – И Каэлинора. – Спрен Уйо. Она редко являлась Лопену. – Спрены ветра в небе, спрены волн в воде. Спрены тревоги за кораблем, почти невидимые. И... – Она подняла голову.

– И что?

– Странные штуки. Хорошие боги, но необычные. Апалики'токоа'а.

Струна попыталась найти подходящие слова, потом вытащила бумажку – она часто носила с собой несколько клочков – и сделала быстрый набросок.

– Спрен удачи. – Лопен узнал стреловидную голову.

– Пять. Было ни одного. Потом три. Потом четыре. Больше каждый день.

Ха! Что ж, хорошо, что Струна посматривает по сторонам. Она сомневалась, стоит ли отправляться в это путешествие, – думала, от нее не будет пользы. Лопен ее подбодрил, поскольку знал, что ей хочется увидеть мир. И вот она высматривает интересных спренов.

– Не знаю, стоит ли волноваться из-за спренов удачи, – сказал он, – но я все равно доложу Рушу. Может, у королевы Ясны или у кого еще появятся мысли на их счет.

Струна кивнула. Лопен оборвал сплетение и плюхнулся на палубу – немного жестче, чем ожидал. Он похлопал по древесине и ухмыльнулся собственной глупости. Жаль, что Уйо не видел. Ему бы понравилось.

Легкой трусцой Лопен отправился на поиски кузена. Как он и опасался, тот сидел у себя в каюте и ковырялся в даль-перьях ревнительницы Рушу. Одно он разобрал полностью.

– Лопен, – сказал Уйо на гердазийском. – У этого алюминия замечательные свойства. Мне кажется, плененные спрены реагируют на его присутствие почти как добыча на хищника. Когда я касаюсь фольгой самосвета, они отскакивают на другую сторону своей темницы. По моей гипотезе алюминий подавляет их способность ощущать не только мои мысли о них, но и мысли сопряженной половинки.

– Знаешь, куз, – отозвался Лопен на том же языке, – эти даль-перья гораздо более ценные, чем те замки, что ты вскрывал. Можешь нарваться на неприятности.

– Возможно. – Уйо поковырял маленькой отверткой, чтобы отсоединить часть самосветной оправы. – Но я уверен, что смогу собрать все обратно. Дама-ревнительница ни о чем не догадается.

Лопен шлепнулся на свою койку. Он попросил гамак, как у остальной команды, но они отреагировали так, будто он двинулся умом. Коек на корабле явно не хватало. И это понятно. Всем остальным достались шквальные гамаки! Кому нужна койка?

– Что-то не так с этим заданием, – сказал Лопен.

– Ты просто заскучал, младший кузен, потому что команда слишком занята работой и не реагирует на твои невоспитанные выходки.

– Не, дело не в этом. – Лопен уставился в потолок. – И может, даже не в этом путешествии. Просто последнее время все как-то... неправильно, понимаешь?

– Как ни странно, хотя все всегда ждут, что я способен расшифровать твои слова, почти каждый раз я оказываюсь в тупике. И не только когда ты говоришь на алети. К счастью, обычно ты недалеко и можешь объяснить. В какой-то мере. С множеством прилагательных.

– Знаешь, Струна довольно неплохо говорит на алети.

– Вот и молодец. Может, она и гердазийский выучит, и тогда кто-нибудь наконец переведет, когда я в следующий раз перестану тебя понимать.

– В конце концов ты заговоришь, старший кузен, – сказал Лопен. – Само собой, ты ведь самый умный в семье.

Уйо хмыкнул. Трудности с языком алети – его большая тема. По его словам, тот не задерживается у него в голове. Годы стараний, и почти никакого прогресса. Но ничего страшного. Лопену, само собой, понадобились годы, чтобы научиться отращивать руку.

Так что его беспокоит? Слова Струны? Лопен вытащил из кармана резиновый мячик и зарядил его буресветом, потом приклеил к потолку и поймал, когда тот полетел вниз.

Пустоносцы вернулись. Не настоящие пустоносцы, просто паршуны, но особенные. И разразилась война, как в старинных преданиях. Пришла новая буря, и чуть не настал конец света. Вроде все очень значительно.

Но на самом деле все происходит шквально медленно.

Они сражаются уже много месяцев, и похоже, последнее время дела идут хуже, чем у Уйо с его алети. Убиваешь этих новых певцов со странными способностями – Сплавленных, – а они перерождаются. Сражаешься, и сражаешься, и сражаешься и захватываешь, может, несколько десятков футов земли. Вот уж весело. Через миллион столетий, глядишь, и завоюешь целое королевство.

Разве конец шквального света не должен быть более... драматичным? Война против захватчиков до боли напоминала войну на Расколотых равнинах. Само собой, Лопен не унывал – от этого никакого толку. Но в мыслях не мог не проводить параллели.

Он на стороне хороших парней. Сияющие. Уритиру. И все такое. Несмотря на ошибки некоторых Сияющих в прошлом, Лопен решил, что они хорошие.

Но еще он думал о Расколотых равнинах. И какой глупой была битва, растянувшаяся на столько лет. Сколько отличных парней погибло? Он не мог не тревожиться насчет того, что они прут в такую же кучу крема, если не хуже.

– Хорошо бы этот корабль плыл быстрее, – сказал он. – Хорошо бы чем-нибудь заняться. Все тянется слишком долго.

– Я вот занялся. – Уйо повернулся за столом с собранным даль-пером в руке. – Видишь? Точь-в-точь как раньше.

– Да? И по-прежнему пишет?

Уйо сделал несколько круговых росчерков на клочке бумаги из сумки. Сопряженное даль-перо дернулось взад-вперед по прямой.

– Э-э... – протянул он.

– Ты недотепа-у-которого-гнилой-фрукт-вместо-башки! – воскликнул Лопен, вскочив на ноги. – Ты его сломал.

– Э-э... – повторил Уйо, потом попробовал еще раз. Сопряженное перо реагировало как прежде – перемещалось вправо-влево согласно его движениям, но не сдвигалось ни вверх, ни вниз, когда он переносил свое перо к верху или низу страницы. – Ха!

– Отлично, – произнес Лопен. – Теперь мне придется рассказать даме-ревнительнице. А она скажет: «Лопен, я вижу, ты очень аккуратный и почти никогда ничего не ломаешь, но еще бы не помешало, если бы в голове у твоего старшего кузена были мозги, а не гнилой фрукт». И я соглашусь с ней.

– У них много таких штук. В сумке, которую нам прислали, их по крайней мере пар двадцать. Вряд ли случится что-то страшное, если одно сломается. – Уйо снова провел пером по бумаге. С тем же успехом. – Может, я бы...

– Попробовал его починить? – скептически договорил Лопен. – Почему нет. Само собой, ты суперумный. Но...

– Но, скорее всего, я сломаю его еще больше, – вздохнул Уйо. – Я подумал, что во всем разобрался, младший кузен. Они кажутся уж точно не сложнее часов.

– И сколько часов ты сумел собрать, после того как разобрал на части?

– Был один случай... – начал Уйо.

Лопен встретился с ним взглядом, и оба расплылись в ухмылке.

Уйо хлопнул его по плечу.

– Верни их даме-ревнительнице. Скажи, если надо, я заплачу за сломанное перо. Но не раньше следующего месяца.

Лопен кивнул. Они оба, а еще Пунио, отдавали семье большую часть своего жалованья Сияющих, чтобы помогать кузенам победнее. Значительная часть шла семье Рода. Сияющим хорошо платят, но многие кузены нуждаются в помощи. Так у них принято: когда бедным был Лопен, ему тоже всегда помогали.

Лопен вышел на палубу, гордый тем, как хорошо он приспособился к качке. Он остановился, заметив большую компанию матросов, собравшихся по левому борту. Э-э, штирборт? Он подошел ближе, а потом сплел себя с верхом, чтобы заглянуть через головы.

Что-то плавало в воде неподалеку. Что-то огромное. И очень, очень мертвое.

8

У Рисн отвратительно засосало под ложечкой, пока Никли переносил ее к нужному борту. Собравшихся матросов окружали спрены тревоги, похожие на перекрученные черные кресты, и несколько сгустков спренов страха. Моряки расступились перед Рисн, и Плэмри – тайленский помощник Никли – бросился вперед, чтобы установить для нее высокий стул. Пока Никли усаживал ее, она схватилась для равновесия за ограждение, потом кивком отпустила носильщика.

На освободившееся место возле стула шагнула капитан. Теперь Рисн могла выглянуть за борт и собственными глазами увидеть, из-за чего все шептались. Мертвый сантид. Разлагающиеся, перевернутые набок панцирь и туша, побелевшие глаза устремлены в небо. Гигантский, почти с треть корабля.

Эти огромные морские существа встречаются исключительно редко. Рисн считала, что они вымерли, но с удовольствием слушала о них истории бабска. Сантиды якобы спасают тонущих моряков и по много дней следуют за кораблями, улучшая настроение людей на борту. Скорее спрены, чем животные, они каким-то образом навевают покой и уверенность.

Скорее всего, это такие же выдумки, как и Стремления. Однако ни один моряк никогда не отзовется плохо о сантиде. Увидеть его в море считается одной из наилучших примет. Можно не спрашивать, как повлияет на настроение команды труп сантида.

«Моряки чуяли, что-то случится, – подумала она. – Последние несколько дней они на взводе».

Возможно, как и Рисн, они заметили закономерность и ждали третью, худшую примету. Для них она бы означала, что путешествие проклято.

Пока она рассматривала чудовищный труп, в ее голове родились вопросы. Разумеется, приметы – это ерунда. Но и пустоносцев она считала выдумками, а они вернулись. Ее мать всегда посмеивалась над Сияющими рыцарями, которые якобы блуждают в бурях как духи, но вот, пожалуйста, двое Сияющих на борту ее корабля. Кто такая Рисн, чтобы утверждать, что все это мифы?

«Нет, – подумала она. – Должно быть другое объяснение». Может, все подстроено?

Она ждала, что третья примета будет наподобие червивого зерна или мертвой питомицы. Нечто такое, что можно проверить втайне. Но это выходит за рамки простых козней. Неужели ей и правда пришло в голову, что кто-то прячется среди команды? И что он сумел отыскать почти мифическое существо, убить его и оставить в океане, не вызвав подозрений?

«Не обязательно, что все подстроено, – одернула она себя. – Может, и правда несчастливая случайность».

Рисн снова глянула вниз: можно поклясться, громадный глаз уставился прямо на нее. И даже мертвый видит ее насквозь. От туши сантида отваливались куски плоти, и Рисн показалось, что за ней наблюдают. Она вдруг во всей полноте ощутила настроение моряков. Мрачные. Чересчур притихшие. Ни слова о плохой примете. Они уже все поняли. И больше тут добавить нечего.

– После такого мы повернем обратно, – сказал Алстбен, высокий матрос, который любил зачесывать брови в виде шипов. Он глянул на Рисн. – Ни за что на свете не поплывем дальше.

Бури, это не вопрос. Рисн повернулась к капитану в надежде на поддержку, но Дрлвэн сложила руки на груди и ничего не возразила. Видимо, их ждет бунт. Скорее всего, команда слишком преданная и не пойдет на убийство капитана, но... кто их обвинит, если «Странствующий парус» вернется в док с капитаном, старпомом и владелицей взаперти, потому что они «повредились умом»? Особенно после такой явной приметы, как мертвый сантид.

Рисн едва не отдала приказ. Она понимала, когда сделка завязла в креме, когда лучше убраться со своими товарами прочь и не пытаться продавить соглашение.

И все же. Это значит сдаться на милость суеверий. И на милость того, кто пытается запугать ее команду, даже если именно это событие – случайность. Повернуть обратно – все равно что признать поражение.

И самое главное, это значит отказаться от попыток помочь Чири-Чири. Иногда сделка слишком важна, чтобы просто уйти. Иногда нужно торговаться с позиции слабости.

– Почему он плавает? – спросила Рисн у моряков. – Разве после смерти он не должен утонуть?

– Не обязательно, – ответил отделившийся от толпы Кстлед. – Я как-то проходил мимо корабля с пробоиной. Несколько дней спустя раздувшиеся трупы по-прежнему плавали на поверхности, и их обгладывали снизу рыбы.

– Но такого размера? – спросила Рисн. – С таким панцирем?

– Трупы большепанцирников могут плавать на поверхности, – сказал другой матрос. – Их куски, после смерти. Я сам видел.

Преисподняя, Рисн не хватало знаний, чтобы гнуть свою линию. Тем не менее маловероятно, что сантид попался на их пути случайно. Может, все иначе. Может, помешать ее заданию пытается не один человек, а целая организация. У врага есть Сплавленные, существа со способностями Сияющих. Вдруг это обманка, созданная с помощью светоплетения или духозаклинания или еще чего похлеще.

Рисн не хотела сдаваться. Нужно выиграть хотя бы немного времени, чтобы поразмыслить, и, может, попробовать изучить труп. Глубокий вдох. Иногда успех торговли сводится к хорошему настрою.

– Что ж, значит, поступим правильно, – сказала она. – Берите абордажные крюки и приготовьтесь отбуксировать труп.

– Отбуксировать? – переспросил один из матросов. – Мы же не собираемся нажиться на продаже панциря?

– Разумеется, нет. Неужели вы думаете, я настолько алчная? Мы похороним его, как надлежит. И если на то его воля, сохраним панцирь как символ удачи и преподнесем королеве. Повезло, что мы проходили мимо: труп можно сжечь, как подобает этому величественному существу.

– Повезло? – не поверил ушам Кстлед.

– Да, – ответила Рисн.

Она приучила себя не бояться, когда сама сидит, а толпа вокруг стоит, но старые комплексы тут же напомнили о себе, когда многие повернулись и вытаращились на нее с сомнением, даже с гневом.

«Настрой, – напомнила она себе. – Ты никогда ничего не продашь, если не поверишь, что товар стоит той цены, что за него просишь».

– Кто-то убил это бедное существо, – продолжила Рисн. – Посмотрите на выемки на боку.

– Плохая примета, – сказал какой-то матрос. – Очень плохая примета убить сантида.

– Как раз мы его не убивали. Его убил кто-то другой и навлек на себя неудачу. Нам повезло его найти: можно засвидетельствовать, что с ним произошло, и позаботиться о трупе.

– Не стоит нам трогать труп сантида, – заметил Кстлед, сложив руки на груди.

– Я видела в Тайлене панцири, – не сдавалась Рисн. – Один висит в морской академии!

– Тех сантидов не убивали умышленно, – возразил Кстлед. – Кроме того, их вынесло на берег. Они сами нашли дорогу.

– А этот нашел дорогу к нам. Насколько велик океан? И мы якобы случайно наткнулись на этот относительно маленький труп? Нет сомнений, сюда нас привела душа сантида, чтобы мы увидели труп и позаботились о нем. – Рисн задумалась, словно мысль только что пришла ей в голову. – Это хорошая примета. Сантид встретился нам неслучайно. Это знак доверия.

Она скрыла собственную неуверенность, понимая, что ее логика полна пробоин и вот-вот пойдет ко дну. Сначала она осудила суеверие, а теперь приводит его как довод?

Так или иначе, это сработало. Несколько моряков кивнули. В том и смысл с приметами – они выдуманы. Воображаемые предзнаменования неясных событий. Так почему не выдумать им позитивный смысл?

– Мы всегда считаем хорошей приметой, когда сантида выбрасывает на берег, – сказал какой-то матрос. – А тут чем отличается?

– Нужно всех оповестить, что кто-то убивает сантидов, – добавил другой. – Сантид хотел, чтобы мы его нашли и всем рассказали.

– Давайте подцепим труп, – повторила Рисн, – и оттащим его к берегу.

– Нет! – выкрикнули сразу несколько человек из толпы, но она не увидела, кто именно. – Это плохая примета!

– Если это плохая примета, – повысила голос Рисн, – то нам нечего терять, потому что труп уже коснулся корпуса корабля. Лучшее, что можно сделать, – позаботиться о трупе. Мы его сожжем и оставим панцирь на ближайшем острове. На обратном пути купим буйки в порту и отбуксируем панцирь в Тайлен. Вот чего хотел бы сантид – чтобы мы забрали панцирь в качестве знака уважения, которое он нам оказал.

Команда притихла. Рисн не раз доводилось участвовать в сложных переговорах, но теперь перехватывало дыхание и колотилось сердце. Словно она пытается сдержать внутри бурю.

– По-моему, это и правда добрая примета, – наконец сказала капитан. – Я всегда хотела встретить сантида в море. Я сжигала молитвы, чтобы однажды увидеть его. Наверное, душа этого существа знала о моем желании.

– Ага, – добавил матрос. – Заметили, что он не воняет? А должен, если так разложился. Не видно ни одного спреда гниения. Добрая примета. Он хочет, чтобы мы подошли ближе.

– Берите крюки, – приказала капитан. – Если его дух не упокоился, я точно не хочу, чтобы он подумал, будто мы проигнорировали его последнее желание!

К счастью, моряки подчинились приказу. Рисн подарила им шанс избежать неудачи, и капитан его поддержала. Этого достаточно. Кто-то пошел за абордажными

крюками, с помощью которых притягивали «Странствующий парус» к вражеским кораблям. Другие вернулись к работе, чтобы корабль не отнесло слишком далеко от сантида.

Капитан все так же стояла у стула Рисн. Высокая, гордая, уверенная. Рисн научилась держаться так же, но завидовала способности просто вот так стоять. Намного сложнее излучать уверенность, когда ты на несколько футов ниже остальных.

– Спасибо, – поблагодарила она капитана.

– У нас предписание королевы, – сказала та. – Я бы повернула, если бы боялась потерять корабль, но ни с того ни с сего?

– Вы искренне поверили в мои слова насчет хорошего знака?

– Я верю, что целеустремленные люди сами творят свою удачу, – ответила капитан, по сути не ответив.

Согласно Стремлениям как религии, если чего-то хочешь, то судьба изменится, чтобы помочь тебе добиться своего. Среди многих тайленцев суеверия и уверенность в себе переплетались подобно прядям в канате.

– В любом случае спасибо, – сказала Рисн.

– Пока что я доверяю вашей уверенности насчет того, что нужно двигаться вперед, ребск, – произнесла Дрлвэн, пока матросы возвращались с крюками. – Будьте осторожны. Команда для меня бесценна. Я не стану разбрасываться их жизнями, если задание пойдет наперекосяк.

«Если эти приметы неспроста», – недоговорила она.

Рисн обеспокоенно кивнула, наблюдая, как матросы выстроились в линию, чтобы загарпунить тушу сантида. Если у них не получится, кому-то придется спуститься и...

Матросы с криками отшатнулись и бросили веревки, словно те загорелись. Рисн вздрогнула и приподнялась на поручне посмотреть, в чем дело. Сантид жив? Он двигался. Вернее, колыхался, трепыхался...

Распадался на части.

На ее глазах сантид развалился на сотни роящихся в воде, удирающих кремлецов – ракообразных размером с большой палец. Рисн пыталась осмыслить, что она видит. Крюки потревожили существ, которые обгладывали мертвого сантида? Но их так много, он распался весь целиком. В том числе и панцирь.

Бури, словно... туша собрана из кремлецов. Или морлецов, как называют тех, что обитают в океане. Вода бурлила и пенилась, и через несколько мгновений от сантида не осталось и следа. Даже глаз, который, казалось, наблюдал за ней, распался на кусочки: изнутри показались лапки и панцири, а потом и они исчезли в глубине.

9

Тем же вечером Рисн сидела под небольшим скальным навесом и наблюдала, как дым от костра поднимается прямым в Чертоги. В зависимости от капризов ветра прохладный воздух пах то океаном, то дымом.

Она плотнее укуталась в шаль. Обычно холод донимал ее сильнее, чем остальных, но сегодня она не стала просить Никли перенести ее ближе к огню. Ей нужно немного побыть одной. Поэтому она осталась в своем кресле, футах в двадцати-тридцати от моряков.

Она слушала, как Лопен травит байки. К счастью, его усилия поднять морякам настроение приносили плоды. Посоветовавшись с капитаном, Рисн приказала высадиться на берег, чтобы сжечь молитвы в честь сантида. Распечатали несколько бочонков особого тайленского эля, Струна готовила похлебку. Общими стараниями команду удалось успокоить.

Тем не менее подспудно ощущалось замешательство. Все были так же сбиты с толку, как Рисн. Труп появился, а потом исчез. Что это за знак? И был ли вообще труп?

Никли сидел неподалеку. Чири-Чири дремала на земле рядом с Рисн. Похоже, ларкину нездоровилось все сильнее. Спал он все дольше, а ел все меньше. У Рисн дрожало сердце каждый раз, как она об этом думала.

Наконец замигало даль-перо. Рисн подхватила его, сориентировала на доске.

«У меня есть для тебя ответы, – написало перо. Судя по почерку, Встим диктовал своей племяннице Чанрм. – Алети кое-что утаили от тебя, а также и от меня, хотя королева Фэн все знала. То, что рассказала тебе о задании королева Навани, – правда, но есть и другая, более насущная причина, по которой она организовала экспедицию. Раньше в Акине были Клятвенные врата».

Рисн перечитала написанное и поразмыслила над возможными последствиями. Клятвенные врата. Она не отслеживала их местоположение. Но, наверно, стоило.

«Зачем врата в Аймиа? – спросила она. – Разве она не была пустынной еще до Отступничества?»

«Нет, – написал Встим через племянницу. – Катастрофа произошла после, хотя и то, и другое случилось так давно, что мы не знаем подробностей. Однако несомненно, что в столице были Клятвенные врата, как в Тайлене и Азимире. Отряд королевы Навани должен выяснить, что с ними».

«И открыть их?» – отправила Рисн.

«Полагаю, они сомневаются, стоит ли их открывать. Защита Аймиа, в особенности Акины, потребует больших военных ресурсов. Пока королева просто хочет получить информацию. Есть ли там Клятвенные врата? Есть ли основания думать, что ими интересуется враг? Обитаем ли остров?»

Значит, Никли прав – Сияющие недоговаривали. По крайней мере, их тайна довольно безобидная.

«Что там по другому вопросу, бабск?» – написала Рисн.

«С этим подвижек меньше, – продиктовал Встим. – Никто из ученых, с которыми я говорил, не знает, что и думать об истории с распавшимся сантидом. Хотя это пахивает старыми сказками об аймианцах».

«Сказками, в которых они могут отделять руки и ноги? – спросила Рисн. – Во время экспедиции, в которой со мной произошел несчастный случай, я встретила одного такого. Это существо совсем не похоже на то, с чем мы столкнулись».

«И правда, – прислал Встим. – Но я побеседовал об этом с королевой Ясной Холин, и она нашла происшествие исключительно любопытным. По ее словам, раньше существовали две разновидности аймианцев. К первой относится тот, кого ты встретила. Несколько таких живут среди людей и путешествуют по Рошару. Насчет второй... она прочитала мне старую сказку про существ, которые представляли собой живые скопища кремлецов. Они появлялись на чердаках домов, росли в числе и размерах, а потом съедали жильцов. Раньше Ясна считала эти сказки выдумками, не более реальными, чем мрачнотанцор или морские ведьмы из тайленской мифологии. Однако она отмечает, что в последнее время приходит больше докладов о похожих явлениях, причем из заслуживающих доверия источников. Она призывает к осторожности».

«Я буду признательна за любую дополнительную информацию, которую ей удастся отыскать, – написала Рисн. – Если бы это была единственная странность, с которой мы столкнулись, я бы так не расстраивалась. Но учитывая все остальное, о чем я упоминала, бабск, это похоже на закономерность. Мне кажется, кто-то на корабле умышленно пытается запугать команду. И объяснение этому, скорее всего, более простое, чем древние сказки».

«И какое? – продиктовал Встим. – Как вредителю удалось создать труп сантида?»

«Ты помнишь, с кем я столкнулась полгода назад? – спросила Рисн. – Прямо перед битвой на Тайленском поле? Что, если здесь нечто похожее?»

«Вражеский светоплет. Ты считаешь, кто-то создал иллюзию мертвого сантида и запаниковал, когда понял, что ты собираешься его отбуксировать вместо того, чтобы уплыть».

«Именно. И превратил иллюзию в кремлецов, чтобы скрыть то, что сделал».

«Но разве это не означает, что вражеский светоплет где-то рядом? Вероятно, даже на корабле?»

Рисн не ответила. Предположение Встима казалось верным, хотя она мало знала о том, на что способны светоплеты и насколько далеко простираются их возможности.

«У меня тут даль-перо с королевой Ясной, – продиктовал Встим. – Минутку. Объясняю твою теорию. Я предупредил остальных, что расскажу тебе то, что узнал о Клятвенных вратах. Я ясно дал понять, что не допущу, чтобы моего друга посылали на опасное задание без исчерпывающей информации».

Рисн уставилась на страницу. Друга? Он был ее хозяином, наставником. Ее идолом, если честно. Неужели он в самом деле видит в ней друга теперь, когда она выросла? На глаза навернулись слезы.

«Итак, – прислал Встим, не подозревая, как на нее подействовало единственное слово. – Королева Ясна с тобой согласна. Она написала: “Это очень проницательное наблюдение. Мне следовало догадаться о такой возможности. Мы совсем недавно научились пользоваться этими силами и все время упускаем из виду подобные вещи. Передайте от меня похвалу владелице корабля и предупредите ее: очень вероятно, что это вражеский светоплет. И скажите, что если он в самом деле на борту, ее задание еще важнее, чем прежде, поскольку враг пытается помешать нам изучить Акину”. Рисн, мне кажется, от такой женщины это очень высокая оценка».

Когда перо замерло, Рисн написала в ответ:

«Что ж, несколько месяцев назад я чуть не погибла от рук одного из тех светоплетов. Ничего удивительного, что я сразу о них подумала: это скорее инстинкт самосохранения, чем пронизательность».

«Да, – согласился Встим. – Рисн... с моей стороны было не слишком разумно отправить тебя на это задание. Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь в том, что следовало послать флот, а не один корабль».

«Разве у нас есть лишний флот?» – написала Рисн, уже зная ответ.

Их военно-морские силы понесли серьезные потери, когда паршуну превратились в пустоносцев. Большая часть оставшихся кораблей была жизненно необходима для перевозки войск и предотвращения блокады Тайлены. Поэтому для экспедиции вроде той, что отправилась в Акину, лишнего флота нет.

Не дождавшись ответа, Рисн глянула на Чири-Чири, спавшую рядом на камнях, и принялась писать дальше:

«Бабск, вы натаскивали меня для трудной работы в удаленных от цивилизации местах. Вы превратили эгоистичного ребенка в женщину, и эта женщина готова применить свои навыки. Я в себе уверена».

«Не сомневаюсь, – продиктовал Встим. – Но не хочу, чтобы у меня на службе с тобой случилось что-нибудь еще».

Она посмотрела на свои неподвижные ноги под письменной доской.

«Я буду осторожна. А вы и так уже много для меня сделали».

«Тогда в добрый путь, – пожелал Встим. – Я доверяю твоим суждениям, но, прошу, пойми: если ты решишь, что лучше повернуть обратно, так и сделай, кто бы что ни говорил. Направляй эту экспедицию согласно собственному разумению».

Если бы только команда так же в нее верила. Рисн попрощалась со Встимом и убрала даль-перо. Потом подняла голову к темному небу, выискивая спренов звезд и прислушиваясь к мягкому плеску волн. В первых путешествиях с бабском она была так поглощена собой, так разочарована отсутствием вечеринок и торгов с могущественными домами, что совершенно не замечала окружающей красоты. Звезды в небе, морской бриз, убаюкивающий шепот океана, зовущего в свои объятия.

Негромкий вздох возвестил о том, что Никли стоит поблизости и потягивается. Он шагнул к ней.

– Светлость, похоже, еда готова. Интересно, чья похлебка вкуснее, моя или Струны? Хочу попробовать. Вам тоже принести?

– Чуть позже. – Рисн смотрела на океан. Маленькие спрены волн – пресмыкающиеся четырехпалые создания с гладкой кожей и большими глазами – неслись вместе с пеной к берегу и быстро исчезали с отступающей волной. – Твоя деревня... в Альме?

– Да, светлость. В глубине суши, у подножия гор.

– Это недалеко от Аймиа. У твоего народа есть легенды или сказания об этом месте?

Никли опустил на большой валун возле ее кресла.

– Есть. Поблизости обосновалось немало выживших после катастрофы.

– Синие ногти? – спросила Рисн. – И яркие синие глаза?

– Нет, в Аймиа жили и обычные люди. Хотя бороды они носили необычно, как сейчас модно в Стине.

– О! И что они рассказывали? О катастрофе, о своей родине?

– Светлость... Катастрофа произошла давным-давно. До нас дошли только мифы, которые передавались из поколения в поколение в сказаниях и песнях. Не знаю, найдется ли среди них хоть что-нибудь полезное.

– Все равно мне хотелось бы послушать. Если ты не против.

Некоторое время Никли смотрел на волны.

– Это случилось из-за падения Сияющих, – начал он. – Аймиа всегда... отличалась. Люди, которые там жили, близко общались с Сияющими и, возможно, хранили слишком много тайн. Они считали, что тайны их защитят, но потом их союзники пали. А тайны бесполезны против мечей. Они вдруг остались одни в мире, причем с огромными богатствами. Это был лишь вопрос времени. Может, некоторые захватчики по-настоящему испугались странностей Аймиа, но большинство видели только сокровища. Фабриали, существа, способные противостоять осколочной броне и пить бурсвет. – Он помедлил, переведя взгляд на Чири-Чири. – То есть... так говорится в легендах. Я не очень-то им верил, пока не встретил вас.

– Как увлекательно. – Рисн достала чистый лист бумаги, чтобы записать рассказ.

– Ученые по всему миру обсуждают Аймиа на пониженных тонах. Интересно, они когда-нибудь опрашивали твой народ?

– Они наверняка разговаривали с выжившими, – ответил Никли, опустив голову.

– А еще на острове жили бессмертные, которые теперь скитаются по миру. Но я мало что об этом знаю, светлость.

– Не важно. Что произошло? Как погибла эта страна?

– Не знаю, пригодятся ли вам мои скудные сведения...

– Пожалуйста, – попросила Рисн.

Никли продолжил, глядя на море. Смелый спрен волн преодолел весь каменистый пляж до их ног, потом развернулся и удрал обратно к воде.

– Аймиа не должна была существовать, светлость. Она должна была всегда оставаться такой, как сейчас. Пустынной. Слишком холодной, чтобы что-то вырастить. Это не Тайлена с ее теплыми океанскими течениями. Но древние аймианцы знали, как сделать страну цветущей, живой. Есть истории о фантастических устройствах, которые превратили Аймиа из пустоши в рай. Думаю, она была прекрасной. Я представлял ее такой, когда слушал легенды. Но...

– Но? – подтолкнула Рисн.

– Захватчики быстро поняли, что, если уничтожить устройства, для Аймиа это обернется катастрофой. – Никли пожал плечами. – Вот и все, что я знаю. Без этих... фабриалей, или как их правильно назвать? Без них остров не способен прокормить народ. Многие погибли в войнах. Другие бежали. И там всегда бушевали необычные шторма, так что остров стал непригодным для жизни. Его разграбили и покинули. Выжившие перебрались в наши края. И оплакивали свой потерянный рай.

Грусть в его голосе заставила Рисн оторваться от записей. Глянув на нее, Никли извинился и ушел за едой. Рисн проводила его взглядом, постукивая пером по бумаге. Любопытно...

При звуке шагов по камню она подняла голову. К ней приближалась фигура, освещенная сзади костром. Рогоедка по имени Струна, с миской похлебки в руках.

– Похлебка, – пояснила она на алети, протянув миску Рисн. – Я приготовила. Попробуйте?

Рисн взяла миску, чувствуя тепло сквозь дерево. Хорошо. Рыбная похлебка с уникальной смесью специй, которые теперь четко ассоциировались со стряпней рогоедки. Команде Струна бесспорно пришлась по душе: готовила она гораздо лучше, чем прежний кок.

Рисн молча ела. Струна уселась рядом на камнях.

– Капитан? – позвала она.

– Я не капитан, – мягко ответила Рисн.

– Да. Я забываю слово. Но... светлость. Штука, которую мы видели. Труп стал кремлецами? Я такое знаю.

– Знаешь?

– На Пиках у нас есть боги. И некоторые... Я объясняю, что эта штука... О, эти слова! Почему никто не говорит на понятных?

– Пики рогоедов в Йа-Кеведе, верно? – Рисн перешла на веденский. – Давай попробуем так, если тебе легче.

Струна вытаращила глаза, и за ее спиной кольцом дыма вспух спрен благоговения.

– Вы говорите на веденском?

– Конечно. Он...

Рисн оборвала себя полуслове, не став говорить, что веденский очень похож на алети и выучить один язык легко, когда знаешь второй. Легко – термин относительный, и в последнее время она четко уяснила: что одному легко, другому трудно.

– Языки – часть моего обучения на торгмастера. Алети, веденский, азирский. Даже немного ириали.

– О, мала'лини'ка. – Струна взяла ее за руку. – Хоть кто-то говорит на нормальном языке. Жаль, я раньше не знала. Послушайте. Существо, что мы видели? Мертвый сантид? Это бог, не-капитан Рисн. Могущественный бог.

– Интересно. Что за бог?

– Мой народ хорошо знает богов, – зачастила Струна. – Есть боги, которых вы называете спрены. Есть боги, которые как люди. Но некоторые боги... некоторые боги ни то, ни другое. Мы встретили одного из тех, кого называют Боги, Которые Не Спят.

– И они прячутся на чердаках? – спросила Рисн. – И пожирают жильцов домов?

– Тули'ити'на, глупая болтовня низинников. Послушайте. Это рой существ, но с одним разумом. Они путешествовали по нашей земле, всегда в виде ползучей кучи кремлецов. Они не злые, но очень-очень скрытные.

– Спасибо за информацию, – задумчиво проговорила Рисн. – Можешь еще что-нибудь рассказать об этих богах, которые не спят?

– Возможно. Я знаю, что низинники не слушают наши истории и считают их выдумками, но, пожалуйста, поймите. Эти боги охраняют сокровища. Огромные, ужасные сокровища.

– А вот это обнадеживает.

– Да, но эти боги очень опасны, не-капитан. Они связаны с апалики'токоа'а, которые ведут к сокровищам... И в сказаниях говорится об испытаниях. Проверках.

– И что, по-твоему, нам стоит сделать? Повернуть обратно?

– Я... не знаю. – Струна заломила руки. – Сама я их не видела. Возможно, мой отец знает больше, можно ему написать.

– Где он? – спросила Рисн. – Если с ним можно связаться по даль-перу, я дам тебе свое. Я выслушаю любые сведения об этих существах, какими бы несущественными они не показались вначале.

– Мой отец в Уритиру. – Струна опять схватила ее за руку. – Спасибо. Да, это поможет. Он... – Она замолчала, пристально глянув на небо.

– Струна? – позвала Рисн.

– Спрены. В небе.

– Не вижу. – Нахмурившись, Рисн задрала голову. – Звезда сдвинулась?

– Нет, не спрены звезд. Апалики'токоа'а. Лопен назвал их спренами удачи. – Струна нахмурилась. – Они кружатся по небу, бросаются к океану и возвращаются. Им не нравится наша задержка. Они хотят, чтобы мы плыли дальше.

– Погоди-ка. Я раньше видела, как спрены удачи летают с небоутрями. Сейчас их нет в небе.

– О, вы не знали? Я вижу спренов, даже тех, которые не хотят, чтобы их видели. Это дар моей семьи и других в роду. – Она указала в небо. – Я насчитала двенадцать спренов удачи.

– Интересно, – произнесла Рисн. – Так вот почему Сияющие взяли тебя с собой?

– Ну, еще мне кажется, что Лопен хочет произвести на меня впечатление. Скорее всего? В любом случае да. Сначала я сомневалась, но меня уговорили. Сияющие и Рушу хотели, чтобы я смотрела за спренами, которые могут быть в Аймиа. И вот я здесь. – Струна улыбнулась. – Вы даже не представляете, как приятно поговорить.

Что ж, одна загадка разрешилась. Присутствие Струны на борту наконец обрело смысл. Но Рисн не могла понять, почему Сияющие держали это в тайне – разве что потому, что работают на алети. Похоже, они хранят секреты из принципа.

«Ты работаешь с тайленскими гильдиями», – напомнила себе Рисн. Не только алети пользуются информацией как оружием.

Внезапно ей в голову пришла одна мысль.

– Струна, ты можешь определить, если кто-то скрывается за иллюзией? Например, если это не человек, а только притворяется человеком с помощью светоплетения?

– Вряд ли. – Струна снова посмотрела на небо. – Нужно плыть дальше, светлость не-капитан. Эти спрены не высшие боги, но близки к ним. Они гонят нас вперед. Но нужно быть осторожными...

Струну окликнули, и Уйо, присматривавший за похлебкой в ее отсутствие, помахал рукой, чтобы она вернулась. Струна извинилась и поспешила к костру. Рисн помешала содержимое миски и вернулась к еде, но вдруг поняла, что не может насладиться вкусом.

Станным образом она разрывалась между собственными ожиданиями и весьма реальной тревогой, не прыгнула ли она выше головы. Неужели она упрямо прет вперед, чтобы проявить себя, и подвергает всех опасности? Встим выбрал очень неудачное время для того, чтобы переключиться на политику. Моряки нуждаются в нем, и Рисн очень плохая замена.

Кроме того, она очень волновалась за Чири-Чири. Но верно ли подвергать опасности так много людей ради спасения одного существа? Королева алет и Струна гнали ее вперед, но они не в ответе за жизни команды «Странствующего паруса». А вот Рисн в ответе.

Нужно позаботиться о команде. Даже если она не добилась их доверия и уважения. Нужно быть той женщиной, какой ее считает Встим. Несмотря ни на что.

Ей пришлось прервать размышления, когда к ней подошли Лопен, Уйо и Рушу. Сегодня она села отдельно от остальных, но уединиться так и не получилось.

Рисн спрятала сомнения за маской торговца и приветливо кивнула. Они негромко переговаривались на алет.

– Он до сих пор чувствует вину, – произнес Лопен. – Но я так и знал. «Уйо, – сказал я ему, – когда ты делаешь сэндвич, все время случайно кладешь плоскохлеб в середину. А как ты будешь собирать обратно фабриаль?»

– Правда, – признал Уйо. – Хлеб посередине вкусно.

– Но пальцы же намокают!

– Мокрые пальцы вкусные.

Не обращая на них внимания, Рушу опустилась на колени у кресла Рисн. Это было удобное кресло, мягкое и более вместительное, чем то, что с колесиками на задних ножках. Достаточно широкое и устойчивое, чтобы Рушу могла легко заглянуть под него.

– Если не возражаете, – произнесла ревнительница и, не дожидаясь ответа, занялась днищем кресла.

Рисн покраснела и плотно подоткнула юбку вокруг ног. Она возражала. Другие обычно не понимали, насколько она сроднилась со своими креслами. Возиться с креслом – все равно что прикасаться к ней самой.

– Я бы предпочла, чтобы вы сначала спросили, ревнительница Рушу, – заметила Рисн.

– Я спросила...

– Спросили. Но не дождались ответа.

Помедлив, Рушу вылезла из-под кресла.

– О, прошу прощения. Светлость Навани предупреждала, чтобы я обращала внимание на свое поведение. Со мной такое бывает. – Она присела на корточки. – Я хочу кое-что попробовать с вашим креслом. С фабриальями. Можно?

– Можно, – согласилась Рисн.

Рушу вернулась к работе. Подошел Никли и взглядом спросил, не нужна ли помощь. Рисн покачала головой. Пока что нет.

– Ревнительница Рушу? – позвал Лопен. – Не могу не заметить, что ты так и не объяснила ни мне, ни светлости Рисн, что хочешь сделать.

– Твоих слов хватит на нас обоих, Лопен, – отозвалась Рушу.

– Ха! – воскликнул Уйо.

Лопен с ухмылкой приложил руку к голове.

– Парень должен перепробовать все слова, селла, чтобы узнать, какие подходят, а какие нет.

Рушу проворчала что-то в ответ из-под кресла.

– Слова как еда. – Лопен уселся на камни. – Надо попробовать их все. А еда со временем меняется, знаешь ли, – на вкус, на смысл.

– Люди меняются, – сказала Рушу. – Вкусы меняются. Но не еда.

– Неа, это все еда, – возразил Лопен. – Потому что я – по-прежнему я, знаешь ли. Я всегда был собой. Я твердо уверен лишь в одном: я – это я. Поэтому если вкус меняется, то с уверенностью можно сказать лишь одно: еда поменяла вкус, понимаешь? А значит, изменилась.

– Хм-м... Лопен?

– Что, селла?

– Тебе кто-нибудь читал «Рефлексию» Плидикса?

– Неа, – ответил Лопен. – А что?

– Просто ты говоришь так, будто ты поклонник...

– Поклонник? Еще ни одной женщине не удалось приручить Лопена, селла. А теперь, когда у меня самого две руки, и подавно.

– Ладно, не важно, – отмахнулась Рушу. – Рисн, мне следовало объяснить. Прошу прощения и за это. Видите ли, сегодня я обнаружила кое-что настораживающее.

– Когда увидели сантида? – уточнила Рисн.

– Хм-м-м? О нет. Тогда я прилегла вздремнуть. Нет. Утром эти два ветробегуна решили поиграться с моими даль-перьями.

– Поправочка, – встрял Лопен. – С ними игрался Уйо. А я как ответственный кузен подшучивал над ним.

– Хорошо, – согласилась Рушу. – Значит, в этом гениальном открытии виноват один Уйо.

– Именно он... – Лопен помедлил. – Гениальном?

– Гениальном? – переспросил Уйо.

– Он оставил в механизме алюминиевую фольгу. И она замечательным образом мешает взаимодействию сопряженных рубинов.

Рушу отодвинулась от кресла, встала и помахала куда-то вдаль.

Кресло закачалось.

– О! – воскликнула Рушу. – Это мне тоже следовало объяснить заранее. Навани бы расстроилась из-за меня. Рубины связаны с цепью и якорем – не главным якорем, не пугайтесь! Мы же не хотим отправить вас в стратосферу. Посмотрите вон туда, на дерево. Видите? Я попросила матросов вытащить маленький якорь и подвесить его на веревках к ветвям.

Издали помахал матрос. Рисн разглядела на дереве небольшой якорь. Рушу указала вверх, и матросы что-то сделали с веревкой...

Кресло Рисн поднялось в воздух на пару футов. Она закричала, вцепившись в подлокотники. Спавшая на камне Чири-Чири наконец проснулась, подняла голову и застрекотала.

– Очень неустойчивое, – пожаловалась Рисн. – Оно должно так раскачиваться?

– Нет. – Рушу расплылась в ухмылке. – Уйю, ты понимаешь, что сделал?

– Заставил... раскачиваться? – спросил тот и вдруг широко распахнул глаза. – Оно раскачивается! Раскачивается по сторонам!

Он что-то радостно выкрикнул на гердазийском и схватил Рушу за руку, едва сдерживая восторг.

Сидевший на камнях Лопен сложил руки на груди.

– Кто-нибудь объяснит, что такого восхитительного в этих раскачиваниях? – Он поворачивал бедрами. – Впрочем, выглядит забавно. Лопен одобряет раскачивания.

– Светлость, можно прикоснуться к креслу? – спросила Рушу. – И подтолкнуть вас вбок?

– Пожалуйста, – разрешила Рисн.

Рушу осторожно толкнула кресло – и оно сдвинулось. Рисн отлетела на пару футов.

– Но это же невозможно! – воскликнула Рисн. – Вы говорили...

– Да, – подтвердила Рушу. – Считается, что сопряженные рубины точно повторяют движения друг друга. Чтобы переместить вас на два фута влево, нужно передвинуть тот якорь на два фута вправо, но мы ничего такого не делаем.

Зависнув в воздухе, Рисн пыталась осмыслить последствия.

Сказав что-то на гердазийском, Уйю прижал руку к голове. За его спиной появились два спрена благоговения.

– Это меняет... все.

– Ну, может, и не все, – сказала Рушу. – Но да, это важно. Алюминий вмешивается в работу механизма, делая сопряжение неравномерным. Парные рубины по-прежнему транслируют вертикальные движения, но не горизонтальные. Таким образом, вместе с якорем вы будете двигаться вверх-вниз, а в горизонтальной плоскости – в любом направлении, в каком захотите.

– Мне нужен шест, – решила Рисн. – Надо посмотреть, получится ли у меня самой.

Лопен поднял для нее одну из упавших веток. С ее помощью Рисн сначала добила устойчивость, а потом, прикусив губу, оттолкнулась от камней.

Сработало. Она парила в нескольких футах над землей, словно скользила по воде в собственной гондоле. Пришлось остановиться с помощью ветки, потому что кроме сопротивления воздуха ничто ее больше не сдерживало.

Рисн попыталась развернуть кресло, но оно отказывалось вращаться. Это удалось сделать, только приложив некоторые усилия, и она вернулась на прежнее место.

– Хм-м-м, – протянула Рушу. – Чтобы вращаться, нужно повернуть якорь. В механизме все равно должно быть сопряженное вращение. Можно поэкспериментировать с алюминием, скорее всего, мы это исправим. В любом случае открытие изумительное.

Лопен встал.

– Так ты говоришь, что Уйю, сломав фабриаль, в то же время его починил?

– Благодаря удаче случается гораздо больше научных открытий, чем можно себе представить, Сияющий Лопен, – сказала Рушу. – Я вот гадаю, сколько удивительных изобретений мы прозевали, потому что искали нечто другое и не поняли, что сделали. Вполне возможно, я бы не осознала ценность того, что сотворил Сияющий Уйю, если бы не размышляла именно о кресле светлости Рисн. Как раз когда он принес сломанное даль-перо, ее трудности навели меня... Светлость? С вами все хорошо?

Оба посмотрели на Рисн. Та с трудом сдерживалась, пока они болтали, и в итоге сдалась, из глаз хлынули слезы. Чири-Чири застрекотала, подпрыгнула, помогая себе крыльями, и схватилась жвалами за кресло. Рисн подобрала ее одной рукой, другой держась за ветку.

– Со мной все хорошо. – Она старалась говорить с достоинством, несмотря на слезы и спренов радости. – Просто...

Как объяснить? Она вкусила свободу, нечто запретное вот уже два года. Все остальные свободно разгуливают, нисколько не беспокоясь о том, что они обуза для других. Им никогда не приходится оставаться на месте, когда очень хочется куда-то пойти, но боишься обременять других просьбой. Они и не подозревают, чем обладают. Зато Рисн точно знала, чего лишилась.

– Эй! – Лопен взялся за подлокотник, чтобы удержать кресло на месте. – Готов поспорить, ощущение что надо. Ты это заслужила, ганча.

– Откуда ты знаешь? – спросила Рисн. – Мы знакомы всего пару недель.

– Я разбираюсь в людях, – ухмыльнулся Лопен. – Кроме того, этого все заслуживают.

Он кивнул Рисн, и к нему зашагал по воздуху маленький спрен ветра в облике однорукого юноши. Или... нет, это не спрен ветра, а кое-что другое.

Спрен Сияющего. Такой спрен показался ей впервые. Этот очень церемонно поклонился, а потом распался на несколько копий, и все подняли руки, чтобы ей помахать.

– Прости Руа, – сказал Лопен. – Он малость со странностями.

– Я... спасибо, Руа, – проговорила Рисн.

– Светлость, я пока вытащу самосветы из кресла, – произнесла Рушу. – В будущем нам понадобится по крайней мере три для стабилизации, и нужно укрепить оправы. Потом придумаем, как лучше сделать, чтобы где-нибудь на корабле поднимали-опускали якорь по вашему приказу, и вы сможете парить, когда захотите.

– Да, конечно, – согласилась Рисн, но вцепилась в Чири-Чири, когда забрали самосветы и пришлось вернуться на землю.

Она справится. Ее ждет кое-что получше. Она прикоснулась к независимости, и это было прекрасно. Даже если получится просто перемещаться по палубе, самостоятельно подтягиваясь вдоль борта, это уже огромное улучшение.

А люди, которые так помогли ей по даль-перу в последние месяцы? Люди, которые подарили ей разработанное ими снаряжение, подтолкнув к самостоятельности? Скоро она отплатит им сторицей. Бури, отплатит так отплатит.

– Кажется, я останусь без работы, – заметил подошедший Никли.

Рисн кольнуло беспокойство за него.

– Пока что я смогу передвигаться только по кораблю – если вообще получится. Но подозреваю, что мне еще некоторое время понадобятся твои сильные руки, Никли.

Впрочем, он улыбался.

– Больше всего на свете мне бы хотелось потерять эту работу. – Помедлив, он добавил: – Это важное открытие для многих людей. Вам следует как можно быстрее поделиться им по даль-перу, чтобы идея не пропала, если с нашей экспедицией что-нибудь случится.

– Разумно, – согласилась Рисн, глядя на затухающий костер.

Стужалась ночь. Скоро придется перебраться на корабль. Сегодня нет бури, и в чужих землях безопаснее остаться в море, чем разбивать лагерь на берегу.

– Ревнительница Рушу, вам, наверно, стоит сейчас же оповестить других. Не нужно затягивать с такими новостями.

Рисн приказала возвращаться на «Странствующий парус», и все занялись сборами. Рушу выполнила указание Рисн, пока Лопен объяснял морякам, что случилось.

Никли опустился на колени рядом с креслом.

– Светлость, я понимаю, что мне не полагается вмешиваться в дела светлоглазых, но...

– Продолжай, – сказала Рисн.

– Можете поделиться тем, что сказала вам эта рогоедка? Раньше?

– Мы обсуждали спренов и ее богов. А что?

– На днях, – прошептал он, – я подслушал, как она говорит кое-что подозрительное. Она очень хотела, чтобы экспедиция продолжалась. Прямо чересчур. Что-то здесь не так, словно... не знаю, светлость, словно мы направляемся в западню.

– Думаю, твои подозрения беспочвенны, Никли.

– Может быть, может быть, – закивал он. – Но в вашей беседе она призывала вас к осторожности? Или советовала плыть вперед?

– Советовала плыть вперед с осторожностью. В этом она не отличается ни от королевы аleti, ни от королевы Навани, ни даже от королевы Фэн. Все ждут от нас успеха.

– И все же они скрывают от нас тайны, лгут нам, – заметил Никли. – Знаю, я по сути никто, светлость. Но если бы я принес вам доказательства злого умысла рогоедки, вы бы согласились, что здесь что-то нечисто?

– Думаю, да, – нахмурилась Рисн.

С чего бы Никли так беспокоиться? Хотя... Струна сослалась на невидимого спрена, которого видела только она, чтобы убедить ее плыть дальше. А Навани утаила часть правды. А может, и не одну?

Но какой в этом смысл? Струна в компании с Сияющими, и они ей доверяют. Зачем Навани отправлять ее на задание и потом пытаться его сорвать? Разве что между ними больше разногласий, чем кажется.

Или...

У нее родилось подозрение.

– Спасибо, Никли. С твоей стороны разумно сообщить мне обо всем этом.

– Я беспокоюсь, что нас держат за дураков, светлость, – прошептал он. – Мне не нравится, когда нами манипулируют, чтобы мы делали работу Сияющих. Может, стоит повернуть обратно?

– Сначала достань мне доказательства. И пока никому больше об этом не говори.

10

Рисн подтянула себя вдоль борта, и ее кресло, парящее в полутора футах над палубой, плавно скользнуло следом. Она добралась до носа и разомкнула механизм, который Рушу и Уйо установили в сиденье. С помощью крутящегося сервировочного блюда верхушка сиденья вращалась, а низ с самосветами оставался неподвижным.

Рисн развернулась в другую сторону и принялась подтягивать себя обратно. Это оказалось нетрудно, так как не было никакого сопротивления. Однако она крепко держалась за ограждение, поскольку из головы не шла картинка: корабль поворачивает, а она, несмотря на препятствие на пути, выскакивает за борт и висит над океаном.

Вскоре она добралась до места, где сидел Никли. Он улыбался, и яркие белые татуировки на лице словно мерцали.

– Вы так светитесь радостью, светлость, – сказал он с легким акцентом. – Помоему, я такого еще ни разу не видел.

Улыбнувшись, Рисн снова развернула сиденье, но на этот раз заблокировала его и устроилась спиной к беспокойному океану, чтобы понаблюдать за работающими матросами. Корабль качнуло на волнах, отчего ее кресло поехало вбок, и Рисн пришлось схватиться для устойчивости за Никли.

Механизм требовал доработки: нужно сцеплять сиденье с ограждением, когда она останавливается. Все равно ее распирало от восторга. Рушу оснастила мачту грузом, который был связан с креслом с помощью сопряженных рубинов, и Рисн при желании могла воспарить на высоту шканцев. К сожалению, опуститься обратно без посторонней помощи не получалось – кто-то должен был поднять противовес, – но пока она наслаждалась небывалой мобильностью, которой не испытывала со времен несчастного случая.

Чудесное ощущение. Настолько приятное, что она развернулась и снова потянула себя в другую сторону. И заметила, что за ней наблюдают моряки. Это из-за необычного летающего кресла? Или потому что она мешала работе, болтаясь у них под ногами? Хотя один вот кивнул, когда она проскользнула мимо. А другой одобрительно вскинул в ее сторону кулак.

«Они меня подбадривают», – осознала Рисн.

В этот миг она наконец ощутила родство с командой. Узы понимания. Что за люди искали работу на парусном судне? Те, кто тосковал по свободе, кто не довольствовался тем, чтобы сидеть там, где скажут, кто стремился повидать новые места. Те, кого манил горизонт.

Может, у нее разыгралось воображение, однако еще один матрос, проходя мимо, вскинул кулак. Жест словно придал ей ускорение, пока она пересекала палубу.

Развернувшись и заскользив обратно, Рисн заметила, как на главную палубу вышла Струна.

Пора. Рисн кивнула Никли, и тот незаметно исчез в трюме. Подозрения Рисн вот-вот подтвердятся. Она старалась не думать о том, сколько боли это ей причинит.

Струна остановилась на носу. Не обращая внимания на натруженные от постоянных остановок и подтягиваний руки, Рисн потянула себя к Струне и вскоре зависла рядом.

Ее кресло было немного выше, чем она привыкла. Если все получится, однажды она сможет вести беседы на одном уровне глаз со всеми остальными, даже если те стоят. И перестанет чувствовать себя ребенком среди взрослых.

Струна смотрела на северо-запад. Последние пару дней на горизонте виднелась Аймиа – большой, продуваемый всеми ветрами остров размером примерно с Тайлену. Встим сообщил Рисн все, что было известно о случившейся здесь много веков назад катастрофе, и эти сведения соответствовали тому, что рассказал Никли. Холодные прибрежные воды и полная открытость бурям оставили Аймиа пустынной. И до сих там почти никто не живет.

Меньший остров, который они считали Акиной, располагался дальше вдоль побережья, хотя на картах он был безымянным. До недавнего времени большинство ученых полагало, что это один из множества пустынных островов вокруг Аймиа и там нет ничего, кроме крема и пыли. Из-за частых штормов и коварных подводных скал место не пользовалось популярностью среди моряков.

Рисн различила облака на горизонте – первый намек на то, что они приближаются к месту назначения. Необычная погодная аномалия, за которой, по их мнению, скрывается Акина. Струна смотрела на облака, держась за ограждение. Ее длинные рыжие волосы развевались на ветру.

– Струна, дальше может быть опасно, – отметила Рисн по-веденски. – «Странствующий парус» – корабль крепкий, один из лучших во флоте, но ни на одном судне не бывает полностью безопасно в бурном море.

– Я понимаю, – тихо отозвалась Струна.

– Можно зайти в порт, – добавила Рисн. – На Аймиа есть небольшой наблюдательный пункт, где королева держит несколько человек. Они высматривают в море патрули пустоносцев. Мы могли бы сделать там остановку, чтобы отправить сообщения по даль-перу, и высадить тебя.

– Почему... меня? Почему спрашивать меня?

– Потому что после нашего последнего разговора мне показалось, что тебя вынудили участвовать в этом путешествии. И я хочу удостовериться, что ты и правда хочешь плыть с нами дальше.

– Меня не вынудили. Я сомневалась, так что спасибо за заботу. Но я хочу двигаться вперед.

Рисн крепко держалась за ограждение, наблюдая за беспокойным океаном. И за зловещими облаками.

– Сияющих я понимаю. Им отдали приказ, как и моим морякам. Рушу заинтересована с научной точки зрения, а я здесь из-за Чири-Чири. Но ты не Сияющая,

Струна. Ты не солдат и не ученый. Ты даже не алети. Так зачем присоединяться к столь опасной экспедиции?

– Им был нужен человек, который видит спренов, – объяснила она, глянув на небо.

– Пятнадцать сегодня...

– Я понимаю, почему тебя отправили. Но не почему ты согласилась. Понимаешь?

Почему ты захотела присоединиться к нам, Струна?

– Хороший вопрос. – Струна перегнулась через борт. – Вы торговец. Всегда смотрите, что мотивирует людей, так? Когда я жила на Пиках, я любила мой дом. Мой мир. Я никогда не хотела уехать. Но потом уехала, к отцу. И знаете, что увидела?

– Мир?

– Пугающий мир. – Струна прищурилась. – Он необычное место. И я поняла, что он мне нравится.

– Нравится, когда боишься?

– Нет. Нравится доказывать, что я могу преодолеть страшные штуки. – Она улыбнулась. – Но насчет того, почему я поехала? В эту поездку? Сокровища.

– Сокровища? – Рисн обернулась через плечо: Никли еще не вернулся. – И все?

– У нас рассказывают истории про это место, Акину. Великие сокровища. Я хотела немного себе.

Какой прозаический ответ, но Рисн решила, что не стоит удивляться. Богатство – движущий мотив всего человечества. Отчасти поэтому она стала торговцем, согласилась на обучение.

Однако... слова этой высокой рогоедки вызывали ощущение неправильности. Она казалась такой вдумчивой, такой обособленной. Неужели все исчерпывается жадной денег?

– Что ж, – сказала Рисн, – если мы и правда найдем сокровища, то все разбогатеет.

Струна коротко кивнула. Она стояла почти как фигура на носу корабля. Рисн снова глянула через плечо и наконец увидела, как Никли поднимается по трапу. Он поймал ее взгляд и настойчиво махнул рукой.

Извинившись, Рисн развернула кресло и подтянула себя к Никли. Тот наклонился к ней и вытащил что-то из кармана – маленький мешочек.

– Что это? – тихо спросила Рисн.

– Черногибник, – прошептал он. – Опасный яд, неразбавленный. Я нашел его среди вещей рогоедки. Светлость... Я думаю, скорее всего, именно им убили корабельную питомицу. Группа из Уритиру прибыла на корабль после ее смерти, но накануне вечером они уже были в городе.

– Почему ты так уверен, что им убили Визглю?

– Я слышал об этом яде. Говорят, от него темнеет кожа, а кожа бедной Визгли вроде как раз поменяла цвет, когда ее нашли. Светлость, все ясно. Сияющие нам лгут. Почему они так стараются сорвать экспедицию?

– Действительно, – прошептала Рисн.

Она вытащила из кармана красный платочек и помахала Кстледу. Старпом ждал знака: он сбежал по трапу со шканцев, держа руку на мече, и к нему присоединились двое

его лучших бойцов. Лопен и Уйо, парящие рядом с кораблем, вместо того чтобы, как обычно, улететь на разведку, тоже опустились на палубу.

– Ребск? – позвал Кстлед. – Пора?

– Да, – ответила Рисн. – Взять его.

Никли только и успел, что вскрикнуть. Кстлед в мгновение ока прижал его к палубе и связал запястья крепкой веревкой. Это привлекло внимание других матросов, но двое бойцов дали им знак вернуться к работе, что те и сделали, зная, что получат объяснение позже. В замкнутом пространстве новости распространяются быстро.

– Что? – возмутился Никли. – Светлость? Что вы делаете? Я разоблачил для вас предателя!

– Да, разоблачил.

Рисн несколько дней готовилась к этому событию – с тех самых пор, как уверилась в том, что «приметы» создает Никли. Все равно было больно. Преисподняя, он казался таким искренним.

Кстлед закончил связывать Никли и вздернул его на колени. Никли глянул на Рисн, и всего его дальнейшие возражения умерли на губах. Понял, что она ему не поверит.

– Из всех, с кем я говорила, Никли, – произнесла Рисн, – только ты постоянно пытался заставить меня повернуть обратно. И когда ты понял, что приметы не действуют, убедил меня искать виноватого. И выдумал его для меня.

Он не ответил, склонив голову.

– Вчера я поручила Кстледу тщательно обыскать каюту Струны, и мы не нашли в ее вещах ничего похожего на этот мешочек с ядом. А ты словно по волшебству его обнаружил. И вдруг сделался экспертом насчет того, как убили корабельную питомицу.

– Вижу, вы хорошо выучили все уроки Встима, светлость, – наконец проговорил Никли.

– Когда предает тот, кому доверяешь, эту боль не выразить словами, – прошептала Рисн. – Однако это не причина притворяться, что подобное никогда не случится.

Никли съезжился еще больше.

– Почему, Никли?

– Я... потерпел неудачу. Больше я ничего не скажу, Рисн, но от чистого сердца умоляю вас повернуть обратно.

– Я могу его разговорить, светлость, – предложил Кстлед.

– Уверяю вас, мой добрый старпом, – акцент Никли полностью испарился, – не в ваших силах вытащить из меня ответы.

Сияющий Лопен подошел ближе. Рисн не поделилась с ним планом целиком, но многое объяснила. Она не понаслышке знала, насколько опасны Сплавленные светоплеты. Если Никли один из них, Рисн хотела, чтобы наготове ждал Сияющий рыцарь.

По ее просьбе Лопен вытащил Чири-Чири из тряпичного гнезда на шканцах и принес Рисн. Кстлед вздернул связанного Никли на ноги. Рисн протянула к нему Чири-Чири, и ларкин вяло застрекотал.

– Есть что-нибудь? – спросила Рисн.

Чири-Чири лишь прищелкнула, другого ответа они не дождалась. Рисн угостила ее сферой, и та благодарно ее вышила.

– Похоже, он не прячет ни буресвет, ни пустотный свет, – сказала Рисн бойцам. – Но я не уверена полностью.

Она почесала Чири-Чири там, где панцирь переходил в кожу. Если Никли втайне служит врагу, Чири-Чири вышила бы его свет.

По ее команде Кстлед отправил двух бойцов обыскать вещи Никли. Рисн внимательно наблюдала, но пленник не выказывал способностей пустоносцев, просто обмяк в путях.

– Скажи, Никли. Когда мы обыщем твои вещи, что найдем? Доказательства, что это ты отравил корабельную питомицу и заразил зерно червями?

Никли избегал ее взгляда.

– Ты хочешь, чтобы я повернула обратно. Почему? И как ты провернул трюк с сандидом?

Не дождавшись ответа, Рисн глянула на Лопена.

– Нельзя понять, Сплавленный он или нет, ганча, – сказал тот. – По крайней мере, я не могу понять. У королевы Ясны, само собой, получилось бы. Но для меня и Руа он выглядит как обычный человек. Не поможет, даже если мы его разрежем. У обычного певца кровь другого цвета. А у светоплета? Он может изменить цвет.

– Пусть его осмотрит Струна, – попросила Рисн. – Возможно, она заметит каких-нибудь необычных спренов?

– Хорошая идея.

Лопен убежал за Струной. К несчастью, Рисн не питала больших надежд. Струна находилась в непосредственной близости от него все путешествие. Если там было что заметить, она бы уже давно заметила.

И правда, после краткого осмотра Струна лишь пожала плечами.

– Не вижу ничего необычного, – сказала она по-веденски. – Прошу прощения.

– Мы заперли его помощника, светлость, – тихо произнес Кстлед. – На всякий случай.

– Плэмри ничего не знает, – пробормотал Никли.

– Что нам с ним делать? – спросил Кстлед.

При других обстоятельствах Рисн бросила бы его в корабельный карцер. А заодно и Плэмри, поскольку сомневалась, стоит ли ему доверять. Однако корабль приближается к загадочному шторму. Все внимание команды будет сосредоточено на том, чтобы преодолеть его, а потом исследовать остров. Нужен ли ей потенциальный пустоносец взаперти?

К сожалению, если он пустоносец, в его казни нет смысла – он просто займет новое тело в следующую Бурю бурь. А если нет, она бы с удовольствием допросила его после завершения задания.

– Струна, – позвала Рисн. – Можно тебя на минутку?

Она передвинулась немного в сторону, и к ней подошла Струна.

– Если он служит одному из этих... богов, о которых ты рассказывала, – прошептала Рисн по-веденски, – тех, что охраняют сокровища? Есть ли способ узнать?

– Понятия не имею, – тихо ответила Струна. – Боги, Которые Не Спят, сильные. Ужасные. Не умирают. Их нельзя поймать. Вечные, без тела, управляют кремлецами и насекомыми.

Восхитительно.

– Сияющий Лопен, – позвала Рисн, – перенесите, пожалуйста, вместе с Уйо наших пленников на главный остров Аймиа. Захватите кандалы и привяжите их в любом подходящем месте. Оставьте им немного еды и воды. Мы вернемся за ними после того, как исследуем Акину.

– Само собой, ганча, – отозвался Лопен.

Решение не идеальное: она понимала, что, пока они вернутся, Никли наверняка сбежит. Но, по крайней мере, его не будет на корабле. Неважно, кто он – пустоносец, бог, обычный предатель, – это лучший способ защитить команду. Она отправит послание о месте, где его оставят, на тайленский наблюдательный пункт. Возможно, хотя бы Плэмри невиновен. Нельзя бросать его одного, если что-то случится со «Странствующим парусом».

Один из моряков принес кандалы, и Рисн с беспокойством проводила взглядом Никли и Плэмри. Бури, неужели нужно подозревать всю команду на случай, если кто-то окажется вражеским светошлетом?

Ей оставалось лишь приказать капитану и Кстледу всех допросить и обыскать вещи тех, кто покажется подозрительным. Кстлед отошел к капитану Дрлвэн на шканцы – разумеется, ее оповестили обо всем заранее. Она сообщит команде.

В конце концов моряки, которых отправили обыскать вещи Никли, принесли еще один мешочек с ядом и, что любопытно, азирскую книгу рецептов.

Рисн пролистала ее и обнаружила несколько пометок наподобие «Люди предпочитают соль в избытке» или «Готовить дольше, чем кажется нужным, – они часто любят еду в виду каши». И самая тревожная: «Это скроет вкус» около рецепта пряного блюда.

Ее терзали мысли о возможных последствиях. Если бы Никли не сумел заставить их повернуть обратно, он бы отравил всю команду? Во всем проглядывала ужасная логика: если бы Струну бросили в темницу, им бы понадобился новый кок, а Никли как раз хвастался своими кулинарными талантами. Вполне могло случиться так, что его бы поставили во главе камбуз и все они сами того не желая отравились.

Пора позаботиться о дополнительных мерах предосторожности. Возможно, давать еду на пробу паре крыс перед тем, как кормить команду?

«Кто ты на самом деле? – подумала Рисн, глядя на удаляющуюся фигуру в небе. – И почему ты так не хотел, чтобы мы попали на этот остров?»

11

Когда корабль вошел в окружавший Акину шторм, Лопен сильнее замечал тайленских моряков.

Последние несколько недель они ели за одним столом, вместе карабкались по снастям, драили палубу, а по ночам травили байки, качаясь в гамаках. Он даже

поднабрался тайленских словечек. Решил, раз уж живет на корабле, то, само собой, лучше последовать примеру Уйо и попробовать стать моряком.

Лопен слушал их рассказы о жутких столкновениях с ветром и дождем в море. Во время шторма не плывешь, объясняли они. Просто цепляешься изо всех сил, пытаешься удержать руль и надеешься выжить. В их голосах слышались нотки испуга, но, Преисподняя, когда «Странствующий парус» вошел в необычный шторм, ощущения Лопена оказались в десять раз хуже.

Само собой, он летал в бурях. Он же ветробегун. Но с этим штормом все иначе. Что-то первобытное съезжилось внутри него, когда ветер заставил воду вспениться и забурлить. Что-то дрогнуло, когда темнеющее небо раскрасило океан новыми зловещими тенями. Что-то говорило ему: «Эй, Лопен. Это о-о-очень плохая идея, манча».

Руа, понятное дело, смотрел на все с ухмылкой, приняв облик небоугря с человеческим лицом. Он вился вокруг головы Лопена, а корабль болтало, словно детскую игрушку в ванне.

– Лопен! – крикнул Турлм, пробегая мимо с веревкой. – Лучше уйди с палубы. А то промокнешь!

– Не растаю, хрегос! – крикнул Лопен в ответ.

Турлм рассмеялся и побежал дальше. Хороший мужик, этот Турлм. Отец шестерых – шестерых! – дочерей, оставшихся в Тайлене. Ест с открытым ртом, но всегда делится выпивкой.

Вняв предупреждению, Лопен крепче вцепился в ограждение. Странно видеть корабль, оставшийся почти без парусов, как скелет без плоти. Но этот корабль, само собой, особенный. По идее, фабриальные помпы должны откачивать воду, сколько бы ее ни захлестнуло через борт. А еще есть успокоители качки, работающие на притягивающих фабриалях. Эти должны перераспределять веса в корпусе – безумие, что они установлены внутри корпуса – и не давать кораблю перевернуться.

По приказу капитана появились весла. Они нужны, чтобы ловко маневрировать при таране вражеских судов, но сейчас помогут подстраивать положение корабля, чтобы правильно встречать высокие волны. Столкнувшись со стихией, корабли пытаются «оседлать» шторм. Это значит идти по ветру, только своеобразным способом, описание которого было слишком заумным для Лопена. Но он все равно кивал, потому что уж больно интересные были словечки, особенно из уст захмелевших парней.

Однако этот шторм не из тех, что можно просто оседлать. Надо прорваться сквозь него, добраться до сердцевины. Поэтому они пойдут по его краю вокруг Акины, потихоньку забирая внутрь, дюйм за дюймом к центру. И придется опережать волны, а значит, иногда сталкиваться с теми, что окажутся спереди. Они будут идти «в лоб»: направлять корабль напрямиком на них, разбивая носом. Весла помогут кораблю сохранять нужное положение.

Настоящий подвиг – встречать такие ветра с одним-единственным небольшим штормовым парусом, с которым управляются несколько отважных матросов. Остальные спустились в трюм: либо сидели на веслах, либо занимались фабриалями. Лопен не понимал, каким образом парус придаст кораблю устойчивости, но все говорили, что это

сработает. Еще матросы привязали к бортам мешки с маслом и проткнули их, чтобы масло вытекало, – по их словам, так вода будет не слишком сильно перехлестывать через борт.

Капитан твердо стояла на палубе и выкрикивала приказы против ветра, прямиком в глотку чудовища. И видят Чертоги, матросы решительно и мужественно их выполняли.

Ветер крепчал, бросая в лицо Лопену брызги. Уйо отказался подниматься наверх, сказал, что Лопен спятил, раз хочет быть на палубе. И правда, вода пропитала одежду и добралась до тела. Но бури, какой поразительный вид! Молнии заставляли воду искриться, пронзая светом водную толщу, и в воздух вздымались огромные шапки пены. Само собой, буря на суше невероятное зрелище, но шторм в море... это нечто грандиозное. И внушающее ужас.

– Потрясающе! – воскликнул Лопен, подтягиваясь по борту ближе к рулевому Влксиму.

Еще трое парней стояли рядом, готовые помочь удерживать штурвал. Обычное дело на простых кораблях, но на этом установлен какой-то механизм, облегчающий работу рулевому, так что, может, помощь и не потребуется.

– Это еще что! – прокричал Влксим. Он был лысым, как Уйо, отчего его брови казались Лопену еще смешнее, особенно мокрые. Но он отлично играл на губной гармошке. – Мы обучены плыть на этом корабле хоть в великую бурю, если придется! Я сам побывал в одной! Волны высотой с гору, Лопен!

– Ха! – отозвался Лопен. – Это еще что. Однажды меня угораздило оказаться там, где встретились Буря бурь и великая буря. Скалы текли, как вода и, само собой, целые глыбы сталкивались друг с другом, словно волны. Мне пришлось бежать вверх по одной стороне, а потом скользить вниз по другой. Изодрал все шквальные штаны!

– Хватит! – велела капитан, перекрикивая ветер. – Нет времени размерами меряться. Влксим, один румб влево!

Дрлвэн зыркнула на Лопена, и тот отсалютовал ей: они на ее корабле и здесь она командует даже теми, кто выше нее по званию. Но у него сложилось впечатление, что капитан родилась командиром, вышла из материнской утробы уже в шапочке и всем прочем. Такие люди не понимают, что хвастаешься не ради того, чтобы выставить себя в хорошем свете, а чтобы убедить других, что не боишься, и это совершенно разные вещи.

Палубу захлестнуло волной. Лопен не удержался на ногах, но вцепился в кормовое ограждение и, мокрый насквозь, ухмыльнулся Влксиму, когда тот глянул в его сторону. Лопен с усилием выпрямился и задумался над словами рулевого. Неужели бывают волны еще выше этих? Они поднялись по склону одной, показавшейся ему слишком крутой. Потом рассекли гребень, как Пунио – толпу по пути в нужник после ночной пьянки.

Лопен заулюлюкал, когда корабль, качнувшись, понесся вниз с волны. Руа в восторге вился вокруг него ленточкой света, танцуя со спренами волн, которые рассыпались брызгами высоко в воздухе, когда одна волна сталкивалась с другой. Давненько они так не веселились.

Внезапно Турлма – моряка с веревкой, который недавно пробежал мимо, – накрыло волной и смыло с палубы. За борт, в темную бездну, на поживу морю.

Как бы не так.

Лопен засиял и перемахнул через борт, сплетя себя с морем. Погрузившись, он втянул так много буресвета, что ярко засветился под водой, и увидел, как течение уносит барахтающегося человека. Что ж, не зря он потратил несколько дней на тренировки, пока летал на разведку. Сплетения прекрасно работали под водой. И зачем дышать, когда есть буресвет?

Он сплел себя с темным силуэтом – Руа показывал дорогу – и помчался вперед, словно подводное существо, созданное, чтобы передвигаться в воде легко и быстро. Ну, или как рыба. Их же рыбами называют?

Лопен ухватил барахтающегося моряка за одежду и сплел их обоих с верхом. Руа показывал дорогу: ориентироваться в темноте под водой оказалось на удивление сложно. В следующий миг Лопен вырвался на поверхность вместе с отплывающим Турлмом.

Руа рванул вперед, к кораблю, и это хорошо, потому что разглядеть что-нибудь в темной буре не легче, чем собственную задницу. Лопен перекинул Турлма через борт, с глухим стуком приземлился на палубу и тут же сплел с ней моряка, чтобы тот не соскользнул обратно.

– Бури! – воскликнул Фимкн, приковыляв на помощь. Он разбирался в лекарском деле, и они с Лопеном подружились на почве того, что обоих слишком часто гоняли кипятить бинты. – Как ты... Лопен, ты его спас!

– Ну, а на что мы здесь, – сказал Лопен.

Откашлявшись, Турлм зашелся в приступе смеха. Вокруг него закружились и вихрем унеслись прочь похожие на синие листочки спрены радости. Турлм благодарно схватил Лопена за руку. За старую, времен Четвертого моста, а не Сияющих рыцарей. Фимкн отправил Турлма в трюм – его место уже занял другой моряк, – так что Лопен снял сплетение. Бури, как быстро появился сменщик. Они ожидали потери. Или, по крайней мере, были к ним готовы.

Ну уж не в вахту Лопена. Нельзя, чтобы друзья тонули в безымянном океане во время стылого шторма. Само собой, это основные правила дружбы.

Он поднялся обратно на шканцы. Капитан и остальные привязались веревками. Веревки должны быть короткими, а значит, не годятся для других матросов, которым нужна свобода движений. А с длинной веревкой в такой шторм только сломаешь шею или разобьешься о борт, если тебя смочет с палубы. Без веревки шансов выжить больше, хоть и не намного.

Лопен рассудил, что с капитаном надо быть вдвойне внимательнее. С ее разрешения он приклеил одну ее ногу к палубе, чтобы она могла немного двигаться, но имела надежную опору.

– Так ты мог это сделать с самого начала? – спросила капитан. – Я видела, как ты пытался устоять! Тебя сносило волнами. Почему ты не приклеил себя?

– Это не спортивно! – ответил Лопен, перекрикивая усиливающийся грохот. – Держите курс, капитан. Я пригляжу за командой!

Она кивнула и вернулась к делу – идти по ветру, но, по возможности, на своих условиях. Приходилось верить, что она ведет корабль по спирали, постепенно

продвигаясь к центру. Потому что Лопен ничего не понимал. Море напоминало саму Преисподнюю, облеченную в яростные волны.

Лопен присматривал за моряками, а Руа поручил следить за кое-чем другим. Вскоре, прошив одну волну за другой, маленький спрен чести метнулся к нему, приняв облик небоугря с очень длинным хвостом.

– Что случилось, нако? – спросил Лопен.

Руа показал на воду, и Лопен различил темную тень. Определить размер было сложно, потому что он не знал, на какой глубине находится тень, но Руа настаивал. Это оно. Существо, которое питается буресветом. Из тех, что осушили ветробегунов, когда те пытались разведать шторм.

– Оно плывет? – спросил Лопен, вытирая дождь с глаз. – Откуда ты знаешь, что это одно из них, нако?

Руа просто знал. И Лопен ему верил. Он решил, что, само собой, Руа разбирается в этом, как сам Лопен разбирается в гердазийских шутках про одноруких.

Лейтен и остальные мало что сумели сообщить. По их мнению, это живые существа, не спрены, но трудно сказать наверняка. Впрочем, им приходилось подбираться достаточно близко, так что вряд ли они представляют угрозу для Лопена на палубе. Лейтен рассказывал, что они неясными силуэтами парили в облаках, пока он не повернулся, – и вот тогда налетели сзади и осушили его.

Но те ли это создания, к которым принадлежит питомица Рисн? То, что в воде, казалось намного крупнее. И как-то бесформеннее, что ли? Лопену нужно быть поосторожнее, вылавливая других членов команды: если это существо осушит его, пока он за бортом, последствия будут катастрофическими. Придется выучить парочку гердазийских шуток про покойников, чтобы рассказывать в посмертии.

Плавание тянулось ужасно медленно. Однако Лопен не терял бдительности и оказался наготове, когда Ввлан не удержался на ногах. Матроса удалось поймать прежде, чем его смыло за борт. Лопен приклеил их обоих к ограждению, и на них обрушился поток воды. Лопен похлопал Ввлана по плечу и рассмеялся, но когда встал на колени, чтобы с него стекла вода, то заметил прямо у борта темную тень, плывущую на одной скорости с кораблем.

Он пожалел, что нельзя позвать Струну, чтобы та посмотрела, нет ли поблизости странных спренов. Но он не посмеет вытащить ее на палубу в такой шторм. Это было бы...

Корабль рассек последнюю волну, и ветер вдруг стих. Удивленный Лопен с трудом поднялся на ноги и еще раз протер глаза. Моряки поблизости расслабились, смягчив хватку на канатах, с помощью которых... в общем, что-то делали со штормовым парусом.

– Получилось! – воскликнул Клисн. – Бури, похоже, это сердце шторма!

Вокруг него появился спрен благоговения. Лопен понимал чувства моряка. За спиной ветер гнал по кругу крутые волны. Облака по-прежнему закрывали небо, но корабль спокойно покачивался на мелкой ряби, и даже вода здесь казалась не такой темной, по цвету больше похожей на сапфир.

– Эй, Клисн, – окликнул Лопен. – Не сходишь за Струной? Я обещал позвать ее, как только станет безопасно, но мне надо отклеить вашего капитана от палубы.

Подозреваю, ей это нравится не больше, чем Пунио в то время, когда у меня был спрен, а у него еще нет.

– Конечно, Лопен.

Клиси убежал. Отличный парень. Опытный картежник, да еще с превосходным чувством юмора. И не только потому, что смеется над шутками Лопена. Еще он считает шутки Уйо ужасными.

Лопен взбежал по трапу на шканцы и затормозил около капитана и рулевого. Они уставились на воду: из далекого тумана что-то выплывало. Остров.

Его окружали высокие каменные зубцы, стеной вздымавшиеся из воды. Но между ними открывался огромный проход, словно с десятков зубцов убрали или их никогда там и не было. Пока корабль приближался, море загадочным образом успокоилось. За проходом виднелся небольшой плоский остров, Лопен мог бы обойти его по периметру за час или около того. В центре острова он разглядел нечто похожее на городские стены и какие-то строения.

– Провалиться мне в Преисподнюю, – пробормотала капитан. – Он настоящий.

12

– Чири-Чири, мы на месте, – прошептала Рисн, пока несколько моряков усаживали ее в кресло на шканцах. – Посмотри-ка, я привезла тебя домой.

Чири-Чири сидела у нее на руках и почти не шевелилась. Рядом негромко разговаривали капитан и ее брат. Бури... остров казался таким... нереальным: чересчур спокойный океан, туман вдалеке, необычный частокол из скал. Сам остров был плоским и низменным, не считая возвышенности в центре. Интересно, это стены или природное плато?

Команда собралась на палубе. Среди моряков вились спрены ожидания, похожие на красные вымпелы на несуществующем ветру. Рисн не было слышно, о чем шептались моряки, и она едва не попыталась подтянуть себя вдоль борта поближе. Всего пара дней с парящим креслом, а она уже привыкла.

Что ж, если это место окажется вражеской крепостью, убираться отсюда придется быстро. Парящим креслом рисковать не хотелось, поэтому она приказала унести его в трюм, а самосветы спрятала в кармане. Пока сгодится и старое сиденье на шканцах.

Так она и сидела тихонько, стараясь справиться с чувствами. Наконец они здесь. Рисн привела их сюда. Что бы сделал Встим? Неизвестно. Она училась его мудрости, но теперь нужно просто довериться собственным инстинктам.

Для нее это оказалось страшно, как никогда прежде.

– Капитан, – позвала она Дрлвэн. – Что вы думаете? Есть новости из угревого гнезда?

Капитан подошла ближе.

– Трое человек с подозрными трубами высматривают все подозрительное. Признаков жизни нет, хотя в глубине острова явно виднеются постройки. Странно, что тут такой слабый ветер, но мы можем маневрировать на веслах. Океан кажется коварным, так что лучше продвигаться медленно. Под водой вокруг Аймиа часто

скрываются опасности. Если все пойдет хорошо, можно проплыть прямо через ту брешь. – Она помедлила. – Ребск, впередсмотрящие докладывают, что на пляже, по всей видимости, светсердца. Просто разбросаны среди панцирей мертвых тварей.

Любопытно. Рисн набрала побольше воздуха.

– Я разрешаю медленное приближение. Предупредите, если заметите что-то новое, и, пожалуйста, пусть кто-нибудь попросит Сияющих и их спутниц переговорить со мной.

Она видела, как Лопен, Уйо и Рушу тихонько совещаются со Струной внизу на главной палубе.

Капитан приказала нескольким матросам сесть на весла, и вскоре корабль осторожно скользил к кольцу высоких скал. Они напомнили Рисн обелиски кочевников деши, встречающиеся на некоторых стоянках.

Зловещую тишину, которая так разительно контрастировала с оставшимися позади ревушим ветром и бурлящими водами, нарушал только плеск весел. Пока они подходили к острову, поминутно проверяя глубину по обоим бортам, Сияющие и их спутницы поднялись на шканцы.

– Струна, что ты видишь? – спросила Рисн по-веденски.

– Спренов удачи. – Рогоедка указала в небо. – Но они не приближаются к острову. Их там десятки. Лопен показал мне под водой тень. По его мнению, это может быть существо, которое высосало буресвет из других Сияющих, но спренов я не увидела. Тень быстро исчезла, и мне кажется, это тоа, а не лики. Э-э, вы вроде говорите физическое и не... разумное? Не из мира разума?

– Любопытно, – ответила Рисн, хотя не до конца поняла, о чем речь.

– Эй, – позвал Лопен. – Вы говорите... э... это ведь...

– Веденский, – сказала Рисн на аleti. – Да, говорю.

– Скорее всего, я смогу провести корабль через эту брешь, – произнесла, подойдя, капитан. – Как вы хотите действовать дальше, ребск?

– Я хочу оказаться как можно ближе к острову, капитан.

Дрлвэн подвела корабль к скалам и после очередной проверки глубины мастерски направила его прямо сквозь брешь. Корабль остановился так близко к острову, что Рисн различала выцветшие панцири на берегу – останки древних большепанцирников. Она снова подняла Чири-Чири в надежде, что та как-нибудь отреагирует. Талик сказал, что они должны попасть сюда. Но что дальше?

Похоже, остров Чири-Чири не интересовал, хотя она подняла мордочку к небу и завозилась, тихонько застрекотав. Рисн осторожно положила ее на колени. Чири-Чири почти не шевелилась, но не сводила взгляда с неба. Может, ощущала тех невидимых спренов?

Подошел Кстлед и протянул подзорную трубу. Посмотрев в нее, Рисн ясно увидела панцири и большие бриллиантовые светсердца, разбросанные вокруг. Тусклые, без света, они лежали как раз там, где умерли твари. Что-то во всем этом казалось странным.

– Приказы, ребск? – спросила капитан.

Приказы. Пора брать ответственность на себя. Рисн забыла о трепещущем сердце, о тревоге за Чири-Чири.

– Сияющий Лопен и ревнительница Рушу. Полагаю, вы хотите отправиться на ваше секретное задание?

Они переглянулись и смутились так, что даже привлекли нескольких спренов стыда, похожих на парящие цветочные лепестки.

– Э-э, да, светлость, – ответила Рушу. – Мы хотим попасть вглубь, к тем постройкам.

– Советую подождать, пока мои люди проведут быструю разведку, – сказала Рисн. – Кстлед, возьмите большой отряд и убедитесь, что на пляже безопасно. Неспособные сражаться пусть пока останутся на корабле. Докладывайте обо всем необычном.

Он поклонился и удалился собирать моряков. Когда шляпки спустили на воду, в них забрались Лопен и Уйо. А за ними и Рушу.

– Ревнительница Рушу? – позвала Рисн. – Советую подождать, пока мы убедимся, что на пляже безопасно.

– Отличный совет! Но не волнуйтесь за меня, светлость.

И Рушу уселась на скамью одной из лодок.

Что ж, формально она не подчиняется Рисн. А потому может делать, что пожелает. Струна поступила мудро и не стала настаивать на том, чтобы отправиться вместе с остальными. Опустившись на колени перед креслом Рисн, она перевела взгляд с Чири-Чири на небо.

Есть ли взаимосвязь между спренами удачи и Чири-Чири? Единственные существа ее размера, способные летать, – небоугри, а их часто сопровождают спрены удачи.

Чири-Чири снова застрекотала – хороший знак. Рисн угостила ее сферой и оглянулась через плечо на шторм. Большая его часть скрывалась в тумане, но в разрывах виднелся огромный барьер из бушующего ветра и брызг. Как буревая стена великой бури, только дующей по кругу.

– Надо закончить все как можно быстрее, – сказала Рисн стоявшей неподалеку Дрлвэн. – Как только осмотрим пляж, отправьте несколько моряков на разведку вокруг острова. Мы соберем все интересные артефакты и дадим Сияющим время, чтобы...

Чири-Чири заерзала у нее на коленях: оживилась впервые за много недель, встала и захлопала крыльями. Смотрела она по-прежнему в небо.

– Струна? – позвала Рисн по-веденски. – Она видит спренов удачи?

– Думаю, да. Теперь они летают ниже.

Рисн прищурилась и вроде бы тоже их разглядела. В небе мерцали неясные фигуры со стреловидными головами. Чири-Чири застрекотала громче. Сердце у Рисн забилось быстрее, дыхание участилось. Она заволновалась, не зря ли вся эта экспедиция, поможет ли она Чири-Чири.

Ларкин взмыл вверх. Бури, давненько Чири-Чири так энергично не летала!

Спены удачи задвигались быстрее. Рисн потеряла их из виду, и Струна ахнула. Чири-Чири тут же подобралась и нырнула прямо в воду.

Рисн вскрикнула, ее восторг перешел в панику. Она извернулась и перегнулась вбок, к ней присоединилась Струна. Чири-Чири быстро исчезла в тенях, заплыв под скалы.

– Она последовала за спренами... – прошептала Струна. – Что-то происходит. Что-то странное... – Она прищурилась.

К борту подошла капитан.

– Вы знали, что она умеет плавать?

Рисн покачала головой. Ее пронзило чувство утраты. Что, если... Чири-Чири никогда не вернется? Что, если привезя ее сюда, Рисн непреднамеренно предложила ей свободу – и она ее приняла? Что ж... Рисн постаралась не унывать. Для Чири-Чири это лучше, чем болеть. И если она хотела свободы, Рисн не станет держать ее взаперти.

В то же время с ларкином связано столько воспоминаний. Медленное восстановление после несчастного случая, год подавленности, потом Рисн чуть не погибла от рук пустоносцев. Все это время Чири-Чири была с ней. В тот короткий миг, впервые подумав, что осталась одна, Рисн с испугом поняла, насколько она уязвима. В ней жило стремление прильнуть к тому, кого она любит, и никогда ни за что не отпустить.

Эгоистично? Сделка или обмен считаются успешными, если приносят выгоду обеим сторонам. Впрочем, не все сводится к сделкам и торгам. Иногда легко об этом забыть.

– Ребск? – позвала Длрвэн.

– Я... подожду здесь, капитан. Может, она вернется. – Рисн пыталась совладать с собой. – Пожалуйста, известите меня о ситуации на пляже, как только его осмотрят.

13

Лопен с героическим видом поставил ногу на нос маленькой лодки: копьё через плечо, на другом плече Руа в точно такой же позе. Моряки за его спиной убрали весла, и шлюпка двигалась вперед сама по себе. Зачем заставлять парней грести, если есть сплетения?

К тому же Лопен видел, как под водой за ними следует тень. Здесь мелко, но тень держалась ближе ко дну. Небо затянули облака, и Лопену не удавалось разглядеть, что же это такое.

Тем не менее он был по-прежнему убежден, что тварь питается буресветом. И это вам не малышка Чири-Чири. Эта больше и другой формы. Более плоская? Трудно сказать. Лопен надеялся, что тень вынырнет на поверхность и попробует высосать буресвет, которым он зарядил шлюпку.

Тень не выныривала. словно... боялась. Испугалась его, не хочет столкнуться в открытую. В общем, Лопен за ней приглядывал и попросил Руа о том же. Нелегкая задача, когда их поджидает столько всего интересного.

Впереди приближался каменистый пляж, густо усеянный шквальными светсердцами, словно камнепочками. Хитиновые останки большепанцирников наблюдали за ними огромными пустыми глазницами. Брошенная броня давно умерших чудовищ.

Пока они пересекали бухту, лодка Уйо догнала лодку Лопена и замедлилась до ее ленивой скорости. Кузен Лопена припал к скамье, напряженно сжимая копьё.

– Не верится, да, старший кузен? – спросил Лопен. – Я буду первым, кто ступит на эту землю.

– Лопен, раньше здесь был город, – ответил Уйо. – И не просто город, а столица одного из Серебряных королевств.

– Это да. Но, само собой, тут должен быть участок, куда никто никогда не ступал?

– Я бы не был так уверен. Учитывая, сколько существовали Серебряные королевства и сколько народу в них жило.

– Ладно. – Лопен героически вытянул руку, и Руа повторил его жест. – Полный вперед, дабы ступить на землю, на которую никто не ступал много веков!

– Не считая команды того корабля, – возразил Уйо. – Наверняка они высадились на остров, если их не нашли на борту. И еще есть те, кто их, скорее всего, убил. Не считая их всех, мы будем первыми.

Вздыхнув, Лопен глянул на Руа: тот в раздражении покатавал головой с плеча на плечо, а потом она вообще отвалилась.

– Кузен, – сказал Лопен, – а знаешь, почему тебя так часто приклеивают к стене?

– Чтобы оценить относительную силу Сияющих в зависимости от уровня клятв, измеряя длительность сплетений и количество потраченного буресвета.

– Потому что ты зануда.

– Не, я решил, что это забавно. Когда висишь на стене, начинаешь совсем по-другому относиться к жизни.

Уйо ухмыльнулся, а потом оба они резко повернулись. Тень сменила направление и заскользила к более глубоким водам. Она явно не хотела приближаться к поверхности, чтобы ее рассмотрели.

Сплетение Лопена иссякло ровно в тот миг, когда лодка заскребла по камням и выскочила на берег. Воспользовавшись инерцией последнего рывка, Лопен качнулся вперед и шагнул прямо на пляж. Вот это стильно. Он оглянулся проверить, заметил ли кто-нибудь. Жаль, что Струна осталась ждать на корабле, пока моряки вернутся из разведки.

Моряки выпрыгивали из больших шлюпок и брели вброд до берега. Руа наблюдал за ними с грустью.

– Если хочешь, иди пробегись по воде, нако, – сказал Лопен.

Руа зыркнул на него, по-прежнему сидя на плече, и склонил голову набок.

– Ну, да. – Лопен всегда знал, что Руа имеет в виду, таков был порядок вещей. – Если я ступаю на берег с элегантностью, достоинством и уверенностью, это вовсе не значит, что у наших парней не хватает изящества бежать по волнам. У них моряцкий стиль, а у меня стиль Лопена. – Он щелкнул Руа по носу. – Никогда не позволяй другим говорить, что чувство стиля ограничено, словно оно может иссякнуть, как буресвет. Стиль – лучший ресурс в мире, потому что его можно произвести сколько хочешь, и его, само собой, всем хватит.

Он упер руки в бока и оглядел берег, потом подбежал помочь Рушу сойти с лодки. Стиль ревнителю со всеми их бумажками не сочетается с тем, чтобы вымокнуть.

– Спасибо, Сияющий Лопен, – поблагодарила Рушу, сунув блокнот под мышку. Шедший следом моряк нес ее даль-перо и другие вещи. – Итак, что тут у нас?

– Деньги. – Лопен ткнул копьём в сторону бриллиантового светсердца. – Валяются прямо на шквальной земле.

– Да, любопытно, – проговорила Рушу.

– Мертвое... место? Место мертвых? – Уйо выругался под нос на гердазийском, отчаявшись подыскать правильные слова на аleti.

– О! – воскликнула Рушу. – Держу пари, это место, куда приходят умирать большепанцирники. Я читала о таком. Нужно написать светлости Шаллан, она изучает жизненные циклы большепанцирников.

Подошел Кстлед с прямой, словно мачта, спиной, зазубренным копьём на плече и коротким мечом на поясе.

– Полагаю, они прокляты, – он указал на сокровища, – и нужно запретить моим парням побаловать себя?

– Что за глупости. – Рушу сделала пометку в блокноте. – Мы здесь, чтобы грабить, старпом Кстлед. Пусть ваши люди возьмутся дружно, или как вы там говорите, и покончим с этим. Сегодня я хочу лечь в постель с безмерной наживой.

– Разве вы не... ревнительница? – удивился Кстлед. – И следовательно, вам запрещены личные вещи?

– Это не значит, что леди не может полежать на огромной куче самосветов. Есть такие сказки. Мне всегда было интересно, насколько это неудобно.

Рушу подняла голову от блокнота и, посмотрев на всех, сделала большие глаза.

– Что? Я серьезно. Вперед! Соберите все! Нас отправили за местными артефактами, и эти самосветы очень даже считаются. Хотя все же напомните морякам, что они получают стандартную долю от добычи и разбогатеют, когда вернутся, – если только не рискнут что-нибудь припрятать или обокрасть остальных.

– Выдели мне несколько твоих лучших парней, Кстлед, – сказал Лопен. – Как только светлость Рушу одобрит, мы отправимся на разведку. Посмотрим, что удастся найти в глубине острова.

То есть удастся ли отыскать Клятвенные врата. Но об этом болтать не следует. По словам Рушу, королева хочет, чтобы они все сделали по-тихому, хотя Рисн явно в курсе.

Все очень переживали насчет здешних Клятвенных врат, потому что до них могли добраться сами-знаете-кто. Конечно, можно запереть врата со стороны Уритиру, так что непосредственной опасности нет. Но все равно...

Лопен не до конца понимал, что делать, если они их найдут. Живого клинка нет ни у него, ни у Уйо. Он посоветовал Каладину отправить с ними Тефта, но ответ его удивил.

По словам Каладина, он спросил Навани о том же самом. Та ответила, что, если Клятвенные врата в руках врагов, не стоит посылать им ключ. Задача заключается в том, чтобы узнать, есть ли на острове Клятвенные врата и вражеские войска, и вернуться. А потом они решат, стоит ли их захватывать.

Лопен подошел к Рушу, которая делала быстрые наброски экзоскелетов и светсердец. Это место казалось таким пустым. Тихое, как дом без кузенов. Взлетев повыше, Лопен убедился, что Уйо прав: в центре острова находится небольшой город.

Через некоторое время Лопен понял, почему это место кажется зловещим – помимо всех этих панцирей и сверхъестественной тишины. Нет крема. Везде, где он бывал, старые постройки покрывал слой крема. Постепенно они превращались в бугры.

Но не здесь. Ни на панцирях, ни на светсердцах на берегу нет корочки. Ни даже пыли. Это место чище, чем солдатская койка в день проверки. Лопен наклонился и поднял бриллиантовое светсердце. Как и другие, оно не сияло. Можно было сразу догадаться, что это значит.

«Великие бури не проливаются здесь дождем, – подумал он, оглядывая темные облака. – Может, необычные ветра отгоняют их прочь?»

Он сунул светсердце в карман и, подойдя к Рушу, к ее досаде – но это было забавно – заглянул через ее плечо на рисунки. Шквально хороши, учитывая, как быстро она их выполнила.

– Однажды я съел двенадцать чут меньше чем за два часа. Само собой, это примерно так же.

Рушу одарила его озадаченным взглядом. Наверно, не любит чуту.

– Мы с Пунио поспорили на три светгроша, что у меня не выйдет, – пояснил Лопен. – Поэтому это было дело рыцарской чести.

Рушу страдальчески глянула на него, потом скатала рисунки в свиток, перетянула ниткой и вручила одному из матросов.

– Передай их светлости Рисн и скажи, что на пляже безопасно и мы бы хотели пойти в город.

Матрос убежал и с несколькими товарищами отчалил обратно на корабль. Вскоре на мачте взвился зеленый флаг, разрешающий продолжать разведку. Лопен собрал отданных под его начало матросов и вслед за Рушу отправился вглубь острова.

Уйо решил остаться на пляже, но у него было даль-перо. Разумеется, писать он не мог, но все равно предпочитал иметь его при себе. Когда активируешь даль-перо, парное мигает: некоторые офицеры аleti передавали таким образом послания, как с поднятым флагом.

Уйо на этом не остановился. Чокнутый чорлано. Он выяснил, что можно заставить перо мигнуть определенное количество раз, и придумал код. После того как замечаешь мигание и подтверждаешь получение послания, одно мигание означает «все хорошо», два – «я встревожен», три – «возвращайся немедленно».

Чем-то похоже на письмо, но ничего страшного, так как это цифры. Мужчине не зазорно пользоваться цифрами. Само собой, Лопен делал это по любому поводу. Он даже выдумал несколько новых цифр. Да и Далинар пишет книги, так что теперь все изменилось.

Лопен присматривал за облаками, гордо шествуя с Руа на плече. Да, может, здесь и жили люди. Но это было очень-очень давно. Поэтому...

– Как думаешь, можно сказать, что я ступаю на землю, куда никогда не ступал ни один гердазиец? – спросил он у Рушу.

– Несомненно. Когда Аймиа была королевством, Гердаза не существовало. Твоя страна довольно новая. Полагаю, есть множество мест, куда никогда не ступал ни один

человек гердазийской национальности, пока там не появился ты и остальные. Например, весь Уритиру.

– Ха! – Лопен крутанул копьём. – Глупый Уйю. Пошли, нако, творить историю.

14

Рисн сидела на опустевшей палубе. С ней остались только капитан и несколько моряков. Один дежурил в утреннем гнезде, готовый поднять тревогу, если вдруг появится опасность для команды на берегу.

Рисн изучала наброски, которые прислала Рушу. Кучи панцирей, останки гигантских умерших большепанцирников и их светсердца. Немыслимые богатства.

Слишком уж все идеально.

Рисн подняла голову, услышав шаги. Струна?

– Я думала, ты отправишься на берег в динги, раз уж там безопасно, – сказала Рисн.

– Мне стоит поехать, – согласилась Струна. – Но... – Она посмотрела вниз, вдоль борта. – Они все под водой, Рисн. Все спрены удачи.

– Ты могла бы помочь собрать светсердца. На пляже горы сокровищ. Все, кто участвовал в этой экспедиции, вернутся домой богачами.

Струна нахмурилась.

– Да, но это неправильное сокровище.

– Ты тоже заметила?

– Что заметила?

– Все выглядит как-то неправильно. – Рисн указала на набросок.

– Нет. Просто... я хотела другое сокровище. Осколочные клинки и броню, как у аleti. – Прислонившись к ограждению, Струна смотрела на берег. – Мой народ гордый, Рисн. Но еще слабый. Очень слабый. Не по отдельности, а как нация. Мы потратили годы, чтобы добыть осколки. Это стоило нам многих отважных бойцов. И до сих пор единственные наши осколки принадлежат моему отцу, а он настаивает на том, что не может их носить. – Она покачала головой. – У аleti есть осколки. У тайленцев есть осколки. У веденцев есть осколки. Но на Пиках их нет.

– Вам не нужны осколки, Струна. Вы живете в горах, вдали от всех. Никому до вас не добраться. И...

– А они хотят?

– Нет, но ты и твой народ здесь ни при чем. Я полжизни провела, путешествуя и торгуя в труднодоступных местах, и даже мой бабск говорил, что торговать с рогоедами придет в голову только седьмому дурню. Наверняка у вас есть множество ценных товаров, и народ вы чудесный, но добраться к вам так тяжело, что торговля практически невозможна.

Струна вроде не оскорбилась. Просто кивнула.

– Так было много лет. Дорога того не стоит... Ничто, о чем знают люди, того не стоит.

– Что ты имеешь в виду?..

– Алети теперь знают. И враг всегда знал. На Пиках есть портал, Рисн. Проход. Дорога в мир богов и спренов. – Струна встретила с Рисн взглядом. – Скоро все узнают. И захотят нашу землю. Дорога до Пиков стоит портала в землю спренов.

– Я... – Рисн осеклась.

Непонятно, что и думать. Портал в землю спренов? Она слышала о Шейдсмаре, в обществе ходили слухи. Но если рогоеды знают путь туда...

– Вы в союзе с алети и остальными. Мы вас защитим.

– Прошу прощения, – возразила Струна. – У меня есть друзья алети. Королева алети кажется достойной. Но все знают, что сильные страны обирают слабых. Алети скажут, что это для общего блага. Скажут, что защищают нас. Но потом переселятся туда, где мы. Будут жить в наших городах. Для общего блага. – Она кивнула. – Поэтому нам нужны осколки и много осколочников. И Сияющие – много Сияющих. Мой отец мог бы стать и тем, и другим. Но считает, что традиция важнее, чем наш народ. Я сделаю это вместо него. Отыщу сокровища. Мы должны быть сильными. Очень сильными.

Рисн тут же охватило чувство вины. Раньше, когда Струна говорила, что хочет сокровища... Рисн списала ее слова на предельно простой мотив.

Люди судачат о богатстве и о том, что жадность – штука страшная, а порой даже опасная. И все же нельзя с ходу отметать или считать банальными амбиции тех, у кого за душой ни гроша. Все намного сложнее.

– Так почему ты не присоединилась к группе, которая отправилась вглубь острова? Там могут быть осколки.

– Если они там, их заберут Сияющие. Мне нужно в другую сторону. И спрены... – Струна покачала головой и повернулась к Рисн. – Кстати, спасибо.

– За что?

– За то, что не посчитали меня плохой. Этот человек, Никли, он пытался меня... как это по-веденски? Заставить остальных думать, что я плохая.

– Он тебя подставил.

– Подставил? Куда подставил?

– Слово то же, значение другое.

– А. Почему, если так много звуков, низинники выдумывают слова, которые звучат одинаково, но означают разные штуки? В любом случае спасибо. За то, что не поверили, что я зло. Думаю, многим не нравятся чужаки вроде меня. Всегда верят, что они зло. Но вы поверили мне, а не своему другу.

– Один очень мудрый человек научил меня смотреть на мир иначе, – сказала Рисн. – Поблагодари его, когда я вас познакомлю.

Однако мысли о Встиме заставили ее осознать, что же не давало ей покоя в этих рисунках с берега. Рисн указала на набросок с множеством светсердец.

– Однажды я поехала торговать с моим бабском – человеком, который меня учил. И тот, кого мы встретили, не скупился, сорил сферами и самосветами. Демонстрировал богатство. Мой бабск торговал с ним не так, как с остальными. Жестче, едва ли не брал за горло. Э-э, это значит... в общем, наверно, это другое слово для «жестче».

Струна взяла один из набросков.

– Здесь то же самое?

– Возможно. Позже я спросила бабска, почему он так себя вел. Он сказал: «Люди не сорят деньгами просто так. Разве что напоказ. А значит, либо они притворяются, что денег у них больше, чем на самом деле, либо...»

– Либо? – повторила Струна.

– Либо хотят, чтобы ты на них заиклился. И не обратил внимания на более значимый приз. Позовешь кого-нибудь из матросов? Нужно передать сообщение Рушу.

15

Лорен парил высоко в небе бок о бок с Руа, обозревая остров. Сверху он казался маленьким.

Город любопытной формы, как цветок с расходящимися от центра лепестками. Остальная часть острова скучная – сплошной пляж. Ничего не двигается, а значит, как он решил, ничего подозрительного.

Лопен спустился к остальному отряду. Рушу делала набросок построек на окраине города. Их покрывал крем, придавая знакомые оплывшие очертания, которые ассоциировались со стариной.

– Сверху кажется, что там одни камни. Как думаешь, почему здесь есть крем, а на пляже нет?

– Я бы предположила, – Рушу продолжала рисовать, – что они уже были покрыты кремом, когда великие бури перестали достигать острова. Панцири и светсердца на пляже явно старые, но, видимо, посвежее этих руин.

То, что Лопен поначалу принял за стены, оказалось рядом построек. Может, дома? Одинаковые и сгруппированы так, что образуют «кончики» цветочных лепестков, которые он увидел сверху.

Рушу закончила набросок и перевернула страницу блокнота – там была какая-то карта.

– Эй! – воскликнул Лопен. – Точь-в-точь как город!

– Древняя карта Акины, – пояснила Рушу. – Я надеялась с ее помощью удостовериться, что это то же самое место. Похоже, ты уже сделал это за меня.

– Рад помочь.

Их отряд, в который входило восемь вооруженных копьями моряков, продвигался вперед, к сердцу города, минуя оплывшие постройки.

Все крыши провалились, остались лишь колонны и куски стен. Казалось, руины тонут в земле, но крема было не так много, чтобы они превратились в бесформенные бугры. Это место словно гнило, напомнив Лопену о мусоре, который они собирали в ущельях с Четвертым мостом. Кости, сломанные ветки и иссохшая плоть некогда великого города.

– Он меньше, чем я себе представлял. – Лопен повернулся и ткнул копьём в сторону дальнего конца города. – Само собой, я могу пересечь его быстрее, чем Пунио сделает себе прическу перед танцами.

– Старинные города все такие, – сказала Рушу. – Древним людям было сложнее строить ветроломы и акведуки, и торговля была не настолько развита, чтобы снабжать едой большие города. Поэтому все сооружалось в гораздо меньшем масштабе.

Лопен pokrутился: разрушенные дома напоминали черепа с запавшими глазницами-дверьми, плачущими застывшим кремом. Рушу отправила моряков обыскать несколько построек, и Лопен поежился. Почему он так нервничает?

– Не знаю, найдем ли мы тут что-то полезное, Рушу. – Он оглянулся по сторонам. – Не руины, а гора камней.

– Тот факт, что город сохранился в столь нетронутом состоянии, чрезвычайно важен, Лопен. Им очень интересуются археологи и историки. Чем больше мы узнаем об Отступничестве, тем больше понимаем, что наши сведения о прошлом крайне разрозненные.

– Пожалуй, – согласился Лопен. Рушу изучала маленькую карту. – Есть идеи, где могут находиться Клятвенные врата?

– Ну, оптимальное место – центр города, чтобы к ним было одинаково удобно подойти со всех сторон. Либо около доков для удобства торговцев. К сожалению, судя по Азимиру, Холинару и Тайлену, Клятвенные врата размещали не оптимально. Все три располагаются так, чтобы до них было удобно добираться правящему классу.

– Шквальные светлоглазые, – пробормотал Лопен. – Вечно все усложняют нам, простым парням.

– Нам, простым парням? Ты Сияющий рыцарь.

– Самый простой.

– Ты часто повторяешь, какой ты непростой, Лопен.

– Это просто противоречие, если подумать.

– Мне... нечего на это ответить.

– Видишь? Ты уже врубаешься. Итак... где в этом городе жили богатые парни?

– Я бы сказала вон в тех больших буграх. Клятвенные врата обычно расположены на крупных платформах, а эта часть города вроде бы приподнята над окрестностями.

Они зашагали к руинам, на которые она указала. По пути Лопен поймал себя на том, что крепко сжимает копьё и постоянно оглядывается через плечо. И бури, дело не в том, что он дерганый. Это место действует на нервы. Все эти облака над головой, туман вдалеке, безмолвие.

Само собой, это мавзолей. Но не для королей или кого-нибудь наподобие, а для целого народа. Раньше это была процветающая столица, центр торговли.

Теперь же это не просто руины, а заброшенные руины, где всегда пасмурно, никогда не проглядывает солнце, но дождей и бурь тоже не бывает. Поэтому носильщик Рисн так настойчиво старался отвести их отсюда? Чтобы они не потревожили сон этого места? Или Лопен просто наслушался историй о духах и богах, которые Камень рассказывал у костра?

Так или иначе, когда кто-то вывернул из-за угла, Лопен едва не подскочил до самых Чертогов. Он завопил и втянул бурсвет, потом почувствовал себя глупцом. Это оказался всего лишь Плав, один из моряков.

– Сообщение для ревнительницы Рушу от ребска, – сказал он.

Рушу приняла записку и прочитала ее, а Лопен еще раз оглядел руины. Он сосчитал всех восьмерых моряков и в глубине души удивился, что до сих пор ни один не исчез при загадочных обстоятельствах. Надо сказать им держаться вместе, на всякий случай.

– Любопытно, – сказала Рушу, убрав записку.

– Что там говорится?

– Это предупреждение. Рисн считает, что здесь все слишком ожидаемо, слишком идеально. Брешь в частоколе из скал, ведущая к идеальному для высадки пляжу, по которому разбросаны самосветы – только собери и все? Мне кажется, даже эти руины точно такие, как я представляла...

– И что это значит? – спросил Лопен.

– Не знаю. Ты случайно не прихватил самосвет с пляжа?

Лопен пошарил в кармане в поисках маленького светсердца.

– Прихватил. Хотел спросить, что ты думаешь насчет того, почему на нем нет крема, но отвлекся.

Она взяла камень, вытащила ювелирную лупу и принялась его изучать.

– Ты... носишь в кармане эту штуку? – поразился Лопен.

– А что тут такого? – рассеянно произнесла Рушу. – Хм-м. Не могу сказать точно, я не эксперт, но, по-моему, это подделка. Кварц, а не бриллиант.

Нахмурившись, Лопен забрал камень. Кварц не держит буресвет, и его можно сотворить с помощью духозаклинания.

– Думаешь... они все подделки?

– Вполне возможно.

Лопен тяжело вздохнул.

– И вот мое огромное богатство испаряется, точно человеческая красота под действием ветров времени. В точности как однажды я, само собой, едва не завел ущельного демона, который...

– Да, ты рассказывал, – перебила Рушу. – Шесть раз.

– Зато шутка новая для концовки. Я собирался сказать: «И вот почему я дал ему сожрать мою руку». Забавно, да? Ну, будет забавно. Не раньше, так позже. – Лопен подбросил и поймал поддельное светсердце. – И... зачем их подделывать? Зачем делать вид, что здесь куча сокровищ?

– Я задаюсь тем же вопросом.

– Может, хотели, чтобы мы рты пораскрывали? Думали, мы отвлечемся на сокровища, остолбенеем и растеряемся. Они не знали, что я привык к таким потрясающим зрелищам: каждое утро, когда встаю, передо мной открывается нечто еще более впечатляющее.

– Серьезно?

– Когда я смотрюсь в зеркало.

– И ты еще удивляешься, почему до сих пор не женат.

– О, я не удивляюсь. Я отлично понимаю: меня так много, что одной женщине это вынести не по силам. Мое величие сбивает их с толка. Это единственное объяснение, почему они так часто сбегают. – Лопен ухмыльнулся.

Как ни странно, Рушу ухмыльнулась в ответ. Обычно, когда он говорил такое, в него начинали бросаться разными предметами.

Они проделали остаток пути до возвышенной части города, которая и правда походила на Клятвенные врата. Рушу указала на постройку поблизости, которая напоминала дворец.

– Если здесь так же, как в Холинаре, тогда...

Они развернулись и подошли к отдельно стоящему зданию, одному из немногих с крышей, около центра приподнятой платформы. Внутри нашлось то, что они искали. В некотором роде.

Несомненно, раньше это было контрольное здание Клятвенных врат. На полу остатки такой же фрески, как и в других городах, но механизм сломан и истлел. Некуда вставить осколочный клинок, нельзя его провернуть. Здание покорило стихиям. Остались лишь пыль да разъеденный металл.

Нахмурившись, Лопен поднял несколько хлопьев ржавчины и растер их большим пальцем. Глянул на Рушу: та стояла, уперев руки в бедра и нахмурился в задумчивости лоб. Что-то с этим местом нечисто. Словно... он пытается его проглотить, а оно застряло в горле. И дальше не пропихнешь, придется выкашлять наружу.

– Это тоже подделка, да? – спросил он.

– С чего ты взял? – поинтересовалась Рушу.

– Ну, Клятвенные врата на Расколотых равнинах простояли, само собой, тысячи лет и все равно работали, когда мы их нашли. Это место защищено лучше, но механизм врат разрушился?

– Согласна. Я бы купилась, но самосветы... А потом мы находим врата рядом с дворцом, как в Холинаре? Слишком очевидно.

– Где тогда настоящие?

– Позови моряков. Пусть поищут ступени. Или люк. Или что угодно еще посреди этого мусора, чтобы мы спустились под землю.

Это показалось Лопену странным. Под землей строили редко, так как подвалы затоплялись. Однако умная из них Рушу, так что он закинул копье на плечо и пошел выполнять указания. Он собрал моряков, распределил их по парам, и они приступили к поискам.

Лопен не мог отделаться от чувства неправильности. Ему все время что-то мерещилось по углам. Буря побори, в этом месте он пугался каждой тени.

Но Рушу оказалась права. Вскоре в одном из непримечательных зданий на окраине центральной площади, не особенно близко от дворца, они наткнулись на скрытые под мусором ступени.

– Скорее всего, буревое укрытие. – Лопен последовал вниз за Рушу и вытащил самосвет, чтобы разогнать тьму.

– Скорее всего, – согласилась она.

– Или... – добавил он, когда они дошли до конца, – просто тупик.

В самом деле, ступени упирались в каменную стену.

Рушу сняла с пояса мешочек, который позвякивал при ходьбе.

– Почему ты вообще хотела, чтобы мы нашли ступени? – спросил Лопен.

– Древние города со временем часто оказываются похоронены под землей, – пояснила она. – Крем наслаивается. В современных городах его откалывают, чтобы он не поглотил все вокруг, но многие более поздние города выстроены поверх древних руин, погружившихся в крем. Например, когда роют шахту, часто натываются на архитектурные объекты.

– Так... И...

– И значит, вдвое больше причин считать, что город наверху – подделка. Скорее всего, настоящая Акина утонула в креме много лет назад.

Рушу вытянула руку – та вдруг пронзительно засияла. У нее на руке были самосветы, соединенные серебряными цепочками.

– Бури! – воскликнул Лопен. – Духозаклинатель?

– Да. Давай-ка посмотрим, вспомню ли я, как им пользоваться...

– А ты умеешь?

– Разумеется. Ревнителю-духозаклинателю все время ими пользуются. У меня был период, когда я очень хотела к ним присоединиться, пока не выяснила, какая скучная у них работа. В любом случае заткни уши и задержи дыхание.

– Почему...

Лопен смолк на полуслове: пролет заполнился дымом, уши заложило от внезапного перепада давления, словно он нырнул на глубину. Он закричал, закашлялся. Потом втянул немного буресвета.

Каменная стена перед ним исчезла. Рушу вытирала тряпкой сажу с лица и ухмылялась.

– Чокнутая, – проворчал Лопен.

– Ну, я подозревала, что если в Акине есть Клятвенные ворота, то придется прорубаться через камень, чтобы до них добраться. Я не ожидала, что они окажутся под землей, скорее что будут скрыты кремом, как на Расколотых равнинах. В общем, я запростила у Навани либо осколочный клинок, либо духозаклинатель. Увы, она выбрала менее увлекательный вариант. Однако мне нравится, когда я права. Душа поет.

Лопен шагнул к ней и поднял самосвет, чтобы рассмотреть, что же они нашли. Подземная пещера, просторная и неглубокая – футов двенадцати высотой. Как... плато.

– Бури, – проговорил Лопен. – Клятвенные ворота здесь, внизу.

– Чтобы спрятать их, наверняка понадобились немыслимые усилия, – сказала Рушу. – Тот, кто это сделал, мог просто закопать их, однако хотел, чтобы ворота функционировали. Поэтому они построили сверху помещение, а потом долгие годы его заносил крем.

– Но зачем? – Лопен, прищурившись, ступил внутрь. Свет едва доставал до контрольной комнаты в центре. Да, и правда Клятвенные ворота. – Зачем их прятать, а потом столько мучиться, строить поддельные здания?

– Очевидно, они надеялись, что мы найдем поддельные ворота и уберемся прочь, решив, что они потеряны.

Лопен замер на месте. Слова оседали у него в голове. Он проглотил идею, но на вкус она была ужасной.

– Это как... защитный механизм, – прошептал он. – Если кто-то доберется до острова, то не найдет ничего полезного.

– Но мы их перехитрили! – воскликнула Рушу. – Нужно не забыть поблагодарить светлость Рисн за своевременную записку. Она...

– Рушу, – перебил Лопен, выудив самосвет, который отдал ему Уйо. Тот мигал. – Ты гений.

– Ясное дело.

– Но еще ты шквальная дура. Собери моряков, оставайся здесь и постарайся, чтобы тебя не убили.

На этом Лопен бросился обратно по ступеням, втягивая буресвет. Он тут же взмыл в небо, пронесся над городом и полетел к пляжу.

Кто бы ни наблюдал за этим местом, они приложили много сил, чтобы никто сюда не добрался. Но раз уж не вышло, они рассчитывали, что экспедиция соберет поддельные светсердца и уплывет прочь. И что не откроет настоящую тайну острова.

Но они с Рушу только что сделали именно это. А значит, весь их отряд в серьезной опасности, даже если бы не замигал самосвет Уйо. Нужно побыстрее добраться до остальных.

Лопен порадовался своему чутью, потому что, долетев до пляжа, обнаружил, что Уйо вот-вот сожрет чудовище. А уж такие события ни одному кузену пропускать нельзя.

Первым намеком для Рисн послужил странный звук. Пощелкивание, словно шевелится панцирник.

Рисн ждала, пока за ней прибудет шлюпка, чтобы присоединиться к команде на берегу. Ей хотелось изучить останки большепанцирников, посмотреть, не удастся ли выяснить что-нибудь полезное, чтобы помочь Чири-Чири. Она повернулась на своем сиденье на шканцах проверить, что за странный звук. Чири-Чири вернулась?

Но нет. Звук слишком громкий, чтобы его издавало одно существо. Словно... одновременно шевелятся сотни лапок.

От того, что она увидела в воде, ее как громом поразило. Сотни кремлецов – ракообразных размером меньше кулака – появлялись из воды и ползли по бортам корабля. И похоже, каждый нес на себе кусочек плоти. Рисн даже заметила кремлеца с глазным яблоком на спинке.

Неужели они разорвали на части человека? Падальщики? Или еще что похуже?

Рисн вскрикнула, но на долю мгновения позже, чем нужно, – по всей палубе послышались вопли. Дозорные матросы подняли тревогу. Вода вокруг «Странствующего паруса» вскипела и выплюнула тысячи таких же кремлецов. Они щелкали, стрекотали и карабкались по обоим бортам корабля.

У ног Рисн появились лиловые спрены страха. Никогда прежде она не чувствовала себя в такой ловушке из-за того, что не может ходить. Струна пробормотала что-то на рогоедском и отшатнулась. Но Рисн, прежде чем убраться отсюда, нужно отстегнуться.

Слишком медленно. Дрожащие пальцы не справлялись с пряжками. Странные кремлецы перелились через ограждение и затопили палубу.

Рисн наконец отстегнула ремень, но кремлецы уже роились вокруг. Не получится шлепнуться на палубу и уползти. Ее догонят. Она еще больше вжалась в сиденье.

Однако вместо того, чтобы взобраться по ее ногам и напасть, многие кремлецы скучились на палубе. А потом небывалым образом начали соединяться друг с другом. Как люди берутся за руки и формируют шеренгу, так кремлецы сцеплялись подергивающимися лапками и выставляли спинки наружу. Кусочки плоти и кожи складывались, как головоломка.

Проступили человеческие ступни, потом ноги. Кремлецы карабкались вверх, корчащаяся масса собралась в торс, и наконец целиком сложилась фигура голого мужчины без гениталий. Последней на очереди была голова: глаза встали на место, кремлецы сжались внутри «черепа». Татуировки скрыли линии швов на коже.

Мгновение вид у фигуры был тошнотворный: живот пульсировал – там копошились кремлецы. На руках вспухали бугры. Кожа на ногах разошлась, словно ее разрезали, явив насекомообразную жуть. Потом все словно уплотнилось и успокоилось, и перед Рисн предстал человек. Почти идеальное сходство, хотя линии на животе и бедрах гораздо заметнее, чем на ладонях и лице.

– Здравствуйте, Рисн. – Никли улыбнулся, и его лицо сморщилось вдоль линий, которые, как она теперь знала, были не просто морщинами, а разрезами на коже. – К несчастью, ваша экспедиция отличается настойчивостью.

Бури! Никли – ни человек, ни пустоносец. Он кое-кто похуже – бог из историй Струны, монстр из сказок Ясны. Выродок, сложенный из сотен крошечных кусочков, притворяющихся единой сущностью.

Струна положила ладонь на плечо Рисн, отчего та подскочила на месте, и решительно шагнула вперед, встав между нею и Никли. Рогоедка заговорила на своем музыкальном языке, и что примечательно, существо ей ответило.

– Струна? – прошептала Рисн, дрожа. – Что происходит?

– Я не осознавала... – прошептала та по-веденски. – Боги, Которые Не Спят... они умеют выглядеть как люди.

– Ты знаешь, как с ними сражаться?

– Я уже говорила, это невозможно. Луну'анаки – он бог-хитрец – предупреждал о них во времена моей бабки, когда она присматривала за источником.

– Мы не ожидали встретить в этом плавании одну из Зрячих, – сказал Никли по-веденски. – Вы издавна охраняете Перпендикулярность Культивации. Жаль, что ты присоединилась к экспедиции. Нам нелегко убивать ваш народ, Хуалинам'лунаки'акилу.

Еще несколько роев на палубе сложились в человеческие фигуры, хотя большинство кремлецов копошилось бесформенными грудями. Капитан собрала вокруг себя оставшихся моряков, человек десять, но их быстро окружили необычные создания. Бури! Мужчины взялись за копыя, но как сражаться с таким? Один проткнул приблизившееся существо, копьё прошло прямо сквозь тело, и кремлецы выплеснулись из раны на древко.

– Прекратите, – сказала Рисн, когда к ней вернулся дар речи. – Никли, давай проведем переговоры. Пожалуйста, скажи, чего вы хотите.

– Все возможности для переговоров исчерпаны, – тихо отозвался Никли, отведя глаза, – очень человеческое проявление стыда. – Вы проигнорировали мои предостережения, а ваши друзья на острове не заглотили предложенную наживку. Это был ваш последний шанс уплыть целыми и невредимыми, и некоторые из нас долго спорили, стоит ли вам его давать. Но вы, как я сказал, настойчивы. Некоторые из нас понимали, чем все кончится. Не такие идеалисты, как я. Как бы там ни было, Рисн, мне жаль. Я искренне наслаждался проведенным с вами временем. Однако на кону космер. Несколько смертей, пусть и досадных, предотвратят катастрофу.

Струна завопила что-то на рогоедском, и Никли сердито ответил, а потом повернулся и прокричал что-то остальным на палубе.

– Это был отвлекающий маневр, – прошептала Струна, повернувшись к Рисн. – Приготовьтесь. Задержите дыхание.

– Задержать ды...

Струна подхватила взвизгнувшую Рисн за талию, перекинула через плечо, а потом вскочила на сиденье и перевалилась через борт навстречу темным водам.

16

На мгновение Рисн перенеслась обратно на Решийские острова.

Падение.

Падение.

Удар о воду.

На мгновение она снова оказалась глубоко под водой после падения с невероятной высоты. Оцепенение. Свет все дальше и дальше. Невозможно пошевелиться. Невозможно спастись.

Затем два мгновения разделились. Она не на Решийских островах – она в ледяном океане возле Акины. От внезапного холода захотелось не то ахнуть, не то закричать. К счастью, она удержала рот на замке, пока Струна, в основном загребая ногами, увлекала их вниз.

Глубже.

Глубже.

Следом за Рисн тянулись пузырьки спренов страха. Струна оказалась неожиданно сильной пловчихой. Но оттого, что ее вот так тянут во тьму, Рисн запаниковала. В памяти воскрес не только ужас от смертельной опасности, но и беспомощность последовавших кошмарных недель.

Будничные действия – встать с постели, посетить уборную или просто приготовить что-нибудь поесть – вдруг стали почти невозможными. Рисн одолевала страх, отчаяние и беспомощность. Целыми днями она лежала в кровати, думая, что лучше бы умерла, чем превратилась в обузу.

Она превозмогла эти эмоции. Благодаря собственным усилиям и помощи родителей и Встима она поняла, что можно еще столько всего добиться. Можно сделать свою жизнь лучше. Она не обуза. Она личность.

Однако, когда ее вновь поглотил океан, выяснилось, что старые страхи живы-здоровы и лишь копились внутри. Жалкое ощущение беспомощности. Ужас стать полностью зависимой от милости других.

И тут она увидела спренов.

Не спренов страха, а спренов удачи – со стреловидными головами и короткими извивающимися телами. Они сновали в воде вокруг них со Струной. Десятки. Сотни. Свет закрытого облаками неба растаял, ушам было так больно, что пришлось зажать нос и выдохнуть, выравнивая давление.

Но эти спрены сияли, освещая путь, подгоняя их вперед.

«Я вас помню, – думала Рисн. Ей бы паниковать, бояться утонуть. Вместо этого она следила за спренами. – Как я упала с такой высоты и не погибла? Все называли это чудом...»

Она заерзала в хватке Струны. Спрены вели их к свету, исходящему из скал впереди. Маленький тоннель?

Наконец Рисн поняла, что легкие начинают гореть. Она выскользнула из рук Струны, развернулась и стала подтягивать себя вдоль стен. Струна плыла следом. Спрены подгоняли их, направляли в темной глубине, пока...

Рисн вырвалась из воды. Мгновением позже вынырнула Струна.

Рисн хватала ртом воздух, дрожа в темноте. Что случилось со свечением? Со спренами? Вокруг царила абсолютная темнота, хотя звук их дыхания отражался эхом от ближайших стен. Похоже, они вынырнули в пещере под островом.

Рисн ухватила правой рукой за камни у края водоема и потянулась к кошельку со сферами в левом кармане юбки. Повозившись, достала яркую бриллиантовую марку, зажав ее безопасной рукой в тонкой перчатке.

Сфера осветила Струну: та держалась за камни рядом, мокрые рыжие волосы облепили тело. Они в самом деле находились в пещере, вернее, в тоннеле, выходящем к маленькому водоему.

Струна вылезла на камни и помогла выбраться Рисн. Некоторое время они сидели, откашливаясь и пытаясь отдышаться.

– Они еще здесь? – наконец спросила Рисн. – Спрены удачи?

– Апалики'токоа'а. – Струна ткнула в воздух, хотя Рисн ничего не видела. – Они явились вам?

– Да, – прошептала Рисн. – Под водой.

– Они показывали дорогу, подгоняли нас, пока мы плыли... Мой отец всегда был благословлен милостью спренов. Они придали сил его руке, когда он натянул Часовой лук на Пиках, но я никогда не ведала подобного счастья. – Струна провела пальцем в направлении тоннеля. – Они удаляются туда.

– Существа, которые захватили корабль, Никли... чем бы он ни был. Они могут плавать. Сомневаюсь, что здесь мы в безопасности.

– Может, есть выход. Я проверю?

Рисн кивнула, хотя не испытывала большой надежды. За время путешествий с бабском они посетили Чистозеро, где он заставил ее прочесть книгу про местный народ. Там была целая глава о том, как озеро высыхает во время бурь, и хотя она мало что

поняла, но почти не сомневалась, что в такой глубокой полости не осталось бы воздуха, если бы у него имелся выход наружу.

А значит, их загнали в угол. Рисн прислонилась спиной к камню и вытянула ноги. Струна исчезла, забрав сферу для света. Рисн порылась в карманах. Что у нее есть полезного? Еще несколько сфер и рубиновые фабриали?

На мгновение ей показалось, что это части даль-перьев. Но нет, это рубины от ее кресла, вставленные в металлические оправы со шнурками, чтобы привязывать их. Они сопряжены с якорем на мачте корабля.

Удивительно, сколько в ней было оптимизма совсем недавно. До того, как она обрекла всю команду на смерть. Может, Сияющим Лопену и Уйо удастся их спасти?

«И снова ты беспомощная? – подумала она. – Сидишь и ждешь, что кто-нибудь придет и позаботится о тебе?»

Встим не просто так сделал ее главной. Он верит в нее. Разве нельзя оказать себе самой такую же честь?

– Рисн! – крикнула Струна, и ее голос эхом разнесся по тоннелю. Вскоре показалась и сама рогоедка, запыхавшаяся, с вытаращенными глазами. Она размахивала рукой со сферой, отчего по стенам метались безумные тени. – Вы должны это увидеть!

– Что увидеть?

– Сокровище. Доспехи, Рисн. Осколочные доспехи. Боги услышали мои молитвы и привели меня к ним!

Струна наклонилась, чтобы снова закинуть Рисн себе на плечо.

– Подожди, – сказала Рисн. – Давай-ка попробуем вот это.

Она подняла рубин и активировала его, повернув часть оправы. Рубин остался висеть в воздухе.

Струна убежала и вскоре вернулась с маленькой скамеечкой и старинным копьём. Получилось вполне прилично. При помощи кожаных шнурков Рисн привязала фабриали к ножкам скамеечки. Потом Струна ее подняла, и Рисн активировала фабриали – скамеечка зависла в воздухе. Она немного покачивалась вверх-вниз, повторяя движения корабля на поверхности, но, поскольку океан спокоен, колебания были невелики.

Вскоре Рисн парила рядом со Струной, отталкиваясь копьём. Они вынырнули в пещере с необработанными стенами, но следующий участок тоннеля оказался рукотворным коридором. На стенах обнаружили странные фрески. Люди с вытянутыми вперед руками вываливались из неких подобий порталов напрямик в... свет?

Они дошли до маленькой комнаты, примерно пятнадцати квадратных футов, и взгляд Рисн сразу же приковала к себе поразительная фреска, занимающая почти всю дальнюю стену. На ней было изображено разбитое на осколки солнце.

Струна показала ей осколочные доспехи, аккуратно сложенные в углу вместе с богато украшенным оружием и одеждой. Кажется, осколочного оружия там не было, но в маленьких ящичках у стены лежали духозаклинатели. Четыре – на такой же скамеечке, как та, на которой парила Рисн, и четыре – на полу, видимо, их переложила Струна.

В левой стене обнаружилась слегка приоткрытая металлическая дверь. Рисн подплыла к ней и, выглянув, увидела еще один коридор побольше, на этот раз со сводчатым потолком и искусно обработанными каменными стенами. Где-то вдалеке мерцал свет, озаряя огромные черепа с глубокими черными глазницами.

Рисн так и подмывало продолжить изыскания, но что-то в величественной фреске тянуло ее назад. Она вернулась. Струна пыталась активировать осколочные доспехи. Не самая плохая идея. Струна попросила самосветы, и Рисн рассеянно отдала ей кошель со сферами.

Эта фреска... круглая и благодаря инкрустации из золотой фольги словно светится сама по себе. Незнакомые письмена – Рисн не встречала подобных букв во время своих странствий. Это даже не Напев зари.

Необычные буквы сами по себе были произведением искусства. Они завивались вокруг солнца, которое было разбито на практически симметричные части. Четыре части, и каждая, в свою очередь, разделена еще на четыре.

Копье выскользнуло из пальцев Рисн и со стуком упало на пол. Она могла поклясться, что чувствует, как ее окутывает жар этого солнца. Он не обжигал, хотя она знала, что солнце разорвали на части, как человека на каком-нибудь ужасном пыточном устройстве.

Она ощущала, как солнце что-то излучает. Покорность? Уверенность? Понимание?

«Вот истинное сокровище, – подумала она, хотя сама не понимала почему. – Эти слова, горящие на стене».

Кто это создал? Она никогда не видела такого великолепия и не могла оторвать глаз от осколков. Золотая фольга внутри. Красная фольга по контуру для глубины и четкости. Рисн снова и снова мысленно пересчитывала осколки, испытывая благоговейный трепет перед их числом. Солнце удерживало ее внимание.

«Тебя привел сюда один из Стражей древних грехов», – подумала она.

Разумеется. В этом есть смысл.

Погодите. Есть смысл?

«Да, – подумала она. – Есть. Их осталось очень мало. И Неспящие приняли их бремя на себя».

Ну конечно. Вся эта ерунда на поверхности острова? Отвлекающий маневр. Чтобы никто не искал это.

Рисн встряхнулась, оторвав взгляд от фрески. Такое ощущение, будто в ее голову вторглись чужие мысли. Что с ней творится? Почему она выронила копье? После всех усилий, которые она приложила, чтобы передвигаться самой, она просто опустила руки?

Рисн потянулась вниз, но до пола было далеко. Пришлось наклоняться, и она вдруг почувствовала давление в голове. Фреска. Зовет ее.

Рядом что-то бормотала под нос Струна. Рисн глянула на нее: рогоедка надела осколочные ботинки и теперь пыталась впихнуть сферы в нагрудник.

– Струна, думаю, тебе нужны неоправленные самосветы. Не заключенные в стекло.

– У меня их мало.

– Можем использовать эти. – Рисн показала на рубины под своей скамеечкой.

Струна медлила.

– Все в порядке. Если ты активируешь доспехи, то сможешь нас защитить.

Струна кивнула и подошла, чтобы помочь Рисн спуститься. Рисн расстроилась.

Каждый раз, как удавалось глотнуть свободы, ее обязательно отнимали.

Струна посадила Рисн на холодные камни, вынула четыре рубина из оправ и вставила в поножи. Как только она их надела, те сразу сомкнулись, плотно охватив ноги.

Струна посмотрела на нагрудник:

– Надо еще.

Рисн кивнула на приоткрытую дверь.

– В той стороне виден свет, в большом тоннеле. Может, от самосветов?

Струна подбежала к двери и распахнула ее, высматривая далекий свет за огромными черепами.

– Там спрены.

Струна зашагала по коридору, стуча металлическими ботинками по полу. Нагрудник она потащила с собой, хотя выглядел он крайне тяжелым.

Рисн повернулась, стараясь не смотреть на стену, которая стала еще теплее. К сожалению, вскоре послышался плеск со стороны водоема. Враги нашли их.

«Страж древних грехов», – думала она. Что это значит? Почему эти слова все время крутятся у нее в голове?

Рисн ощущала, как фреска нависает над ней. Затмевает ее собой. Рисн медленно развернулась и подняла глаза на разбитое солнце.

«Прими».

«Познай».

«ИЗМЕНИСЬ».

Все замерло в ожидании. В ожидании...

– Да, – прошептала Рисн.

Нечто вломилось в ее сознание. Оно струилось из фрески в ее глаза, выжигая череп изнутри. Оно вцепилось в нее, соединилось, слилось с ней. Свет полностью поглотил Рисн.

В следующее мгновение она оказалась на полу. Пытаясь отдышаться, она моргнула, затем ощупала глаза. Из уголков текут слезы, но кожа не опалена и Рисн не ослепла. Она посмотрела на фреску и не заметила никаких изменений. Разве что... от нее больше не исходит тепло. Просто фреска. Да, красивая, но больше не...

Что «больше не»? Что изменилось?

Сзади послышались клацанье и щелчки. Сотни лапок бежали по камню. Рисн извернулась и схватила копьё, которым отталкивалась от пола, но она не воин.

А кто она? Бесплезная обуза?

«Нет, – подумала она, твердо решив никогда больше не тонуть в жалости к себе. – Я вовсе не бесполезная».

Пора доказать, что она заслуживает доверие Встима.

Лопен понесся прямо к гигантскому морскому чудовищу. Оно слегка напоминало личинку с кошмарным клювом во всю морду. Вдоль тела тянулись тщедушные лапы. Чудовище встало на дыбы почти вертикально и заостренными конечностями, словно копьями, пыталось пронзить моряков.

Уйо в буквальном смысле застрял у него во рту, заклинив жвала копьём, и висел на волоске от того, чтобы его раздавили всмятку. Поэтому Лопен взмыл вверх и выдернул Уйо за руку, а потом оттащил его подальше. Чудовище захлопнуло пасть за их спинами, с ужасным треском переломив копьё.

Моряки затаились в черепах на пляже, используя останки большепанцирников как укрытие. С копьями в руках они съежились от страха перед чудовищем высотой с дом. Вокруг него роились стрелоголовые спрены удачи. Лопен остановился в полете, придерживая Уйо. Кузены переглянулись.

– Ты же никогда не устанешь пересказывать эту историю? – застонал Уйо.

– Ха! – воскликнул Лопен. – Тебя чуть не съели! Тебя чуть не проглотил гигантский монстр, и выглядит он как то, на что наступаешь в сезон червей!

– Давай сосредоточимся на полете.

– Эй, а вы слышали, как я спас Уйо, когда его чуть не проглотили? О да. Его чуть не сожрало чудовище, и на вид оно страшнее девиц, за которыми ухлестывает Уйо. А я влетел в рот чудовищу, чтобы спасти кузена. Снял с языка. И потом скромничал насчет своего геройского подвига.

– Последнее не говори, – посоветовал Уйо, – а то сразу поймут, что врешь. – Он вдохнул буресвет, позаимствовав его из сфер Лопена. – Смотри в оба. Некоторые здешние кремлецы высасывают буресвет.

– Такие, как у дамы-начальницы?

– Нет, меньше. – Уйо применил сплетение и повис в воздухе. – И другой разновидности. Я не особо рассмотрел, но, кажется, они маленьким роем летали вокруг.

Уйо устремился вниз и подобрал с земли новое копьё. Лопен воздел свое и глянул на Руа. Тот изменил облик и изображал чудовище – рычал и кидался по сторонам. Чудовище повернулось к ним, его копьё-конечность просвистела в воздухе, но Лопен успел увернуться.

– Знаешь, если ты сейчас решишь стать осколочным клинком, то момент идеальный, – сказал Лопен Руа.

Руа показал ему палец-клешню. Знак раздражения, означавший: «Ты знаешь, что должен это заслужить».

– Я буду защищать даже тех, кого ненавижу. Слышал? Я сказал. – Лопен снова увернулся. – Ничего сложного.

Руа-чудовище показал ему еще один палец-конечность.

– Но мне некого ненавидеть! – пожаловался Лопен. – И меня никто не ненавидит. Я ведь Лопен. Как же иначе? Само собой, правила нечестные!

Руа-чудовище пожал плечами.

– Ты же был на моей стороне, нако. Это из-за Фендораны? Не нужно слушать ее нравоучения.

Наверно, не самое подходящее время для подобного разговора. Нужно победить чудовище. С копьём в руке Лопен бросился вперед, чтобы отвлечь его от моряков.

Рисн тщательно подготовилась. Поставила перед собой скамейку, на которой сидела раньше. Слишком высокая и тонкая для тайленского столика торговца, но за неимением лучшего сойдет и такая.

Если следовать традиции, торги ведутся сидя на полу, на циновках, за столиком напротив друг друга. Она уложила ноги крест-накрест и оперлась спиной о фреску.

Рисн положила руки на столик ладонями вниз в формальном жесте и постаралась припомнить уроки.

Мелкие создания заполнили стены и потолок. От того, как они роились, становилось дурно: кучи кремлецов сцеплялись между собой в некоем подобии человека, но под «кожей» вспухали жуткие бугры.

Вскоре перед ней стоял Никли.

Рисн как могла сдерживала дрожь, не обращая внимания на спренов страха. Потом развернула ладони вверх.

– Это традиционный жест, призывающий к началу торгов между двумя тайленскими купцами. Не знаю, насколько ты разобрался в нашей культуре за то время, что изображал человека.

– Достаточно хорошо.

Никли шагнул вперед. Две другие фигуры остались на месте. Одна, видимо, изображала мужчину, другая – женщину, хотя точно сказать трудно. Никли взял одеяние, висящее между копий в куче оружия, и натянул на себя.

– Я молод по сравнению с сородичами, но прожил довольно долго. Знаете, я ведь плывал с Долгобровом. Он хоть и хвастун, но мне нравился.

Бури, Долгобров уже четыреста лет как мертв. Рисн собралась с духом. О бури. Она заплыла слишком далеко от берега. И на задворках сознания все так же грело странное тепло. Давление. Повеление.

Рисн указала на противоположную сторону столика.

– Садись. Давай проведем переговоры.

– Не о чем договариваться, Рисн. Мне жаль. Но у меня долг перед целым космером.

– Все чего-нибудь хотят. – По обеим сторонам ее лица струился пот. – У всех есть потребности. Моя задача – удовлетворять людские потребности.

– И в чем, по-вашему, я нуждаюсь? – спросил Никли.

Рисн встретила с ним взглядом.

– Тебе нужен тот, кто будет хранить ваши тайны.

– Эй, Уйо! – крикнул Лопен. – Я был не прав, это чудовище напоминает не девиц, за которыми ты ухлестываешь. Оно больше похоже на тебя по уграм, перед тем как ты съешь орначалу!

Рядом с Лопеном вонзилась лапа, взметнув фонтан каменных осколков.

– И ведет себя как ты!

Лопен сплел себя назад. В основном он отвлекал чудовище. Нужно, чтобы оно сосредоточилось на нем с Уйо. Благодаря усилиям Уйо, похоже, успел серьезно пострадать лишь один моряк. Фимкн пытался перевязать его раны, остальные сбегали к шлюпкам за запасными копьями. С оружием моряки управлялись ловко – метали его, пытаясь выколоть чудовищу глаза. Одно копьё почти попало, отскочив от панциря прямо рядом с глазом.

Чудовище взревело и поднялось еще выше. Гигантская розово-белая кишка в панцире, несущая смерть. По сравнению с телом полтора десятка лап казались хилыми и тонкими, однако толщиной все равно могли поспорить с древесными стволами. Чудовище то пыталось пронзить ими Лопена, то сбить его в полете.

Лопен вытер лоб и приказал морякам отступить дальше по берегу. По всей видимости, чудовище обитало в воде, но, к сожалению, на суше весьма шустро перебирало лапами и было очень опасным.

Оно снова повернулось к морякам, поэтому Лопен вместе с Руа подлетел ближе и перетянул внимание на себя. Он попытался проткнуть бронированную шею копьём, но оно отскочило. Чудовище распухшее, как личинка, но броня у него гораздо лучше.

Преисподняя. Лопен применил сплетение и нырнул между размахивающих лап. Ха! По крайней мере, шевелилось оно так же медленно, как личинка. Разве...

БАМ!

Лопен распростерся на валуне вверх тормашками. Ребра взорвались болью, пока их сращивал буресвет.

– Сияющий Лопен! – подскочив к нему, крикнул Кстлед. – Как ты?

– Как сопля, – простонал Лопен, – ты чихнул, а она вылетела. – Он соскреб себя с камня и плюхнулся на землю рядом с Кстледом. – Мое копьё не пробивает панцирь.

– Нам нужен осколочный клинок! Можешь его призвать?

– Боюсь, что нет. Такая вот политика.

Уйо пока отвлекал чудовище, но буресвет у него на исходе.

– Смотри, чтобы тебя опять не съели! – крикнул Лопен. – Но если съедят, постарайся, чтобы тобой не чихнули! Это ужасно!

– Политика? – не понял Кстлед.

– Нужно произнести слова, – пояснил Лопен. – И я их произнес, потому что это хорошие слова. Но у Буреотца, само собой, со стилем не очень. – Он поднял голову к небу. – Сейчас самый подходящий момент, о грозный! Я буду защищать тех, кого ненавижу! Не сойти мне с этого места, ты, ден-ганчо-бог или кто там еще!

Нет ответа.

Вздохнув, Лопен закинул копьё на плечо.

– Ладно, мы с Уйо попробуем увести его вглубь острова. Само собой, ты и твои моряки возьмете лодки и вернетесь на корабль.

– Нельзя, чтобы оно последовало за нами к «Странствующему парусу»! – возразил Кстлед. – Такой большепанцирник потопит корабль!

– Ага, ну, тогда нам всем нужно отступить и попытаться заманить его поглубже. Может, удастся спрятаться в постройках.

– Что, если мы сбежим, а оно вместо нас нападет на корабль?

– Когда нападет, тогда и будем разбираться, ладно? Мы с Уйо его отвлечем, а вы приготовьтесь отступить к разрушенному городу.

Помедлив, Кстлед кивнул. Лопен сплел себя с небом и понесся к чудовищу. Может, если подобраться поближе, пока оно занято Уйо, получится как следует его проткнуть. Еще нужно передать Уйо немного буресвета. Само собой, у Лопена есть запас в кошельках.

Он облетел чудовище сзади, но оно не растерялось и передвинулось так, чтобы одним черным как смоль глазом-бусиной следить за Лопеном и молотить лапами по Уйо.

Уйо завопил, наконец привлекая внимание к себе. «Пора!» – подумал Лопен с копьём наготове. Он метнулся ближе и, когда чудовище снова повернулось к нему, сплел копьё прямо с глазом.

Лопена вдруг пробрал озноб.

Холод появился в спине, прямо между лопатками, потом омыл все тело. Лопен ошеломленно дернулся. Из него вытянули что-то, и он больше не мог и пальцем пошевелить.

Его буресвет.

Он сумел развернуться в воздухе и потянулся за копьём, чтобы атаковать, но было слишком поздно. Краем глаза он заметил рядом рой мелких кремлецов – не таких, как питомица Рисн, меньше, может с кулак, и более шишковатых. Два десятка созданий еле держались в воздухе, однако им удалось полностью его осушить.

Пока Лопен падал, его накрыла паника. Они добрались и до его кошель. Нет света, нечего втянуть. Он...

Он рухнул на землю. Жестко. В ноге что-то хрустнуло.

Чудовище поползло к нему, раскрыв ужасную пасть и вытаращив жуткие глазищи. Судя по замахнувшимся лапам, ему не терпелось разделаться с Сияющим.

– Ты присутствовал на моей встрече с Навани Холин, – сказала Рисн. – Ты знаешь, что ее нелегко разубедить.

– Мать Механизмов. – Никли произнес это как особый титул. – Да. Мы... понимаем.

– Ты попытался отпугнуть ее ветробегунов, когда они прилетели на разведку, – продолжила Рисн, – и она прислала корабль. Что, по-твоему, произойдет, когда загадочно исчезнет корабль? Думаешь, она сдастся? Явится флот.

Никли вздохнул и встретился с ней взглядом.

– Рисн, вы считаете, мы этого не предусмотрели?

Он казался искренним. Пусть он состоял из чудищ, но внешне выглядел как человек, которого она довольно близко узнала за время путешествия.

– Все, что вы предусмотрели, не сработало. Почему ты думаешь, что получится отпугнуть Сияющих?

– Лучше бы вы заглотили наживку. Некоторые из нас хотели потопить ваш корабль, как только тот попал в шторм. Но мы их убедили. Сказали, что вы удовлетворитесь светсердцами. Еще вы должны были найти тайник со старинными картами и записями. Мы бы убедились, что вы их отыскиали до того, как уплыли. Вернувшись к королеве Навани, вы бы выяснили, что светсердца поддельные. Из записей следует, что все это часть старого пиратского замысла, со времен, когда остров еще не окружал шторм. Вы бы поняли, что пираты сочинили легенду о сокровищах, чтобы заманивать людей на Акину, и что поддельные самосветы на пляже притягивали внимание жертв и отвлекали их перед атакой пиратов. Все так изящно, так просто. С этой историей все бы забыли о богатствах Акины. Оставили бы нас в покое. Никому бы не пришлось умирать. Разве что...

– Разве что здесь есть Клятвенные врата. Никли, вас никогда не оставят в покое.

– Они подумают, что врата уничтожены. После того, что, к сожалению, ждет вас и вашу команду... некоторые из нас изобразят моряков. Ваш корабль с трудом дотянет до порта, и мы расскажем свою версию. Шторм, стоивший многих жизней. Сражение с невиданным большепанцирником. Уничтоженные Клятвенные врата. Поддельные светсердца. После этого все оставят нас в покое.

Преисподняя, это может сработать.

Но спокойный голос Встима нашептывал Рисн через океан. Это ее момент. Самая важная сделка в жизни. Чего они хотят? Чего, по их словам, они хотят?

«Бури, я к такому не готова», – подумала Рисн.

«Все равно придется это сделать».

Она набрала побольше воздуха.

– Ты и правда думаешь, что у вас получится изобразить моряков с моего корабля настолько хорошо, чтобы одурачить тех, кто их знает? Ты используешь татуировки, чтобы скрыть швы на коже. Ты не слишком понимаешь, как ведут себя тайленцы, поэтому изображал чужестранца. Ты и правда думаешь, ваша уловка сработает? Или только добавит загадочности?

Никли встретился с ней взглядом, но ничего не ответил.

– В этом изначально ваша проблема. Каждая ложь, которую вы плетете, лишь делает загадку более привлекательной. Вы хотите защитить это место. Что, если я вам помогу?

Во рту у Рисн пересохло. Но она не отводила взгляд от глаз существа. Нет, от глаз Никли. Нужно смотреть на него как на знакомого человека. На человека, с которым можно разговаривать, которого можно убедить.

Да, он кошмар из морской пучины, но, кроме того, личность. А потребности есть у всех.

Их прервали шаги у двери. На пороге появилась Струна в нагруднике, который она сумела зарядить буресветом. В кулаке у нее сияли найденные самосветы.

С одной стороны, выглядела она забавно, надев лишь половину брони. По сравнению с заряженной и готовой к бою частью доспеха незащищенные голова и руки казались детскими. Но ее серьезный вид и то, как она пристукнула древком копья... Благодаря ее решительности Рисн ощутила прилив сил.

Струна что-то громко проговорила на своем языке.

– Мы можем говорить по-веденски, – сказал Никли. – Чтобы Рисн понимала.

– Хорошо, – согласилась Струна. – Я бросаю тебе вызов! Ты должен сразиться со мной не на жизнь, а на смерть!

– Думаю, выяснится, что смертный никогда не одержит надо мной верх. Ты не знаешь, чего просишь.

– Ты согласен? – проревела Струна.

– Если настаиваешь.

– Ха! Тебя провели, бог! Я Хуалинам'лунанаки'акилу, дочь Нумухукумакиаки'аиалунамора, Фал'ала'лики'нора, того, кто натянул Часовой лук на рассвете нового тысячелетия, возвестив о годах перемен! Если убьешь меня, нарушишь древний Пакт семи пиков, поэтому ты должен сдаться!

Никли очень по-человечески моргнул, словно в полном замешательстве.

– Я... понятия не имею, что все это значит.

– Понятия не имеешь?.. – переспросила Струна.

– Нет.

– Прошу прощения. – Она поспешила подойти к Рисн, с каждым шагом клацая по камням, и опустилась на колени. – С вами все в порядке?

– В относительном. Струна... Мне кажется, они убьют всех, чтобы сохранить тайну.

– Похоже, они не знают о древних договорах, – прошептала Струна. – И по правде говоря, эти договоры заключены с другими богами. Я надеялась, что Боги, Которые Не Спят, связаны похожим образом, но теперь не уверена. – Она опустила глаза. – Рисн, я не воин. Я хочу им стать и забрать себе этот доспех, но меня не учили сражаться. Я не знаю, можно ли вообще сражаться с этими богами. В легендах их всегда нужно обхитрить.

– Я бы предпочла, – Рисн повысила голос, чтобы Никли услышал, – просто заключить соглашение. Наверняка их можно убедить.

– Возможно. Боги, Которые Не Спят, – хранители жизни. Они стремятся предотвратить ее конец. Используйте это.

Рисн окинула Никли изучающим взглядом. Он и другие Неспящие уже давно могли ее убить. Но они выжидали. Они готовы разговаривать. По их словам, решения нет. Но в таком случае почему она до сих пор жива?

– Струна права? – спросила Рисн. – Вы защитники жизни?

– Мы... – ответил Никли. – Мы видели конец миров и поклялись больше никогда не допустить подобного. Но, если нужно, мы убьем нескольких, чтобы защитить остальных.

– Что, если я предложу вам другой вариант, при котором больше не понадобится убивать людей?

– Мы пробовали. Мы сделали все возможное, чтобы вас отпугнуть. – Его кожа разошлась по швам, словно в волнении. – Много веков это место защищал шторм. Он ослаб лишь в последнее время, и теперь его можно преодолеть. Но... мы преданы своему делу, Рисн. Мы уже убили сотни людей.

– И вам никогда не приходило в голову, что в вашем методе есть изъяны? Да, вы можете создать очередную подделку. Но сработает ли она? Или еще больше правды просочится наружу? И все кончится тем, что люди заполонят остров? И вплотную приблизятся к настоящим тайнам? Тем, что вы прячете в этих пещерах? Ты говоришь, вы хотите защитить жизнь. Но если вы продолжите в том же духе, вам придется убить меня и Струну. Вам придется убить Сияющих рыцарей. Если вам и правда неприятно идти на столь отчаянные меры, не задолжали ли вы самим себе, да и космеру, сесть и хотя бы попытаться найти другой путь?

Она развернула ладони, снова показывая, что хочет начать торги.

Никли глянул на двух сородичей. Одна почти не старалась сойти за человека: ее кожа широко разошлась по швам, по телу вверх-вниз сновали кремлецы. Рисн не увидела ничего, что могло быть ответом, только усилилось пугающее жужжание.

Наконец Никли шагнул вперед и, к ее величайшему облегчению, уселся за столик.

Лопен едва успел откатиться с пути вонзившейся лапы. Его ступня взорвалась болью и неуклюже тащила по земле, отчего из глаз полились слезы. Вокруг собралось столько спренов боли, что можно было устраивать шквальный парад.

– Боги древних гердазийцев, – прошептал он, – пожалуйста, не допустите, чтобы меня убило чудовище, которое так глупо выглядит. Пожалуйста.

Моряки с воплями забросали чудовище копьями, чтобы отвлечь его от Лопена. Копья отскакивали. Лопену удалось заставить себя встать и опереться на одну ногу, чтобы, если получится, отпрыгнуть, но боль была невыносимая. Он с трудом мог разве что ползти. И бури, он не знает ни одной шутки про одноногих гердазийцев.

Лопен плюхнулся на камни. Чудовище взревело и полностью повернулось в его сторону. Оно откуда-то знало, что Сияющий гораздо вкуснее, чем моряки. Либо его пленило величие Лопена. Его лежащего-на-земле-со-слезами-на-глазах-шквальное величие. А может, и нет.

Стараясь подбодрить, Руа принял облик рубигончей и взволнованно скакал вокруг. Прямо перед Лопеном рухнул с неба Уйо с копьем в руке, но его сияние потускнело. Эти твари осушили и его тоже или он сам истратил весь буресвет?

Лопен махнул, чтобы Уйо убирался прочь, отступал вместе с моряками. Глупец с мозгами чулла твердо встал между чудовищем и Лопеном. Взревев, чудовище замахнулось. Уйо глянул прямо на Лопена, а потом развернулся к опускающейся лапке-копью и замер.

– Уйо! – закричал Лопен.

Его кузен взорвался светом. Лопена омыла студеной вспышкой, и он понял, что лежит на большом ледяном узоре в форме глифа.

Когда лапа чудовища настигла Уйю, в его руке из тумана появился самый большой и самый прекрасный осколочный молот, какой Лопен видел в жизни. Уйю со всей силы ударил им по лапе, панцирь треснул и разошелся, на камни брызнула фиолетовая слизь.

Никли вздрогнул.

– В чем дело? – спросила Рисн.

– Ваши друзья отлично сражаются.

– Они еще живы? Вы их не убили?

– Капитан и команда на корабле захвачены в плен. Я убедил остальных подождать и не убивать их, пока не поговорю с вами. – Он протянул руки. – Что я должен сделать?

– Торги начала я, – пояснила Рисн. – Поэтому я делаю предложение.

– У вас нет ничего, что нам нужно.

– Вы хотите найти способ избежать убийств. – Рисн старалась, чтобы голос звучал ровно. – Я могу вам помочь.

– Неверно. Мы желаем сохранить контроль над силой, которая способна уничтожить космер. Вот чего мы хотим, и желательно добиться этого, причинив как можно меньше страданий, но в рамках разумного.

– Значит, я могу вам помочь. Вы хотите создать подделку, которой поверят остальные? У меня это получится гораздо лучше, чем у вас. И королева Навани, и тайленский совет быстрее поверят, что Акина – западня, если это скажу им я, а не вы.

– Но тогда потребуется доверить вам тайну, слишком опасную, чтобы она покинула остров, – возразил Никли. – Кроме того, моряки на корабле видели, что я такое. Они должны умереть, даже если мы придем к соглашению.

– Нет, – сказала Рисн.

– Вы не в той позиции, чтобы...

– Я не отдам жизни капитана и членов команды. Это не обсуждается. Я несу за них ответственность.

Никли развел руками, словно говоря: «Я же предупреждал, что ничего не получится». Как же жутко, когда в этом жесте все его пальцы немного разошлись, и изнутри показались лапки, как у насекомых.

Рисн не могла удержаться, чтобы не пялиться.

– Что... что ты такое? – прошептала она, хотя, пожалуй, лучше бы сосредоточиться на торгах.

– Я как вы, – ответил Никли. – Ваше тело состоит из отдельных крошечных частиц, которые называются клетками. Мое тело тоже состоит из частиц.

– Из кремлецов.

– Я и мой вид произошли с другой планеты, поэтому мы предпочитаем термин «ордлецы».

– И один из них твой мозг?

– Многие из них. Мы храним воспоминания в особенных, выведенных для этой цели ордлецах. Когнитивная база доступна разным членам роя.

Никли повел пальцами, и маленькие кремлецы – нет, ордлецы – снова расцепились.

– У моего народа ушло три столетия, чтобы вывести ордлецов, имитирующих человеческие пальцы. И все равно большинству из нас не удается как следует изображать людей. Нам недостает манер, мыслей. Я моложе остальных, зато более искусен в подражании. – Он оглядел ее. – Рисн, со временем я немного научился понимать людей. Мне нравится проводить с вами время, разговаривать. Я люблю ваш вид, но даже меня убедили в том, как нужно поступить. Мы в безвыходном положении.

– Нет, решение есть. – Рисн против воли заставила себя говорить осторожным, рассудительным тоном, который вдолбил в нее бабск. – Ты говоришь, что тебя видели моряки – это можно обернуть нам на пользу. Лучшие подделки мало отличаются от правды, и множество свидетелей, которые подтвердят мои слова, нам на руку.

Никли покачал головой.

– Рисн, в космере есть силы, которые мы едва способны опознать, не то что отследить. Силы зла, которые при возможности устроят конец миров. Они разыскивают это место. Древние стражи Акины почти все вымерли, и теперь ее защищают Неспящие. Если ее отыщут враги, умрут миллиарды. – Он махнул на фреску. – Осколок зари...

Никли смолк на полуслове. Потом прищурился. Вскочил на ноги. Из его черепа выскочили крылатые ордлецы и подлетели к фреске. Они засновали по ней, к ним присоединились ордлецы двух его сородичей.

– Что вы наделали? – заревел Никли. Как же жутко, когда он говорит, а его голова разрезана надвое и один глаз ползет по щеке. – Что вы наделали?

– Я... просто смотрела на нее, и...

Никли резко дернулся, разговоры кончились. Он перегнулся через столик и схватил Рисн за отвороты жилета. Струна вскрикнула и попыталась его ударить, но от удара тело лишь развалилось на куски, и отдельные ордлецы полезли по рукам внутрь доспеха.

Остальные ордлецы набросились на Рисн. Человек превратился в чудовище. Он ее убьет. Рисн не знала, что наделала, но ясно, что торгам конец и пришел черед ее казни.

В самом разгаре пещеру сотряс низкий, грохочущий рев.

19

Лопен так остолбенел от трансформации Уйо, что на короткое время забыл о боли. Уйо. Уйо опередил его с Третьим идеалом?

Бури! Руа радовался, и... что ж, Лопен тоже рад за Уйо и его спрена. Но бури! Его кузену не хватило совести даже принять смущенный вид. Уйо увернулся от еще одной лапы, вскинул осколочный молот – тот услужливо превратился в копьё – и метнул. Копьё серебряным росчерком полетело прямо в цель и ударило в голову чудовища. Не в глаз, но с осколочным оружием разницы нет. Копьё прошило толстый панцирь и вылетело с другой стороны.

Гигантское, похожее на личинку чудовище покачнулось и рухнуло с таким треском, что Лопен сразу вспомнил, какой же он голодный. Нет ничего лучше крабовых ножек после того, как из тебя целый день выбивали дурь.

Запахавшийся Уйо с восторгом смотрел на свои руки, в которых снова появился осколочный молот. Он повернулся с глупой ухмылкой на лице и бросился к Лопену, чтобы помочь тому сесть.

Перед ними открывался прекрасный вид на бухту. Вода начала пузыриться и бурлить: поднимались еще шесть таких же чудовищ.

– Преисподняя, – пробормотал Уйо. – Кузен, у тебя остался буресвет?

– Нет. У тебя?

– Нет. Я подзарядился от вспышки, когда произнес Идеал, но этого хватило ненадолго.

– Понятно. Слушай, что думаешь насчет того, чтобы, скажем, оттащить своего чудесного кузена на спине до ближайшего укрытия?

Рев был настолько громким, что с потолка посыпалась каменная крошка. Ордлецы, кишачие вокруг Рисн и Струны, замерли. Никли лишь отдаленно напоминал человека: его лицо и грудь разошлись, кожа свисала со спинок отдельных ордлецов с подергивающимися лапками, внутренности извивались и жужжали. Но многие ордлецы повернулись на звук.

Боковая дверь приоткрылась сильнее, явив коридор побольше с черепами мертвых большепанцирников. Рисн могла поклясться, что они повернулись и уставились в их комнату. Шесть черепов вдоль постепенно сужающегося коридора, из-за чего каждой паре мертвых глаз видно, что происходит впереди, за остальными.

Рисн почувствовала, как вокруг нее что-то порхает. Вокруг нее и Струны, словно рыба в невидимом потоке, вился светящийся белый спрен с головой в виде стрелы. Рев раскатился в ее ушах, в памяти. Он не повторился, но по коридору эхом разнесся пронзительный визг. А потом на один из черепов, хлопая крыльями и издавая устрашающий, хоть и негромкий рев, подпрыгнула и приземлилась маленькая фигурка.

Чири-Чири вернулась. Ясно, что рев, который потряс Рисн до глубины души, издала не она. И все же Чири-Чири снова заревела изо всех сил. Она казалась довольно крохотной по сравнению с большим черепом, словно ребенок с деревянным мечом в ряду рыцарей в полной броне. Тем не менее она спустилась с черепа и заскакала по камням, ревя и взмахивая крыльями при каждом прыжке. Такой сердитой Рисн ее еще не видела: Чири-Чири заходила криком от всего своего маленького сердечка.

Ларкин подскочил к Рисн и запрыгнул на столик, а потом изо всех сил протрубил в сторону троих Неспящих. Ордлецы Никли втянулись в тело, снова сформировав подобие человека.

Выглядела Чири-Чири намного лучше. Исчез белесый оттенок панциря, вернулся естественный фиолетово-коричневый цвет. Учитывая размер, вряд ли ей удастся кого-то напугать, но она старалась по полной. Чири-Чири встала между Рисн и Никли. Рыча, пощелкивая и воя, бросила ему вызов.

– Древний страж, – обратился Никли к Чири-Чири с другой стороны столика, по-прежнему на веденском. – Нам стоило догадаться, что ты найдешь дорогу в эту комнату, но тебе больше не нужно защищать тайну. На закате твоего вида эту роль взял на себя мой вид.

– Тайну, – произнесла Рисн, – которая... неким образом поселилась у меня в голове.

– Скоро это исправят.

– Эти существа, – сказала Струна. – Ты говоришь, раньше они защищали это место? – Она поежилась, и Рисн не могла ее винить, особенно после того, как ощутила на коже тех странных насекомых. Струна выглянула в коридор на черепа, потом посмотрела на Чири-Чири. – Она одна из них. Она вернулась, чтобы защитить сокровище.

– Совпадение! – воскликнул Никли. – Чири-Чири просто доросла до размеров, когда ей нужно сформировать узы с мандрой, чтобы расти дальше.

– Другие представители ее вида вообще не растут, – возразила Рисн. – А Чири-Чири выросла. И привела меня сюда.

– Нас направлял спрен, – проговорила Струна. – Эта штука – воля богов.

– Сила внутри моей головы попросила меня выбрать, – сказала Рисн. – Она хотела, чтобы я ее приняла, чем бы это ни было.

– Нет, не хотела! – воскликнул Никли. – Осколок зари не живой. Он ничего не хочет. Вы его украли!

И Рисн знала или, по крайней мере, ощущала, что отчасти он прав. Она приняла в себя не живую вещь. Это нечто... другое. Повеление. У него нет воли, не оно привело сюда Рисн, не оно ее выбрало.

И то, и другое сделала Чири-Чири.

– Вы их видите? – спросила Струна, указав на потолок пещеры. – Они присоединились к нам и наблюдают. Видите богов?

Рисн набрала побольше воздуха и снова развернула ладони вверх.

– Похоже, у меня все-таки есть то, что вам нужно. Продолжим переговоры?

– Вы воровка! – Никли сделал шаг к Рисн, и из него посыпались кремлецы. – Вы не можете торговаться об украденных ценностях!

Он потянулся к Рисн, но Чири-Чири встала на дыбы и снова издала вопль. На этот раз немного по-другому. Не гневно и не просто предупреждая, а категорично. Ультиматум. Вопль как-то так прокатился по комнате, что Никли заколебался.

«Думай, Рисн. Нужно что-то ему дать. Многие торговцы пытаются всучить нежеланный товар, но прочного партнерства так не добьешься. Нужно дать им то, в чем они действительно нуждаются».

Никли снова шагнул вперед. Чири-Чири зарычала.

– Не думайте, что мы не убьем Древнего стража, если придется, – сказал Никли.

– Вы заявляете, что хотите защитить эту вещь, – отозвалась Рисн. – Но лишь угрожаете уничтожением.

– Если бы вы знали, на что способен Осколок зари...

– Теперь он внутри меня.

– К счастью, у вас не получится его применить. Это за пределами ваших возможностей. Но в космере есть те, кто воспользуются им для ужасных целей.

Рисн глянула на двух других сородичей Никли, отметив, насколько встревоженными выглядят их ордлецы. Теперь в голосе Никли слышалась неуверенность. И впервые она поняла, что они на самом деле чувствуют.

Ужас.

Они терпели крах. Неудачу за неудачей. Они цеплялись за тайну, которая ускользала, несмотря на все усилия. Как учил Встим, она смотрела их глазами. И ощущала их страхи, чувство утраты, неуверенность.

– Как низко вы пали, – прошептала Рисн. – Вы убьете стражей, которых почитаете? Насильно вырвете Осколок зари из разума носителя? Вы превратитесь в тех, от кого нас якобы защищаете.

Никли осел на пол. Его кожа разошлась, он стал похож на растрескавшуюся скорлупу.

«Дай им не то, что, по их словам, они хотят, – подумала Рисн. – Дай им то, в чем они нуждаются».

– Ты говоришь, что вы сражаетесь с тайными врагами, которых не можете обнаружить. Они могут воспользоваться этой вещью, а я нет. Мне кажется, самое безопасное место для нее у меня в голове.

– Почему? – спросил Никли.

– Ваша тайна просачивается в свет. Вы знаете, что ее не сдержать. Буря вечна, и стены рано или поздно рухнут. Вы отчаянно затыкаете щели, но шатается вся конструкция. Одна ложь подтачивает другую. Они придут. Те, кого вы боитесь. Насколько для вас важно увидеть, кто они такие? Что, если бы вы могли устроить западню им, а не невинным командам моряков?

– Невинным? – переспросил Никли. – Вы явились грабить.

– Собрать, – поправила Рисн. – Так более культурно. К тому же, ты знаешь, что это была лишь часть задания.

Никли обдумал ее слова.

– Слишком опасно. Если сюда явятся наши враги, то узнают тайну.

– Если она останется здесь. Если не переместится в совершенно неожиданное место, например, в разум случайной человеческой женщины. Кому придет в голову, что вы дали ей уйти с чем-то столь могущественным? Никли, слишком многие, заположив нечто ценное, сидят и сидят на нем, ожидая, что в один прекрасный день выручат кучу денег. Воображают, как великолепно все устроится! Сколько они заработают! И все это время они питаются отбросами. Знаешь, сколько людей умирает, так и не потратив, так и не использовав сбережения? Вы хотите обеспечить сохранность загадки, и это возможно, но вам нужно действовать. Нужно заключить сделку, найти союзников и выяснить, кто ваши враги. А если сидеть и надеяться, что можно просто вцепиться в загадку... это не работает. Поверь, Никли. Иногда нужно смириться с тем, что потерял, и жить дальше. Тогда наконец поймешь, что приобрел.

Он обмяк, но многие ордлецы смотрели на нее. Жутко, но вроде есть надежда.

– Никли, – прошептала Рисн. – Вспомни, чему я тебя учила. Насчет того, как подружиться с моряками. Насчет ритуала для новичков. Неидеальное решение...

– ...для неидеального мира, – закончил Никли. Он оставался неподвижным, но его ордлецы зажужжали с двумя другими роями.

После долгого поочередного жужжания Никли заговорил:

– Что потребуется, чтобы заключить сделку?

– Немного. Я расскажу все в точности, как было, но умолчу о фреске. Мы со Струной приплыли сюда, нашли доспех и духозаклинатели. Вы хотели на нас напасть, чтобы защитить сокровища, но впечатлились поведением Чири-Чири, одной из Древних стражей этого места. Она защищала меня с такой отвагой, что вы отступили. Мы провели с тобой много времени вместе, и я умею уговаривать. Мне удалось убедить вас в том, что мы не враги. Вы решили отпустить нас.

– Люди узнают о Клятвенных вратах. Такое не скроешь. Все сюда явятся.

– Именно! – воскликнула Рисн. – Этого мы и хотим. Пусть откроют Клятвенные врата, пусть ученые изучат каждый камень! Вы боитесь врагов? Да они сойдут с ума, обыскивая остров в надежде узнать тайну, которой больше нет!

– Потому что она будет у вас в голове. И они никогда не поверят, что мы могли допустить подобное. Мы, защитники планет, позволили этой силе войти в смертного... Неидеальное решение, однако... – Никли встретился с ней взглядом. – В нем есть изъян. Даже если ваши люди поверят, что мы просто вас отпустили, но враги? Они докопаются до правды.

– Значит, нужен еще один слой лжи, – кивнула Рисн. – Тайна, которую они «выведают». Мы всем расскажем, что вы нас отпустили, потому что были впечатлены. Или, может, что-нибудь более... мифическое. Струна, чем могла закончиться в сказках такая встреча?

Поразмыслив, Струна подняла голову:

– Спрены удачи. По легендам они приводят к сокровищу, да? Но всегда есть стражи сокровищ. И в сказках получаешь награду, если выполняешь их задания.

– Это всем и расскажем, – заключила Рисн. – А нашим королевам и другим сановникам изложим более хитроумную ложь, очень близкую к правде: я торговалась с вами за сокровища – доспех и духозаклинатели. О том, что у меня в голове, умолчим. Это и выведает те, кто шпионит и докапывается до тайн.

– Нам все равно нужно заключить правдоподобную сделку, – сказал Никли. – Наши враги должны поверить, что мы что-то от вас получили. Но у моего народа мало потребностей...

– Но они есть. Ты сам говорил. У твоего вида плохо получается изображать людей. Значит, договоримся об обучении. Я обязуюсь взять с собой нескольких из вас и показать, как быть человеком. Мы вас обучим.

– Это... может сработать. Да, в эту ложь поверят. Духозаклинатели практически бесполезны для моего вида. Мы бережем их из почтения, так как их преподнесли Древним стражам много лет назад. Но одна из них с вами, так что имеет смысл сторговать их вам... и нам действительно нужно обучение. Насчет этого мы часто жалуемся. – Никли глянул на Струну. – Она будет знать нашу тайну.

– Я с Пиков, – сказала Струна. – Из хранителей источника. Ты знаешь, что мне можно доверять.

Никли пожужжал со своими сородичами, потом смерил Струну взглядом.

– Если мы согласимся на эту сделку, то обменяем духозаклинатели на обучение и помощь Рисн в том, как изображать людей. Однако броня, которую ты надела, уже давно предназначена для стражей Осколка зари. Если ты ее примешь, то примешь и это бремя.

– Я... обдумую эту задачу. У меня много более важных обязательств.

– Если мы согласимся, а я не могу ничего обещать, потому что должны проголосовать все Неспящие, эту женщину нужно защищать. Ей понадобятся телохранители!

– У меня будет хранитель-ларкин, – сказала Рисн. – Истинный защитник Осколка зари, если твои слова правда. Я не против дополнительной помощи, но не забывай, что весь смысл в том, чтобы никто не догадался, что со мной случилось. Если за мной будут присматривать слишком многие, цели мы не достигнем. Полагаю, твои ордлецы способны следить за мной незаметно. Я не смогу им помешать, да и, если честно, мне спокойнее, если ты будешь рядом.

– К тому же, – вставила Струна, – это лишь подтвердит ложь: если ваши враги заметят тебя неподалеку от Рисн, то подумают, что ты обучаешься согласно сделке, которую мы заключили.

– Сделке, которую мы обсуждаем, – поправил Никли. – Еще ничего не решено. Рисн, вы даже не представляете, что наделали. Вы не понимаете, что теперь у вас в голове.

– Так... расскажи?

Никли рассмеялся.

– Словами это не объяснить. Осколки зари – Повеления. Воля бога.

– Я чувствую, что это верно, но... Мне всегда казалось, что Осколки зари – оружие наподобие мифических Клинков Чести.

Если честно, она редко слышала термин «Осколок зари», но почти не сомневалась, что они сродни Клинкам Чести.

– Самые мощные формы связывания потоков превосходят традиционное понимание смертных, – начал Никли. Его тело собиралось снова, ордлецы возвращались на свои места. – В своем величайшем проявлении они требуют Намерение и Повеление. Причем на таком уровне, что один человек никогда не справится в одиночку. Чтобы создать подобные Повеления, нужно мыслить, понимать мироустройство в масштабах божества. Так появились Осколки зари. Четыре первичных Повеления, которые создали все сущее. – Он помолчал. – И в конце концов с их помощью уничтожили самого Адональсиума...

Струна что-то прошептала на своем языке.

– Значит, ты и правда знаешь, – сказал ей Никли.

– Есть песни... – отозвалась Струна. – С незапамятных времен. Когда это... Повеление явилось из источника. – Она снова что-то прошептала на своем языке – судя по всему, молитву.

Рисн следила за несколькими ордлецами, которые ползали рядом. Выглядели они точь-в-точь как Чири-Чири в миниатюре.

– Раньше мы считали, – произнес Никли, заметив ее внимание, – что ланцерины вымерли, и остались лишь немногие ордлецы, которых мы с ними скрещивали. Низшие родословные, хотя с их помощью мы приобрели способность отчасти сводить на нет действие буресвета. Ваш ларкин третий выживший, о котором нам известно, и только он достаточно повзрослел, чтобы сюда вернуться.

Чири-Чири уселась на столике, но посматривала на троих Неспящих и предостерегающе пощелкивала.

– Зачем, ты сказал, она сюда вернулась? – спросила Рисн. – Она опять заболит?

– Чтобы не погибнуть под собственным весом, крупным большепанцирникам необходимо сформировать узы с мандрами – вы называете их спренами удачи. Здешние мандры особенные. Меньше по размеру, но сильнее, чем обычные разновидности. Непросто заставить летать такое тяжелое создание, как ланцера – или ларкина, как их теперь называют. Чири-Чири придется возвращаться каждые несколько лет, пока она не вырастет окончательно.

– Окончательно? – Рисн повернулась к черепакам. – О бури...

– Вам не следовало сюда приезжать, – продолжал Никли. – Нужно было вас разубедить. Но... нельзя отрицать: то, что вы сказали, правда. Вас привели сюда потребности Древнего стража. И к сожалению, все остальное тоже правда. Наша тайна просачивается в мир. Этот Осколок зари больше не в безопасности. Надо сказать... я не ожидал, что меня можно в этом убедить.

– Такова работа торгмастера – увидеть потребность, а потом ее удовлетворить.

Рисн ощутила, как на задворках сознания что-то странно давит. Повеление? Каким образом оно находилось во фреске, а теперь вторглось в ее голову? Ведь Рисн не удалось прочитать надпись. Что это за Повеление, которое не пишется, но вливается в объект, словно буресвет в сферу?

Никли встал, его ордлецы сцепились друг с другом. Он туго затянул свои одеяния.

– Мы все обсудим. – Позади два его сородича полностью распались, превратившись в кучи ордлецов. – Потом проголосуем. Это не займет много времени, так как другие передавали наш разговор всем роям. Мы общаемся быстрее людей.

– Никли, – позвала Рисн. – Когда будешь говорить с ними, передай от меня просьбу. У моего народа принято, что во время важных переговоров обе стороны часто приводят беспристрастного свидетеля. Того, кто будет взывать к морально-нравственным качествам переговорщиков. Скажи, ты тот же человек, что путешествовал со мной все эти месяцы? Или ты подменил настоящего Никли?

– Я тот же человек, которого вы наняли. Моя изначальная задача заключалась в том, чтобы наблюдать за Древним стражем и оценить, хорошо ли о ней заботятся. Кроме того, мы не без оснований полагали, что сюда скоро отправят экспедицию на тайленском корабле. А ваш корабль лучший во флоте. Проще всего было поместить меня в команду «Странствующего паруса».

– И ты ходил со мной по морю. Ты меня знаешь. Когда будешь говорить с остальными, я хочу, чтобы ты честно сказал им, что обо мне думаешь.

– Не знаю, что...

– Я прошу лишь о честности, – перебила Рисн. – Расскажи им, что я за человек и что я за торгмастер.

Кивнув, он распался на отдельных ордлецов, словно разбился на куски человек, заледеневший на Южных ветрах.

Струна опустила рядом с ней на колени и прошептала:

– Вы хорошо справились. Не хуже любого героя в песнях, которому нужно договориться с опасными богами. Но вы его не обхитрили.

– Надеюсь, я добилась кое-чего получше, – прошептала Рисн в ответ.

Струна кивнула и тут же занялась доспехом, заряжая последние части. Просто хотела быть готовой, на всякий случай.

Но этим дело не спасешь. Рисн напряженно ждала, наблюдая, как ордлецы общаются и шевелятся, словно многие были по крайней мере отчасти самостоятельными. Никли сказал, их разговор не займет много времени, но для Рисн ожидание было почти невыносимым.

Минут через пять Никли собрался в тело.

– Закончили.

– И... как прошло?

– Они послушали. Остальные считают, что ваша идея многообещающая, и оценили двойственный характер лжи, призванной запутать наших врагов. Однако мои родичи настаивают на двух дополнительных условиях. Вы обещаете никогда не формировать узы со спреном, чтобы стать Сияющей.

– Я... сомневаюсь, что Чири-Чири захочет меня с кем-то делить. Я об этом и не задумывалась, уж точно не всерьез.

– Также вы никому не расскажете, что с вами произошло, – добавил Никли. – Разве что мы сами об этом попросим. Я объяснил остальным, что людям часто нужно кому-то довериться. Они указали на Струну, но я сказал, что этого мало. Если мы хотим сохранить тайну и сотрудничать с людьми, чтобы защитить Осколок зари, потребуются и другие. Вы обещаете переговорить с нами, прежде чем обратиться к другим людям, и соглашаетесь рассказать им лишь то, что мы одобрим.

– Я согласна на эти условия. В свою очередь, вы обещаете, что никто из твоих родичей не причинит вреда моей команде. Они ведь по-прежнему... живы?

– К сожалению, на пляже произошло сражение с одним из наших более... специальных ордлецов. Сияющие с отрядом отступили под защиту города, и, полагаю, трое моряков погибли. Тем, что на корабле, по моей просьбе не причинили вреда.

У Рисн внутри все словно перевернулось из-за тех, кого она подвела. В то же время она боялась, что погибших окажется гораздо больше. Не самый плохой исход.

– А ты, – обратился Никли к Струне, – будешь ли ты защищать Осколок зари, сражаться за него?

– Нет. – Струна поднялась, зажав шлем под мышкой.

– Но... – начал Никли.

– Я не солдат. – Струна заговорила тише. – Я не воин. Чтобы от меня был толк, мне нужно тренироваться. Я отправлюсь на войну и научусь пользоваться этим даром. Я

буду сражаться с Пустотой, раз уж мой отец отказывается. Когда я достигну цели, то рассмотрю твою просьбу.

Никли глянул на Рисн, та лишь пожала плечами.

– Пожалуй, в ее словах есть смысл.

– Ладно, – очень по-человечески вздохнул Никли. – Струна, но ты поклянешься честью и матери, и отца, что сохранишь тайну и никому о ней не расскажешь. Даже кровным родичам.

– Не думала, что ты настолько хорошо знаешь мой народ, – отозвалась Струна. – Я принесу клятву. – И она заговорила на своем языке.

– Мы достигли взаимопонимания? – с надеждой спросила Рисн.

– Да, – ответил Никли. – Позже обсудим мелкие детали. Но мы согласны на ваши условия, Рисн Фтори ба-Встим. Ваша жизнь в обмен на честь. Духозаклинатели и доспех в обмен на обещание обучить нас и помогать нам.

Рисн охватило огромное облегчение. Слушая наставления Встима, она и представить не могла, что однажды будет торговаться за собственную жизнь. И, возможно, за нечто более важное.

– Итак, Рисн теперь осколочница? – спросила Струна. – Осколочница зари?

– Нет, – возразил Никли. – Никакая она не осколочница. Она и есть Осколок зари.

Так это устроено. – Он поклонился Рисн. – Мы поговорим позже.

Рисн взяла себя в руки, откинулась на скамеечке.

«Бури, – подумала она. – Что я наделала?»

«То, что нужно, – подсказал внутренний голос. – Ты приспособилась. Ты себя переделала».

И вот тогда Рисн самую малость осознала природу Повеления внутри себя. Воля бога переделывать, требовать стать лучше.

Сила меняться.

Эпилог

Лопен ласково похлопал камни и сказал им:

– Я никогда не забуду ни вас, ни время, что мы провели вместе.

Рушу убрала блокнот. Видимо, закончила набросок разрушенного города. Спустя несколько часов после сражения они в последний раз обходили руины.

– Вы проявили себя очень смело, – продолжил Лопен. – Понятно, вы всего лишь камни и не слушаете меня, потому что мертвые, вернее, никогда и не жили, но вы должны услышать: я ценю вашу жертву.

– Может, пора завязывать со странностями? – поинтересовалась Рушу. – Хотя бы на день. Просто попробуй воспринимать мир как все?

– Ты же видела, что сделали эти камни.

– Я видела, как одно чудовище споткнулось, если ты об этом.

Уйо с Лопеном на спине добрался до самых руин города, прежде чем их настигли чудовища. В ожидании конца кузены затаились в разрушенном доме – Рушу нашла для них дом с крышей. А потом одно из чудовищ споткнулось.

Само собой, пять минут спустя все твари вернулись в океан. Тогда Лопен еще не знал, что светлость Рисн выторговала мир и спасла их. И все же, когда чудовище споткнулось на камнях, они выиграли по крайней мере десять секунд.

– Разве не твой кузен буквально спас тебе жизнь? – спросила Рушу, присоединившись к Лопену по пути на пляж.

– Ага, спас, – согласился он.

Уйо поблагодарить труднее, чем кучу камней. Поэтому Лопен хотел потренироваться.

На пляже ждал Кстлед с двумя шлюпками, чтобы отвезти их на «Странствующий парус». Только что их поджидала неминуемая смерть, и вот они чудесным образом уплывают с чумовой добычей: осколочный доспех, гора самосветов – на этот раз настоящих – и несколько духозаклинателей.

– Напомни мне никогда не перечить светлости Рисн, – сказал Лопен. – Не знаю, какие испытания она преодолела, но поверить не могу, что в конце концов мы остались такими богатыми. И такими, чего уж там, живыми.

– Да, согласна, – отозвалась Рушу. – Есть во всем этом нечто странное, правда?

Она постучала пером по губам, покачала головой и зашагала к лодке. Они отплывали в Тайлену. Им предложили остаться после того, как закончились загадочные испытания, но никто не хотел здесь торчать. Зачем искушать судьбу?

На берегу Лопен кивнул Кстледу, который забрался в лодку к Рушу, оставив вторую лодку Сияющим. Похоже, Уйо удивился, но все это подстроил Лопен. Усевшись, он принялся грести. Не так уж трудно, если у тебя две руки.

– Не верится, что мы выбрались. – Уйо наблюдал, как удаляется остров. – Как думаешь, что произошло в подводной пещере?

– Думаю, это не наше дело.

Уйо хмыкнул.

– Мудрые слова, младший кузен. Само собой. Мудрые слова.

Какое-то время они молчали. Лопен правил к «Странствующему парусу».

– Что ж, Третий идеал? – наконец произнес он. – Поздравляю, старший кузен.

– Спасибо.

– Это идеал, в котором ты соглашаешься защищать тех, кого ненавидишь. По крайней мере, так было у Каладина, Тефта и Сига.

– Ага.

– И ты посмотрел прямо на меня, – тихо добавил Лопен, – перед тем, как его достиг.

– Это не обязательно то, о чем ты подумал. Ты же слышал, что Тефт рассказывал насчет своей клятвы. Для него она означала, что нельзя ненавидеть себя.

– И для тебя тоже? – Лопен медленно ворочал веслами. Гребок за гребком. Уйо не ответил, и он продолжил тише: – Все в порядке, Уйо. Я справлюсь. Мне нужно это услышать.

– Я тебя не ненавижу, Лопен. Да и как можно тебя ненавидеть? Для этого нужно быть совсем уж озлобленным.

– У этой фразы, как и в любой шутке Лопена, должна быть эффектная концовка.

Улыбнувшись, Уйо подался вперед. Он часто бывал таким серьезным, этот старший кузен Лопена. Сложен как валун и видок такой же, с этой его лысой башкой. Все неправильно понимают Уйо. Может, даже сам Лопен.

– Я тебя не ненавижу, – повторил Уйо. – Но порой ты самая настоящая заноза, младший кузен. Для меня, Пунио, Флиты, даже мамы Лонд. Иногда твои шутки причиняют боль.

– Я шучу с теми, кого люблю. Такой уж я.

– Да, но разве это обязательно? Само собой, можно цеплять чуть меньше.

– Я...

Бури. Это правда? Вот что они о нем думают? Лопен нацепил улыбку и кивнул Уйо, который, похоже, был рад, что разговор прошел так гладко.

Они добрались до корабля. Руа висел над головой Лопена, пока тот смеялся со встретившими его моряками. Потом Лопен потихоньку исчез в маленькой каюте, которую делил с Уйо. Уйо дал ему время поразмыслить. Посидеть. Попялиться в стену.

– Кто-нибудь еще на меня... жалуется? – спросил Лопен у усевшегося на столе Руа.

– Мои шутки... и правда причиняют боль?

Маленький спрен пожал плечами. Потом кивнул. Иногда.

– Буреотец, – прошептал Лопен. – Я просто хочу, чтобы люди были счастливы. Стараюсь, чтобы они улыбнулись.

Руа опять мрачно кивнул.

У Лопена вдруг заболело в груди, его окружили спрены стыда, похожие на красные лепестки. Боль разливалась, угрожая захлестнуть. Захотелось свернуться клубочком и больше не произносить ни слова. Может, остальным это понравится – Лопен-тихоня.

«Буря побори, – подумал он. – Нет. Нет, я приму удар как парень из Четвертого моста. Стрела прямо в сердце, а я ее вытащу и исцелюсь». Уйо мог бы придержать правду и обратить все в смех. Но он верил, что Лопен справится.

– Значит, так. – Лопен встал. – Мне нужно защищать людей. Даже от себя. Посвящу себя тому, чтобы стать наилучшим Лопеном, какой только может быть. Лучший, облагороженный, еще более невероятный Лопен.

Руа одобритительно вскинул кулак, а потом завалился набок.

– Руа? – Лопен наклонился к столу. – Ты меня разыгрываешь, нако?

Руа исчез. На его месте возник маленький серебристый кинжал. Что, во имя Рошара? Лопен взял его. Материальный, не иллюзорный. Это же...

«Слова приняты».

Лопена омыла ледяная вспышка силы.

– Забери меня буря! – завопил Лопен, глянув на потолок. – Опять? Я там чуть не погиб, а ты принял слова только сейчас?

«Время пришло».

– А где накал страстей? – спросил Лопен у небес. – Где умение выбрать подходящий момент? Ты в этом ужасен, пенхито!

«Ты меня обижаешь. Радуйся тому, что имеешь».

– Я даже не понял, когда их произнес!

Вот буря! Дурацкая клятва. Но он опробовал кинжал, и тот превратился в украшенный серебристый меч. Лопен ожидал, что Руа выгравировует неприличный жест, и, разумеется, как только он об этом подумал, гравировка появилась на клинке. Ха!

Столько возможностей...

Нет, нет. Он станет лучше. Никаких розыгрышей. Ну ладно, меньше розыгрышей. Это он сможет. Защищать людей от себя. Что за клятва вообще такая?

Но ладно, он же Лопен. С ним все иначе.

– Эй, Уйо! – крикнул он, рывком распахнув дверь. – Никогда не догадаешься, что только что случилось!

Рисн не позволяла себе расслабиться, пока ветер наконец не улегся и в иллюминаторе не засияло спокойное солнце. Корабль миновал шторм вокруг Акины.

Им и правда дали уйти.

Хотя теперь она не одна. Ее тайком сопровождали несколько ордлецов – представители Неспящих, которых она обучит и которые будут за ней присматривать. Скорее всего, всю оставшуюся жизнь.

Однако соглашение заключено, детали обговорены. Ложь самой лучшей разновидности, поскольку почти не придется лгать. Почти все, что нужно рассказать, – правда, и из команды только Рисн и Струна знают всю тайну целиком.

Чири-Чири стрекотала из кучи полотенец, где устроила гнездо. Теперь она выглядела довольной, панцирь снова стал ярким. Всю дорогу она скакала по каюте и носилась под потолком. Рисн никогда не видела ее такой энергичной.

Сохранит ли Чири-Чири способность летать, когда вырастет размером с ущельного демона? Из слов Никли следовало, что да. Буревые ветра! Что делать Рисн? И сколько ждать?

Что ж, она займется этим, когда придет время. Гораздо меньше уверенности у нее было насчет другого бремени, того, что в голове. Все плавание Рисн гадала, на своем ли она месте. А теперь ступала на территорию, по которой ее не мог научить ходить ни один бабск.

Но за последние годы Рисн слишком много просидела на одном месте. И теперь поймала себя на том, что ей в некотором смысле комфортно. Если никто раньше не ступал на этот путь, то и сравнивать себя не с кем. Ей необязательно быть Встимом. Не в этом задании.

– Вот почему ты меня выбрала? – спросила Рисн у Чири-Чири. – Знала, что это мне по силам?

Ларкин ободряюще застрекотал. Поразительно, насколько лучше почувствовала себя Рисн. С помощью рук она подтянулась вдоль скамьи и налила себе чаю. Наконец удалось расслабиться, так что можно прочесть ответы монархов. В основном подтверждения в ответ на ее послания. Подробности они обсудят лично. Тогда она и преподнесет им вторую полуложь насчет обучения Неспящих.

Бури! Дело в ней самой или этот чай настолько хорош? Она изучила чай, потом перевела взгляд на иллюминатор, из которого лились солнечные лучи. Не ярче ли они, чем обычно? Почему цвета в каюте вдруг кажутся исключительно насыщенными?

В дверь постучали.

– Войдите. – Рисн сделала еще глоток замечательного чая.

В каюту шагнула капитан Дрлвэн и поклонилась. Струна в полном осколочном доспехе по-прежнему караулила у двери.

– Вы и правда оставите его ей? – тихо спросила Дрлвэн, выпрямившись.

– Струна его нашла. По традиции осколки достаются тому, кто первый предъявил на них права. – При этих словах Повеление запульсировало теплом. – Кроме того, Струна спасла мне жизнь.

– Алети не обрадуются, – заметила Дрлвэн. – Они издавна заявляют права на осколки. Сомнительные, но подкрепленные силой.

– Придется им смириться с потерей этого доспеха. Зато им достанутся три духозаклинателя.

Дрлвэн улыбнулась. Пять новых духозаклинателей отправятся в Тайлену. Долгие годы алети почти монопольно владели создающими пищу устройствами, но теперь в Тайлене будет два таких, а также одно создающее металлы, одно – дым, и еще одно – древесину, совсем как то, которое город исстари использовал для создания лучших лесоматериалов для постройки судов.

Подлинное богатство, которое послужит многим поколениям тайленцев. А благодаря самосветам из пещер команда получит обещанные сокровища в качестве компенсации за пережитые опасности.

Рисн все еще горевала по трем погибшим. Какая напрасная потеря, когда соглашение достигнуто почти сразу после их смерти. Интересно, скорбят ли полководцы по солдатам, убитым прямо перед подписанием мира?

Капитан Дрлвэн уселась за стол. Немного помолчала, глядя мимо Рисн на льющийся из иллюминатора свет.

– Не думала, что мы снова увидим солнце, – наконец сказала она. – После того как явились те... существа, даже после вашего возвращения я ждала, что они заставят какую-нибудь тварь потопить «Странствующий парус», а потом спишут все на шторм.

– Признаюсь, у меня были такие же опасения, – проговорила Рисн.

– Что они такое? На самом деле? Они похожи на чудовищ из кошмаров и Пустоты.

– Большинство народов, отличных от нас, тоже поначалу внушают страх. Но Встим учил меня смотреть дальше собственных ожиданий. В данном случае это означало заглянуть за мое понимание того, что такое личность, увидеть человечность – и страх – в том, что было ночным кошмаром.

– Мне сказали, что вы сделали.

Рисн кольнула тревога, она не донесла чашку до рта. Что? После всего они рассказали об Осколке зари?

– Когда они покидали корабль, перед вашим возвращением. Они сказали, что у вас был шанс сторговаться за собственную жизнь и что вы отказались от переговоров, пока в сделку не включили условие о безопасности всей команды.

А, это. Беспокойство Рисн улеглось.

– Я поступила так, как поступил бы любой ребск.

– Простите, но вы поступили так, как поступил бы любой хороший ребск. Ребск, достойный этой команды.

Они обменялись взглядами, и Рисн благодарно кивнула.

– Когда мы отправимся в третье плавание, – сказала Дрлвэн, вставая, – не помешает, если команда увидит, как вы недолго правите кораблем.

– Почту за честь, – отозвалась Рисн дрогнувшим голосом. – Правда.

Дрлвэн улыбнулась.

– Будем надеяться, следующий рейс окажется более... традиционным.

Рисн бросила взгляд на фиолетового ордлеца, который прятался в тени, под самым потолком. Странно, контраст теней казался гораздо более отчетливым. И... почему голос Дрлвэн звучит мелодичнее?

– Капитан, думаю, я выберу самую скучную, самую будничную торговую экспедицию, какую удастся найти.

Дрлвэн осталась довольной. Над головой Рисн растаял единственный спрен славы. Она уселась поудобнее и задумалась над своими словами. Будничная. Скучная. У нее появилось предчувствие, что ни одно из этих слов больше не подойдет к описанию ее жизни.